This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

LSoc 3977.39-10 (1-2)

25p.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

[illegible] 13.

УЧЕНЫЯ
ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

w1-2

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1833.

LSoc 3977.39.10 (1-2)

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY AUG 23 1960

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

586239

Напечатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Іюля 19 дня 1833 года.

Секретарь Совѣта Ордин. Проф. Николай Надеждинъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1833. Іюль. № I.

I. НАУКИ.

А. ИСТОРІЯ.

1. ВЗГЛЯДЪ НА РОССІЙСКУЮ ИСТОРІЮ.

Лекція Профессора Погодина.

Исторія всякаго Государства, отдѣльно взятая, представляетъ собою высокое, поучительное зрѣлище народныхъ дѣйствій, устремленныхъ къ одной цѣли человѣческаго рода, цѣли, указанной ему благимъ Провидѣніемъ. Всякой народъ развиваетъ своею жизнію особую мысль Его и содѣйствуетъ болѣе или менѣе, непосредственно или посредственно, къ исполненію общихъ верховныхъ Его предначертаній. Но чѣмъ обширнѣе кругъ дѣйствій народа, чѣмъ сильнѣйшее вліяніе имѣетъ онъ на другіе народы и все человѣчество, чѣмъ болѣе онъ него зависитъ судьба современниковъ и потомства, чѣмъ необходимѣйшее звено составляетъ онъ въ великой цѣ-

ти; тѣмъ бо́льшую цѣну получаетъ онъ въ глазахъ Историка. Взгляните же на Россію въ настоящую минуту ея бытія. Занимая такое пространство, какого не занимала ни одна Монархія въ свѣтѣ, ни Македонская, ни Римская, ни Аравійская, ни Франкская, ни Монгольская, она заселена преимущественно племенами, которыя говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ слѣдовательно одинъ образъ мыслей, исповѣдуютъ одну Вѣру, и, какъ кольца электрической цѣпи, потрясаются внезапно отъ единаго прикосновенія, между тѣмъ какъ всѣ предшествовавшія состояли изъ племенъ разноязычныхъ, которыя не понимали, ненавидѣли другъ друга, и были соединяемы временно, механически, силою оружія, или другими слабѣйшими связями, нодъ вліяніемъ одного какого нибудь могущественнаго генія. Даже нынѣшнія Европейскія Государства въ малыхъ своихъ размѣрахъ не могутъ представить такой цѣлости, и занимая неравненно меньшее пространство, состоятъ изъ гораздо бо́льшаго количества разнородныхъ частей. А сколько единоплеменныхъ намъ народовъ обитаетъ въ средней Европѣ даже до Рейна и Адріатическаго моря, народовъ, которые составляютъ съ нами одно живое цѣлое, которые соединены съ нами

неразрывными узами крови и языка, узами крѣпчайшими всѣхъ прочихъ географическихъ и политическихъ соединеній, въ чемъ согласаются дальновиднѣйшіе изъ нашихъ противниковъ. Прибавимъ теперь къ этому неизмѣримому пространству, къ этому безчисленному народонаселенію, прочія ея силы, вещественныя и невещественныя, богатство въ естественныхъ произведеніяхъ, коими мы можемъ надѣлить Европу, не имѣя нужды ни въ какомъ изъ ея товаровъ: — мысль цѣпенѣешь, по счастливому выраженію Карамзина.

Взглянувъ на Россію въ минуту ея покоя, разсмотримъ теперь одно изъ ея дѣйствій, совершившееся предъ нашими глазами. Вся Европа, приготовлявшись въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, собравъ свои силы, въ лицѣ двадцати языковъ, вторглась чрезъ беззащитныя границы въ самую средину ея, подъ предводительствомъ величайшаго изъ полководцевъ древняго и новаго міра, который въ этомъ походѣ поставлялъ свою славу, видѣлъ конецъ многолѣтнихъ трудовъ, исполненіе любимѣйшихъ желаній, и что же? Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по слову Царскому, не осталось ни одного иноплеменника на землѣ Русской, и грозный врагъ,

покоритель царствъ и народовъ, судія всего свѣта, влачитъ на пустынномъ островѣ унылые дни свои, и въ часы геніальныхъ откровеній, смотря въ будущее, предвѣщаетъ Европѣ Русское владычество. Отразивъ побѣдоносно такое нападеніе, освободивъ Европу отъ такого врага, низложивъ его съ такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни въ комъ и нужная всѣмъ, можетъ ли чего нибудь опасаться Россія? Кто осмѣлится оспоривать ея первенство, кто помѣшаетъ ей рѣшать судьбу Европы и судьбу всего человѣчества, если только она сего пожелаетъ? — Португаллія ли, раздираемая въ своемъ углу междуусобною войною между двумя родными братьями, или Испанія, надъ коею тяжкой мглою носится еще духъ Филиппа втораго, или Англія, Государство богачей и нищихъ, изнемогающая подъ бременемъ своего неоплатнаго долга, и немогущая почти прокормить своего народонаселенія, или Франція, которую послѣ такихъ кровавыхъ опытовъ, послѣ революціи и Наполеона; не могутъ успокоить всѣ ея великіе таланты, Гизоты и Дюпени, Биньоны и Перье, со всѣми ихъ превосходными теоріями и славными открытіями въ наукахъ, или Австрійская Имперія, ко-

порая, при всѣхъ усиліяхъ своихъ Кауницевъ и Меттерниховъ, едва только можетъ сохранять разнохарактерныя свои владѣнія, или Швеція и Данія, которыя никакъ, кажется, не могутъ выдти изъ предѣловъ, назначенныхъ имъ Природою, или Германскія владѣнія пятидесятыя наши Губерніи? — Повторяю, кто помѣшаетъ РУССКОМУ ЦАРЮ рѣшать судьбу Европы, судьбу всего человѣчества? Кто возмется опровергнуть это математическое заключеніе? Вотъ, какое будущее открывается при одномъ взглядѣ на Россію въ одну минуту ея бытія!

Какое же прошедшее соотвѣтствовало этому блистательному, почти безконечному будущему! Какъ сложился этотъ колоссъ, стоящій на двухъ полушаріяхъ? Какъ сосредоточились, какъ сохраняются въ одной рукѣ всѣ сіи силы, коимъ ничто, кажется, противостоять не можетъ?

Вотъ важность Россійской Исторіи, которая съ одного взгляда на Россію предстанется всякому постороннему человѣку, не Русскому, не имѣющему никакого свѣдѣнія о нашей Исторіи, изъ одного только простаго понятія, что всякое настоящее, всякое будущее, есть плодъ прошедшаго. Вотъ самая простая и естественная причина, по

къ зернѣ, сѣмени Русскаго Государства, сравнительно съ прочими Европейскими. — Далѣе — всѣ Европейскія Государства, бывъ основаны на развалинахъ Западной Римской Имперіи, озаряются изъ Рима свѣтомъ Христіанской Религіи; мы одни, по какому-то нечаянному случаю, получаемъ ее *изъ Константинополя*, какъ бы предназначенные сохранить и развить особливую сторону Вѣры, только что раздѣлившейся тогда; и у насъ, такъ какъ въ Греціи, духовенство подчиняется Государямъ, между тѣмъ какъ на Западѣ оно вяжетъ и рѣшитъ ихъ. Другое существенное отличіе, коего слѣдствія также проспираются по всей Исторіи. Россія сдѣлалась какъ будто преемницею Имперіи Конспантинопольской, между тѣмъ какъ Западная продолжалась въ лицѣ прочихъ Европейскихъ Государствъ. — Первымъ чадомъ завоеванія во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ былъ Феодализмъ съ происшедшимъ отъ него Рыцарствомъ. У насъ, въ странѣ, *населенной заселенной*, а по мѣстамъ, раздѣленнымъ степями и лѣсами, развилась Удѣльная система, которая существенно отличается отъ Феодальной, хотя и сохраняетъ видъ того же рода, и Государство основалось во владѣніи одного семейства, раздѣлившагося на многія отрасли

Въ Западной Европѣ произошло отъ Феодализма Маіорашство. У насъ при Удѣльныхъ Князьяхъ, имѣвшихъ совершенно равную власть, или лучше, власть, основанную на одной силѣ, не было Маіорашства даже въ наслѣдованіи Престола; ибо не сынъ слѣдовалъ за отцемъ во владѣніи, а старшій въ родѣ, хотя съ многими исключеніями, даже до позднѣйшаго времени, и наслѣдство дробилось въ безконечность. Всѣ Европейскія великія происшествія, средства для развитія, въ которыхъ мы по Вѣрѣ, языку и другимъ причинамъ не принимали или не могли принять участія, были замѣнены у насъ другими, болѣе или менѣе: напримѣръ слѣдствіе Крестовыхъ походовъ въ политическомъ отношеніи, то есть ослабленіе Феодализма и усиленіе Монархической власти, было произведено у насъ *Монгольскимъ игомъ*, а реформацію въ умственномъ отношеніи замѣнилъ намъ, можетъ быть, *Петръ*. Всѣ Государства, всѣ народы, древніе и новые, получили первоначальное образованіе отъ иностранцевъ: Персы отъ Мидянъ, Египтяне отъ Эѳіоплянъ, Эѳіоплане отъ Индѣйцевъ, Греки отъ Египтянъ, Римляне отъ Грековъ, и проч.; а въ Русской Исторіи какимъ удивительнымъ, страннымъ нужемъ шло это образованіе: припомнимъ

нашествія Норманновъ, Монголовъ, Поляковъ, и самихъ Французовъ, эпохи нашего образованія умственнаго и гражданскаго. Словомъ сказать, вся Исторія наша до малѣйшихъ общихъ подробностей представляетъ совершенно иное зрѣлище: у насъ не было укрѣпленныхъ замковъ, наши города основаны другимъ образомъ, наши сословія произошли не такъ, какъ прочія Европейскія. Доступность правъ, яблоко раздора между сословіями въ древнемъ и новомъ мірѣ, существуетъ у насъ искони: просвѣщенному открытъ путь къ высшимъ Государственнымъ должностямъ, и Университетскій дипломъ замѣняетъ собою всѣ привиллегіи и грамоты, чего нѣтъ въ Государствахъ, наиболѣе славящихся своимъ просвѣщеніемъ, стоящихъ якобы на высшей степени образованія. Необыкновенное явленіе, которому подобнаго напрасно будете вы искать во всей древней и новой Исторіи, которое не удивляетъ насъ потому только, что мы слишкомъ къ нему привыкли. Такихъ явленій преисполнена наша Исторія. Кто сожигаетъ у насъ Разрядныя книги и уничтожаетъ мѣстничество, основанное также на заслугахъ? Не разъяренная чернь Бастильская въ минуту звѣрскаго неистовства, не Гракхъ,

не Мирабо, не Руссо, а чиновный боярин, спокойно, на площади, предъ лицемъ всѣхъ сословій, по повелѣнію Самодержавнаго Государя Ѳеодора Алексѣевича. — Кто доставляетъ намъ средство учиться, понимать себя, чувствовать человѣческое свое достоинство? *Правительство.* Петръ Великій насильно даетъ намъ книги въ руки, представляетъ примѣръ собою, и придцать лѣтъ держитъ надъ нами свою мощную десницу, опасаясь, чтобъ мы не возвратились къ прежнему своему Восточному забытью. Карамзину въ Россіи отъ Государя до послѣдняго мѣщанина, умѣющаго читать, всѣ принесли должную дань почтенія; а какъ принимали Гиббона Лондонскіе вельможи, о чемъ онъ съ огорченіемъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ? Байронъ не столько славился своею Поэзіею, сколько родствомъ съ Норманскими рыцарями; а наши умнѣйшіе Государственные люди напротивъ ищутъ славы писателя. Всѣ сіи явленія не безъ историческаго основанія. Наше Дворянство, не Феодальнаго происхожденія, а собравшееся въ позднѣйшее время съ разныхъ сторонъ, какъ бы для того, чтобъ пополнить недостаточное число первыхъ Варяжскихъ пришельцевъ, изъ Орды, изъ Крыма, изъ Пруссіи, изъ Италіи, изъ Литвы,

не можетъ имѣть той гордости, какая течетъ въ жилахъ Испанскихъ Грандовъ, Англійскихъ Лордовъ, Французскихъ Маркизовъ и Нѣмецкихъ Барановъ, называющихъ насъ варварами. Оно почтеннѣе и благороднѣе всѣхъ дворянствъ Европейскихъ въ настоящемъ значеніи этого слова; ибо приобрѣло свои отличія *службою* отечеству.

Мы удивлялись Россіи, въ настоящую минуту ея бытія, безъ отношенія къ Исторіи; но менѣе ли удивительна, почтенна ея Исторія, столько отличная отъ Исторіи всѣхъ прочихъ Государствъ, представляющая столько явленій безпримѣрныхъ, новыхъ? Выразумѣть всѣ сіи явленія, объяснить ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, подвести ихъ подъ параллельныя линіи прочихъ Исторій, сравнить ихъ между собою, показать сходства и отличія, изслѣдовать причины тѣхъ и другихъ: какая задача можетъ быть важнѣе для мыслящаго Историка? И такъ Исторія Россіи, представительницы въ нѣкоторомъ смыслѣ всѣхъ Славянскихъ племенъ, есть важнѣйшая часть Европейской Исторіи, и слѣдовательно Исторіи вообще, которую безъ нея не могутъ хорошо понять ни Гизоты, ни Галламы, ни Лудены.

Перейдемъ къ частнымъ достоинствамъ. Ни одна Исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго, если можно такъ выразиться, какъ Россійская. Воображая событія, ее составляющія, сравнивая ихъ непримѣтныя начала съ далекими, огромными слѣдствіями, удивительную связь ихъ между собою, невольно думаешь, что *перстъ Божій* ведетъ насъ, какъ будто древле Іудеевъ, къ какой-то высокой цѣли. Я имѣлъ случай указывать на нѣкоторыя черты сего чудеснаго прежде припомнимъ оныя здѣсь вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими. Олегъ, недовольный вѣроятно Новгородцами, безъ всякаго намѣренія, переселяется въ Кіевъ, и сіе переселеніе предводителя почти кочеватаго племени, имѣетъ безконечное вліяніе на всю будущую судьбу Россіи, которая безъ онаго, войдя въ сношеніе съ близкимъ Западомъ чрезъ Новгородъ, должнабъ была неминуемо подчиниться Папѣ и принять участіе въ судьбѣ Католическаго Запада. Чувствуете ли вы, что сіе по видимому случайное переселеніе долженствовало быть непремѣнно, чтобъ Россійская Исторія получила тотъ видъ и характеръ, какой имѣетъ. Принявъ Христіанскую Вѣру при Владимірѣ, Россія четыреста лѣтъ послѣ того не имѣетъ почти никакого сношенія съ Гре-

цією, кромѣ монашескихъ путешествій; но въ пятнадцатомъ столѣтіи, какъ нарочно, послѣдняя отрасль Палеологовъ, Царевна Софія, вступаетъ въ бракъ съ Іоанномъ III, истиннымъ основателемъ нашего Государства, и принеся намъ гербъ, устрояетъ первый нашъ Дворъ, и дополняетъ первое Греческое вліяніе на Россію. Вспомните теперь пятнадцатое столѣтіе, вспомните съ какими величайшими затрудненіями утверждено было единовластіе во всей Европѣ; у насъ не было почти никакого: всѣ роды Удѣльныхъ Князей вымерли или обмелѣли къ этому времени, и Москва должна была только что прибирать ихъ наслѣдство къ своимъ рукамъ. Новгородъ, Рязань, Тверь, Вятка, страны Сѣверскія, Пермь, Малороссія, не области, а цѣлыя Государства Европейскія, почти не были покорены нами, а только покорились, повинуясь силѣ какаго-то естественнаго тяготѣнія. — Какъ освободилась Россія изъ-подъ ига Монголовъ? Почти безъ ея вѣдома: Іоаннъ и Ахметъ, устрашившись другъ друга, разошлись въ разныя стороны, одинъ въ Москву, другой въ Орду, а между тѣмъ 1480 годъ считается эпохою нашего освобожденія. И дѣйствительно, Орда, раздѣленная на многія ханства, послѣ не могла уже

болѣе устраивать Россіи, и всѣ ея части, одна за другою, начиная съ Казани, достались намъ, не столько неволею, сколько волею. Спасеніе Россіи отъ Поляковъ и Шведовъ, когда въ одной части ея начатались уже книги съ именемъ Владислава Жигимонтовича въ заглавіи, а другая готова была присягнуть Густаву Карловичу, избраніе на Престолъ фамиліи Романовыхъ въ лицѣ семнадцатилѣтняго юноши, укрывавшагося дотолѣ въ глубинѣ монастырской келліи, фамиліи Романовыхъ, которая дала Россіи Алексѣя, Ѳеодора, Петра, — прибавлю здѣсь и Елисавету, основательницу Московскаго Университета, — менѣе ли удивительны? — И какова связь между смертью въ Угличѣ семилѣтняго Царевича Димитрія, игравшаго въ тычку ножемъ, и реформаціею Петра! А послѣдняя не могла бы произойти такъ безъ перваго происшествія. Не пресѣкись родъ Московскихъ Князей: не было бы Романовыхъ, не было бы Петра. А судьба сего Петра, который младенцемъ еще прошелъ невредимо сквозь тысячи стрѣльцевъ и раскольниковъ, мимо копій и печей, мимо властолюбивой Софіи, и сѣлъ на отеческій Престолъ; котораго послѣ, въ лѣтахъ мужества, не брали ни порохъ, ни ядъ, ни желѣзо! Присоедините сюда жизнь

еще одного человѣка, который, кажется, долженъ былъ нарочно бѣжать изъ Женевы, чтобъ овладѣть воображеніемъ младенца, возбудить въ немъ любопытство и удивленіе къ иностранцамъ, но есть бросить въ его душу первое сѣмя всѣхъ будущихъ преобразованій. Я говорю о Лефортѣ. Кому предназначено было судьбою постигнуть намѣренія Петра, довершить его начинанія, приблизить Россію еще болѣе къ ея цѣли? Принцессѣ изъ Герцогства Ангальтъ-Цербстскаго, которая имени предъ симъ неслышно было въ Россіи. — Событія нашего времени менѣе ли чудесны? Наполеонъ нападаетъ на Россію съ силами всей Европы; какой счастливый случай, казалось бы, для Турціи и Швеціи отмстить намъ за прежнія раны, имъ нанесенныя, и возвратить себѣ завоеванія Екатерины и Александра. Нѣтъ. Онѣ именно въ это время уступаютъ, утверждаютъ за нами новыя страны. И при какихъ правителяхъ? При Бернадоттѣ и Махмутѣ. Но какъ Наполеонъ, первый политикъ своего времени, могъ выпустить изъ виду это развлеченіе нашихъ силъ, которое почти вѣрно обезпечивало ему побѣду? На него нашло непостижимое ослѣпленіе, и враги сдѣлались намъ друзьями, и даже помогли выйдти изъ критическаго положенія.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Не правда ли, что всѣ сіи событія были бы почтены невѣроятными баснями, если бы не составляли истинной Исторіи? Въ Исторіи языка, промышленности, внутренняго управленія, встрѣчаются такія же чудеса; такъ напримѣръ, бѣдный крестьянинъ, рыболовъ, съ береговъ Ледовитаго моря, который подъ двадцать лѣтъ только началъ учиться грамотѣ, преобразовалъ Русское слово и далъ своимъ соотечественникамъ новое, сильнѣйшее орудіе въ благородныхъ преніяхъ съ Европейскими народами; во сколько временъ процвѣли наши Фабрики! и проч. и проч.

Далѣе — частная Исторія получаетъ большую занимательность отъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ; она представляетъ цѣлый курсъ Психологіи въ лицахъ: я не думаю, чтобъ какое-либо Государство могло выставить много такихъ людей сряду, каковы были у насъ Іоаннъ III вмѣстѣ съ Софіею и Еленою, Василіемъ и Димитріемъ, Іоаннъ Грозный съ Сильвестромъ и Адашевымъ, Курбскимъ и Скуратовымъ, Борисъ Годуновъ съ своимъ семействомъ, Самозванецъ, Шуйской, Скопинъ и Болотниковъ, наконецъ герои междуцарствія — Гермогенъ, Ляпуновъ, Діонисій, Палицынъ, Мининъ, Трубецкой, Пожарской, за коими слѣдовали Филаретъ, Алексѣй, Софія; не говорю уже здѣсь о

Петрѣ Великомъ, который одинъ составляетъ собою цѣлый народъ, цѣлый вѣкъ, цѣлую Исторію. И въ какихъ разнообразныхъ отношеніяхъ находились сіи люди! Чрезъ какія ступени напримѣръ перешла душа Годунова, который, женясь на дочери палача Іоаннова, изъ простаго дворянина сдѣлался приближеннымъ вельможею, правителемъ, Царемъ, который имѣлъ сладостное удовольствіе видѣть Россію, вознесенную его трудами и мыслями на верхъ могущества и славы, и чрезъ минуту пасть жертвою мелкой личной злобы, и на смертномъ одрѣ предчувствовать гибель дражайшаго своего семейства, которое любилъ онъ больше всего на свѣтѣ. Простое повѣствованіе о судьбѣ его, о жизни таинственнаго Самозванца съ его Мариною, о Шуйскомъ, суть такіе романы, которыхъ никогда не моглобъ создать богатое воображеніе Валтера Скотта.

Скажемъ нѣсколько словъ о сихъ лицахъ въ другихъ отношеніяхъ. Союзъ Іоанна III съ Литвою и Польшею, Крымомъ и Валахіею, отношенія къ Турціи и Золотой Ордѣ, связи и договоры Годунова, представляютъ училище для негоціаторовъ, въ которомъ они найдутъ много опытовъ и любопытныхъ свѣдѣній для себя даже послѣ Исторіи совре-

мыхъ Европейскихъ Государей — Лудовика XI, Фердинанда Католика и Карла V. До сихъ поръ мы не отдавали должной справедливости нашей старинной Дипломатіи, потому что, по какому-то странному предубѣжденію не смѣли сравнивать нашихъ дѣльцовъ съ Западными Министрами; но, оставивъ блестящія имена, я не знаю, въ чемъ и много ли уступятъ имъ наши Щелкаловы, Васильевы и Годуновы.

Наконецъ слѣдуетъ говорить о Россійской Исторіи въ отношеніи къ настоящему времени. Мы живемъ въ такую эпоху, когда одна ясная мысль можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на судьбу цѣлаго рода человѣческаго, когда одно какое-либо историческое открытіе можетъ подать поводъ къ Государственнымъ учрежденіямъ. Какое славное поприще, какіе великолѣпные виды для Науки! — Съ другой стороны не часто ли случается намъ слышать восклицанія: за чѣмъ у насъ нѣтъ того постановленія или этого. Еслибъ сіи ораторы были знакомы съ Исторіею, и въ особенности съ Исторіею Россійскою, то уменьшили бы нѣкоторыя свои жалобы, и увидѣли бы, что всякое постановленіе должно непремѣнно имѣть свое сѣмя и свой корень, и что пересаживать чужія растенія,

какъ бы онѣ ни были пышны и блистательны, не всегда бываетъ возможно или полезно, по крайней мѣрѣ всегда требуетъ глубокаго размышленія, великаго благоразумія и осторожности. Далѣе — они увидѣли бы ясно собственные наши плоды, которымъ напрасно искать подобныхъ въ другихъ Государствахъ, и преисполнились бы благодарностію къ Промыслу за наше удѣльное счастіе. Въ этомъ отношеніи *Россійская Исторія можетъ сдѣлаться охранительницею и блюстительницею общественнаго спокойствія*, самою вѣрною и надежною.

Вотъ, по чему изученіе Россійской Исторіи полезно, важно, необходимо. Я старался обозрѣть нѣкоторыя ея особливыя качества и представить ея отношеніе къ современному міру, къ наукѣ, къ настоящимъ обстоятельствамъ. Я не упоминалъ только объ одной важнѣйшей причинѣ, которая болѣе всѣхъ другихъ должна возбудить насъ къ сему занятію, и которую я предоставляю собственному сердцу каждаго: Россійская Исторія — это мы сами, наша плоть и кровь, зародышъ нашихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, которыя, постепенно развиваясь отъ самаго грубаго начала, наконецъ получили въ насъ настоящую спе-

пень своей зрѣлости. Изучая Исторію мы изучаемъ самихъ себя, достигаемъ до своего самопознанія, высшей точки народнаго и личнаго образованія. Это *книга бытія нашего.*

И когда мы можемъ съ большими надеждами начать свои труды, какъ не въ наше время? АВГУСТѢЙШІЙ МОНАРХЪ принимаетъ Отечественную Исторію подъ высокій покровъ СВОЙ; просвѣщенное Начальство, постигшее всю важность Историческихъ занятій, доставляетъ всѣ нужныя средства для ихъ продолженія. Мы повторимъ здѣсь всегдашнее наше желаніе, чтобъ скорѣе изданы были лѣтописи и прочіе источники Россійской Исторіи, чтобъ плоды Археографической Экспедиціи Строева были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе, и не оставались тлѣть въ архивахъ, какъ то къ несчастію случилось съ трудами другихъ нашихъ незабвенныхъ изслѣдователей. Тогда только Россійская Исторія получитъ надежное основаніе, тогда только обозначатся всѣ матеріалы, изъ коихъ долженъ создаться великолѣпный ея храмъ.

Б. БОТАНИКА.

2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ СИСТЕМЫ РАСТИТЕЛЬНАГО ЦАРСТВА.

Лекція Адъюнкта-Профессора Максимовича.

> Ut modulationes sine harmonia non musicae, sic notiones sine systemate non scientia dicendae. Nisi aeternum in continua varietate, infinitum in revelatione finita, quaerimus, fragilis nostra spes et inanes nostrae contentiones! *Fries.*

Изложеніемъ системы *Агардовой* и начашковъ системы *Фриса* окончено наше разсмошрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ системъ расшительнаго царсшва.

Всѣ онѣ предсшавляюшъ намъ посшоянное, посшепенно-возрасшающее сшремленіе ума ошкрышь шо единсшво и шу сшройную, гармоническую цѣлосшь, кошорыя находящся въ разнообразіи расшишельной природы. Слѣдсшвенно *представленіе разнообразія и многоразличія въ сшройномъ единсшвѣ и цѣлосши*, есшь исшинное значеніе *Системы*.

Но природа не вдругъ открываетъ человѣку свои таинства; не многимъ доступно ея внутреннее святилище. Отъ того происходитъ множество системъ, кои можно назвать только опытами ума представить многоразличіе предметовъ природы въ порядкѣ и подчиненіи извѣстнымъ началамъ. И мы видѣли уже, что многимъ изъ сихъ опытовъ удавалось открывать нѣчто изъ тайнъ природы; и что въ каждомъ изъ нихъ есть свои недосмотрѣнія и заблужденія. — *Истинное* принадлежитъ природѣ, и, будучи открыто умомъ, остается навсегда достояніемъ Системы. *Ошибочное* принадлежитъ своему автору и времени, и остается только какъ поучительный памятникъ исторической. Ни одна изъ бывшихъ доселѣ системъ не удовлетворяетъ тому, чего требуетъ умъ отъ *Системы* — она далека еще отъ *совершенства*.

Несправедливо однакожъ, въ слѣдствіе сего, отказываться отъ *Естественной Системы*, которую великій Линней называлъ *первою и послѣднею цѣлію Ботаники*. Уже такъ много для нея открыто *положительнаго* и *достовѣрнаго*, оправданнаго временемъ и принятаго большинствомъ мнѣній, даже различныхъ въ своемъ основаніи. Уже открыты берега сей новой твердой земли, какъ берега Америки во вре-

мена Колумба! Невѣріе въ семъ случаѣ было бы анахронизмомъ.

Но несбыточна была бы и мысль создать прочную Систему теперь, послѣ стольких неудачъ; послѣ того, какъ въ нашихъ глазахъ разрушаются системы, казавшіяся окончательными. Сколь удовлетворительною, напримѣръ, казалась недавняя система, выводившая изъ *простой, безразличной точки* все разнообразіе животнаго тѣла и всего животно-органическаго царства! Но послѣ микроскопическихъ наблюденій Эренберга, открывающихъ *сложное* строеніе тѣла въ малѣйшихъ Инфузоріяхъ, въ самой *Монадѣ*, мы принуждены разстаться съ симъ ученіемъ о первоначальной простотѣ организма, какъ съ блестящею мечтою ума.

Несправедливо требовать Системы неизмѣнной, неподвижной. Безконечно-разнообразная природа неистощима въ предметахъ для нашего изслѣдованія. Умъ нашъ неограниченъ въ стремленіи къ усовершенію.—Неподвижное окаменѣніе противно жизни ума, также какъ совершенный покой несовмѣстенъ съ жизнію природы. Когда умъ достигаетъ той высоты, которая прежде казалась для него крайнимъ предѣломъ его восхожденія; тогда открываются ему новый горизонтъ и дру-

гіе виды. — Новому поколѣнію достается уже готовымъ то, что съ трудомъ добывалось поколѣніемъ прошедшимъ. Гдѣ оканчиваютъ предки, тамъ начинаетъ потомство и идетъ далѣе. Система, будучи плодомъ прошедшихъ опытовъ, носитъ въ себѣ зародышъ новой, грядущей жизни, передаетъ ей въ наслѣдіе свои опыты и необходимо уступаетъ ей свое мѣсто. *Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ!*

Такимъ образомъ различныя системы *преходятъ*, рождая одна другую и смѣняясь очередно; а между тѣмъ постепенно копится, зрѣетъ и совершенствуется *Система*, какъ одно великое, общее дѣло всѣхъ частныхъ усилій ума.

И если Система должна быть плодомъ предшедшаго знанія, содержащимъ въ себѣ сѣмена дальнѣйшаго, совершеннѣйшаго развитія Науки; то намъ необходимо было предварительное критико-историческое разсмотрѣніе бывшихъ системъ распространительнаго царства. Ибо и по словамъ Премудрости: *аще же и многаго искусства желаетъ кто, вѣсть древняя и быти хотящая разсмотрѣлъ* (VIII. 8.).

Посмотримъ же еще разъ на извѣстныя уже намъ системы *вмѣстѣ*, принимая ихъ за различныя направленія одной, постепенно-совершенствующейся Системы растительнаго царства. Тогда уже, по *даннымъ* и *бывшимъ* направленіямъ, мы можемъ не безъ основанія заключить и о будущихъ ея видахъ.

Послѣ того уже можемъ приступить и къ обозрѣнію царства, по *чертежу* (*), который составилъ я при соображеніи всѣхъ извѣстныхъ мнѣ системъ, и который впервыя былъ мною предложенъ вашимъ товарищамъ въ 1831 году.

(*) Онъ приложенъ въ концѣ сей лекціи и будетъ подробнѣе раскрытъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Ученыхъ Записокъ. Само собою разумѣется, что начертаніе сіе, особливо въ своихъ подробностяхъ, всегда готово къ измѣненію, какого потребуетъ необходимость, на новыхъ открытіяхъ основанная. Разумъ всегда требуетъ для науки опредѣленной *формы*; но форма сія всегда условливается *содержаніемъ* науки — природою. Въ совершенной наукѣ или системѣ умъ и природа, форма и содержаніе — сошлись бы совершенно. Тогда *знаніе* наше было бы *ясновидѣніемъ*. — Но умъ нашъ далекъ еще отъ такого дружнаго единства съ природою; она не представилась прозрачною для его взора и не открыла ему *таинственной груди* своей, въ завѣтномъ лонѣ коей хранятся сокровеннѣйшія тайны ея жизни!

Разсматривая Систему, отъ ея начала до нашего времени, замѣчаемъ, что она отъ *частнаго* познанія растеній переходила постепенно къ болѣе *общимъ* степенямъ сродства (*): отъ вида и рода къ разряду, отъ разряда къ расположенію въ классы и къ соединенію въ области. Для достиженія каждой изъ сихъ степеней какъ бы назначено было свое время, и преждевременное покушеніе соединить въ высшія степени, вводило Систему въ искусственность.

На сей постепенности восхожденія Системы отъ нисшихъ и болѣе частныхъ степеней къ высшимъ и болѣе общимъ, развитіе Системы я раздѣляю на *три періода* (**).

(*) Степени сродства въ растительномъ и животномъ царствахъ я принимаю слѣдующія и въ такомъ порядкѣ: *половина* (hemisphaera), *область* (provincia), *удѣлъ* (pagus), *классъ* (classis), *округъ* (cohors), *разрядъ* (ordo), *отрядъ* (tribus), *родъ* (genus) *и подродъ* (subgenus), *видъ* (species), *разность* (varietas), называемая *породою* (по Фр. race), когда становится постоянною. *Семейство* (familia), которымъ хотѣли замѣнить слово разрядъ, теперь имѣетъ уже неопредѣленное значеніе, на каковые случаи я его и оставляю.

(**) Раздѣленіе сіе предложено мною въ моемъ *Разсужденіи о системахъ растительнаго царства, 1827.* —

Періодъ 1 й — отъ Чезальпина до Линнея, съ 1583 по 1749 г. — Это періодъ искусственныхъ системъ. Система дошла до различенія и опредѣленія родовъ и видовъ.

Періодъ 2 й — отъ Линнея до Жюсье, съ 1749 по 1790 г. — Это періодъ естественныхъ разрядовъ, до различенія и опредѣленія коихъ дошла здѣсь Система.

Періодъ 3 й—съ 1790 года до нашего времени.—Это періодъ текущій, въ которомъ замѣтно стремленіе къ классорасположенію растеній и къ созданію цѣлой Системы.

Періодъ первый.

Вы знаете уже, что древность не оставила намъ памятниковъ познанія растеній въ *систематической* связи, и что оно начинается съ возрожденіемъ наукъ, въ XVI вѣкѣ. Система могла начаться тогда только, когда, для различенія растеній, стали наблюдать *цвѣты* и *плоды*, въ коихъ природа растеній, слѣдственно и *сродство* ихъ, выражаются полнѣе, сосредоточеннѣе и потому явственнѣе, какъ душа въ лицѣ. Первый на сіе обратилъ вниманіе Швейцарецъ *Гескеръ*: и вслѣдъ за

цѣмъ (1583) явился зародышъ Системы — система основанная *Чезальпиномъ* на зародышѣ и плодѣ растеній. Кромѣ Славянина *Залузіянскаго* (1592) — замѣчательнаго и по своему ученію о *полахъ* растеній — никто не понялъ, что указанное Чезальпиномъ основаніе Системы есть истинное. Оно было слишкомъ трудно для того времени, когда, привыкши къ простому воззрѣнію на наружность растеній, самой Системы желали только для легчайшаго частнаго различенія растеній. И вотъ опять въ теченіе цѣлаго столѣтія продолжается простое воззрѣніе на наружность растеній; все вниманіе обращено на видимѣйшія части *стана* (*) растительнаго; по наружнымъ и чувственнымъ его качествамъ, а не по устройству цвѣтка и плода, описывается множество растеній. Представителями сего вѣка могутъ почесться братья *Бавгины*.

Замѣчательно, что и Система Астрономическая Коперника имѣла такую же судьбу: въ теченіе цѣлаго вѣка, до самаго Галилея, она оставалась въ забвеніи!

(*) *Станомъ* (cormus) я называю совокупность органовъ *возрастанія* (increscentia), т. е. корня, стебля, листа и почекъ или зимовьевъ (hybernaculum). См. *Органологія растеній*.

Но, какъ извѣстно намъ, на различіяхъ спана или органовъ возраощанія, основываемыхъ преимущественно признаки *разностей* и *видовъ*; *роды* же основываются на органахъ рожденія (цвѣткѣ и плодѣ): ошъ того въ теченіе онаго столѣтія умножалось только частное познаніе растеній. И если система Чезальпинова представляла намъ *прозябающій зародышъ* Системы; то въ теченіе Баугиновскаго столѣтія, она, можно сказать, *прозрастала* въ обширный *станъ*.

Моризонъ (1680) возобновилъ для нея наблюденіе цвѣтка и плода, и ея разцвѣтаніе начинается въ системѣ *Ривина*, основанной на числѣ лепестковъ (1690). Пышнѣе разцвѣла она въ системѣ *Турнефортовой*, основанной на фигурѣ вѣнчика (1694). Наконецъ уже въ *брачной системѣ* Линнеевой; основанной на родовыхъ частяхъ цвѣтка, довершается полное и плодотворное ея цвѣтеніе (1734).

Вмѣстѣ съ онымъ началомъ цвѣтенія Системы, возобновленной Моризономъ, описаніе растеній усилилось. Линней говоритъ, что въ теченіе 20 лѣтъ (съ 1683 по 1704), кои онъ назвалъ *золотымъ вѣкомъ* Ботаники, сдѣлано вдвое больше, чѣмъ съ самаго начала до того времени.

Послѣ сего двадцатилѣтія слѣдовали разныя попытки систематическаго расположенія и споры о бракахъ растеній. Все это, какъ и все почти знаніе Ботаники, предшествовавшее Линнею, слилось въ его *ученіи* и въ его *брачной системѣ* (1731 — 1734), которая, не смотря на свою *искуственность*, была столь удовлетворительна для того времени, что увлекла за собою большую часть Ботаниковъ и ознаменовалась рѣдкимъ, *вѣковымъ* успѣхомъ.

Понятно, что только съ возобновленнымъ разсматриваніемъ цвѣтка и плода, могло начаться познаніе *родовое* (*Сист.* § 26). Турнефортъ первый началъ ясное опредѣленіе *родовъ* растеній. Но у него все еще смѣшаны были виды и разности, формы коренныя съ случайными. Познаніе видовое не могло быть выяснено безъ родоваго: sine notitia generis nulla est certitudo speciei *(Linn.)*. Потому только Линней сталъ различать надлежащимъ образомъ *виды* и *разности* (*), а съ тѣмъ вмѣстѣ и *родовые признаки* довелъ

(*) Число видовъ у К. Бавгина (1596) было 6000; у Турнефорта (1694) — 10,146; у Рая (1704) — 18,655; но Линней, приведя разности къ видамъ, въ 1762 считалъ только 7000 видовъ!

до большей выразительности и опредѣлительности.

Такимъ образомъ Линнеева система представила довершеніе *Системы перваго періода;* тутъ она достигла до *различенія и опредѣленія признаками родовъ и видовъ* — двухъ ближайшихъ и неразлучнѣйшихъ степеней сродства.

И это почитаю я настоящимъ *дѣломъ* Системы въ первомъ періодѣ, которое опредѣлилъ еще Чезальпинъ, сказавъ: *confusis generibus omnia confundi necesse est.*

Родовая цѣлость видовъ сохраняется и въ искусственной системѣ, между тѣмъ какъ ей непротивно сближеніе родовъ несродныхъ и разлученіе сродныхъ. Посему дальнѣйшее соединеніе родовъ въ разряды и классы, *произвольно* на какой-либо примѣтѣ основывалось, и только *случайно* могло иногда выходить естественнымъ.

Довершеніе Системы перваго періода ознаменовалось употребительнымъ съ тѣхъ поръ *двоесловнымъ* названіемъ растеній (т. е. наименованіемъ *рода* и *вида*), замѣнившимъ прежде употребительное многословное и неопредѣленное наименованіе растеній.

Въ концѣ сего періода *Кораллы* возвращены животному царству; оставлено (впер-

вым Ривиномъ, потомъ Линнеемъ). Аристотелевское разлученіе *травъ* отъ *деревъ*, и замѣнено естественнымъ дѣленіемъ царствa на *Явноцвѣтныя* и *Тайноцвѣтныя*. Наконецъ должно сказать еще, что и раздѣленіе Тайноцвѣтныхъ растеній на 4 отдѣленія, кои (послѣдуя Гледичу, 1764) принимаемъ за *классы*, приготовлено въ семъ же періодѣ.

Вообще же замѣтить должно, что господствовавшее въ семъ періодѣ поверхностное обозначеніе растеній Линней довелъ до точнаго различенія и представленія въ формѣ, вообще-принятой наукѣ; — ему Ботаника обязана основаніемъ своей *Философіи* и *анализомъ*, съ открытіемъ коего послѣдующіе ботаники устремились всего болѣе на описаніе и опредѣленіе видовъ.

Ламарковъ Аналитическій методъ, можно сказать, *безсистемнаго* опредѣленія родовъ и видовъ, гдѣ отброшено всякое соединеніе въ разряды и классы, представляетъ собою окончательную крайность Системы перваго періода! Замѣчательно, что онъ явился въ годъ смерти Линнеевой (1778).

Періодъ второй.

Съ нимъ вмѣстѣ какъ дѣло Системы перваго періода достигало своего назначенія,

стали открываться для нея новые виды. Смѣшенное понятіе о видимомъ сходствѣ растеній и систематическомъ сближеніи оныхъ по одному признаку, господствовавшее въ первомъ періодѣ, стало переходить въ понятіе объ *естественномъ сродствѣ* ихъ, въ *совокупности* примѣтъ состоящемъ; и о соединеніи въ *семейства* (familia). Это говорилъ еще Магноль въ 1689 г.; и это есть прообразованіе втораго періода, коему дѣйствительное начало положилъ великій Линней, довершившій собою періодъ первый. Изъ смѣшеннаго понятія предшедшихъ ботаниковъ объ естественномъ сходствѣ или сродствѣ и систематическомъ сближеніи растеній, Линней различилъ для Системы *искуственное*, удовлетворяющее временнымъ необходимостямъ науки; и *естественное*, удовлетворяющее всегдашнимъ ея требованіямъ и соотвѣтственное самой природѣ. Ordines naturales valent de *natura* plantarum; artificiales in *diagnosi* plantarum (*Linn.*).

Признавая врачную систему свою *искуственною* и временною (въ замѣчательномъ письмѣ къ Галлеру), онъ устремился къ сближенію родовъ въ *естественные разряды*; ибо видѣлъ, что съ этаго должна начаться Естественная Система. Въ словахъ его: Classes

nullas proponо, Sed solos ordines, выражено и его намѣреніе, и настоящее дѣло Системы во второмъ періодѣ.

Я уже излагалъ вамъ Линнеево ученіе о сродствѣ растеній, состоящее въ полной вѣрѣ въ Систему Природы, *въ подчиненіи признака сродству* и въ совокупномъ наблюденіи сродства растеній по частнымъ примѣтамъ, а еще болѣе по общему; цѣлостному выраженію оныхъ или *физіогномін* (habitus), которую почиталъ онъ невыразимою словами и не для всякаго доступною, — которая познается болѣе цѣльнымъ взглядомъ на предметъ, нежели частнымъ разсмотрѣніемъ подробностей.

Здѣсь повторю только, что тѣ, кои знаютъ и величаютъ Линнея по одной искусственной его системѣ, не знаютъ подлиннаго его величія!

Опыты сближенія растеній въ разряды, кои назвалъ Линней *Отрывками* (Fragmenta), впервыя онъ издалъ 1738 г. (въ Classes plantarum). Они составляли его любимое занятіе въ послѣдніе годы его жизни, и онъ оставилъ ихъ 55, безъ опредѣленнаго порядка (предоставляя то будущему времени) и не обозначивъ признаками: онъ хотѣлъ призна-

ковъ *существенныхъ*, а они и доселѣ не для многихъ разрядовъ найдены.

Вотъ начало втораго періода, началo болѣе созерцательное!

Между тѣмъ во Франціи возникло другое ученіе, отличающееся *подчиненіемъ сродства признаку* и направленіемъ къ *дробности*.

Адансонъ былъ первый, своенравный сподвижникъ сего ученія, не хотѣвшій признать ничего Линнеевскаго.

Отвергнувъ вѣру въ систематическую цѣлость Природы, допуская (вмѣстѣ съ Бюффономъ) только *особное* существованіе тѣлъ и почитая степени сродства существующими только въ нашемъ воображеніи, онъ думалъ, что сродство состоитъ въ *количественномъ большинствѣ* примѣтъ и должно быть выводимо чисто-*аналитически* изъ сложности оныхъ, безъ отношенія къ ихъ важности. Для сего онъ, съ дивнымъ трудолюбіемъ, составилъ сначала 65 искусственныхъ системъ, и признавая сходными тѣ растенія, кои сошлись въ бо́льшемъ числѣ системъ, составилъ изъ нихъ 58 семействъ, давъ признаки *описательные* (1763) и представивъ разобщенными, полагая, что онѣ и въ Природѣ не внутреннимъ сродствомъ связаны, но размежеваны *пустыми промежутками или раздѣлительными линіями*.

Лаврентій Жюсье возвысилъ сіе ученіе, замѣнивъ несправедливое *равенство* и большинство примѣтъ, *относительною важностію* оныхъ и предпочтеніемъ однѣхъ другимъ.

Основываясь на семъ, Жюсье разряды сосчавилъ естественнѣе (всѣхъ 100) и далъ имъ признаки болѣе опредѣлительные, въ знаменитомъ сочиненіи своемъ Genera plantarum (1789), которое сдѣлалось Уложеніемъ Системы второго періода; ибо *въ опредѣленіи признаками семействъ или естественныхъ разрядовъ*, совершилось назначеніе Системы въ семъ періодѣ.

Жюсье увлекъ на сторону Естественной Системы ботаниковъ и шѣмъ еще, что разряды растеній связалъ *въ опредѣленный порядокъ*, которымъ думалъ представить постепенность образованія царства. Но классорасположеніе семействъ тогда было еще преждевременно для Системы; а потому въ семъ отношеніи система Жюсье есть временная, искусственная. Она искусственна и по однообразному основанію классовъ, состоящему въ положеніи тычинокъ, относительномъ къ пестику; и по *извивисто-линейному* способу представленія царства, приспособленному къ тогдашнему понятію о *лѣстницѣ и цѣпи въ природѣ*. Сей линейный способъ

неудовлетворительнъ потому, что представляетъ только сродство какой-либо группы съ предыдущею и послѣдующею, а не общую связь ихъ и не цѣлость царства (*Систематика* §).

Періодъ третій.

Собственнымъ дѣломъ Системы въ семъ текущемъ періодѣ я почитаю: *классорасположеніе растеній и приведеніе царства къ его цѣлости.* Стремленіе сіе становится очевидно возрастающимъ: о томъ свидѣтельствуютъ и новыя попытки обработыванія отдѣльныхъ разрядовъ и родовъ, и многіе опыты классо-расположенія всего царства. Посмотрите, сколько сихъ опытовъ является особенно съ 1825 года: классы растеній *Агарда* (1825), начатки Системы *Фрисовой* (1825), два начертанія Системы *Окена* (1826, 1831), — обозрѣніе царства *Рейхенбахово* (1828), — естественныя разряды *Бартлинга* (1830), — Система *Рудольфи* (1830), Система *Шульца* (1832); — прибавьте къ сему Руководство *Кунтово* (1831), *Линдлеево* обозрѣніе (1830) и проч.

Замѣтно, говорю, сильное стремленіе къ приведенію въ цѣлость растительнаго царства; но съ этимъ вмѣстѣ видите у весьма

многихъ ботаниковъ великую склонность къ дробленію семействъ, родовъ и видовъ. Изъ этого заключить должно, что теперь есть нѣсколько различныхъ направленій; не говорю уже о тѣхъ *запоздалыхъ*, для которыхъ все, что было съ Системою въ теченіе цѣлаго вѣка, со времени искусственной Системы Линнеевой — какъ бы не существовало!

Различныя направленія сіи, отъ взаимнаго вліянія, могли и сами измѣняться, и производить смѣшенныя направленія; но они *есть*, и потому мы должны опредѣлить ихъ, и опредѣлить между ними *главныя*. Сихъ главныхъ направленій въ современномъ періодѣ, мнѣ кажется, можно признать *три*.

I. Какъ послѣ *Линнея*, довершившаго собою первый періодъ и начавшаго второй, ботаники занялись преимущественно описательно *видовъ* и *родовъ* растеній, что и господствовало до совершенія втораго періода; такъ вслѣдъ за *Жюсье*, большая часть ботаниковъ устремились къ обработкѣ *разрядовъ* или такъ называемыхъ *семействъ*. Такимъ образомъ это есть первое, Адансоно-Жюсьевское направленіе *или Школа Французская*. Сюда принадлежатъ, *по главному характеру трудовъ своихъ*, большая часть

мужей, коихъ именами гордится Ботаника. Новѣйшими представителями сей школы могутъ почесться *Линдлей* и *Кунтъ*; замѣчательнѣйшій по зоркости изысканій своихъ есть *Бровнъ*; въ отношеніи же къ Систематикѣ особенную именитость заслужилъ *Декандоль*, ученіе коего представляетъ возвышеніе сей школы до *эклектизма*. — Не входя однако же въ частное разсмотрѣніе заслугъ послѣдователей школы сей, возмемъ ея собственное направленіе вообще.

Главная отличительность ея, какъ выше замѣтили, состоитъ въ *подчиненіи сродства признаку*. *Признакъ* въ ней главное, почти *идеалъ*. Characteres — veri botanicarum disquisitionum fines (Juss.) ея девизъ! — По *исключеніямъ* или уклоненіямъ отъ назначаемаго признака, *дробятся* семейства и роды. — Правда, что отъ сего наука богатѣетъ частными замѣчаніями; но отъ сего же запемняется для Системы цѣлость царства. На одну степень *семейства* ставятся и великія отдѣленія царства и мелкіе отрывки: отъ такого *уравненія безъ равновѣсія* — теряется *постепенность* сродства, въ которой и состоитъ наиболѣе цѣлость царства. (*Сист.* § 4.) Признаки заимствуются отъ мелкихъ примѣтъ одного вещественнаго

образованія органовъ, часто отъ одной примѣты, и притомъ произвольно; какъ будто въ растеніяхъ нѣтъ ничего, кромѣ вещественнаго образованія; какъ будто *признаки* могутъ быть доведены до *точности*; какъ будто идеаламъ этимъ не противорѣчатъ сами ботаники, не говорю уже Природа, пребывающая *цѣлою* и *постоянною*, при всей измѣнчивости нашихъ разграниченій!

Такимъ образомъ Система необходимо должна впадать въ искусственность отъ сего направленія. Вѣрно слѣдуя самому себѣ, безъ противодѣйствующаго вліянія, сіе направленіе необходимо должно дойти до крайности *дробнаго анализа*, который въ состояніи представить не цѣлость царства, не Систему, но отрывчатыя семейства въ такой же безсвязности, какъ роды по аналитическому методу Ламаркову! . . .

II. Другое, противоположное сему направленіе, явившееся въ третьемъ періодѣ, представляетъ *Школа Нѣмецкая*. — По *идеальному направленію* сей школы, умоначертаніе Системы вносится въ природу, и подъ него подводятся ея произведенія.

Началомъ сей школы послужило ученіе о *превращеніяхъ растеній*, по которому

ихъ разнообразіе принимается за одно и то же, различно повторяющееся начало.

Прообразованіе ученія сего находится еще у Линнея (Prolepsis plant.); но изящнѣе и полнѣе оно представлено всеобъемлющимъ *Гёте*, въ самомъ началѣ сего періода (Versuch über die Metamorphose der Pflanzen, 1790). Ученіе сіе мало по малу распространилось и содѣлалось теперь необходимымъ, отличительнымъ элементомъ въ ботаникѣ вообще: оно придало собою новый блескъ школѣ Французской. Но рѣшительное примѣненіе къ Системѣ ученіе сіе получило у *Окена*, который, простирая *тожество* на всю природу, и основавъ на немъ свою *Натуральную Философію* (1810), первый начертилъ по оному планъ Системы растительнаго царства. По плану сему все царство растеній представляется какъ одно великое растеніе, коего органы образовались цѣлыми классами; каждый изъ сихъ классовъ, выражая свою особую *идею*, развивается по одному общему образцу. — Такимъ образомъ симъ начертаніемъ назначается царству *однообразное единство*, противоположное разнообразной дробности аналитической.

Пытаясь подвести природу подъ свое умоначертаніе, Окенъ не разъ измѣнялъ Си-

сему свою, какъ распространеніемъ назначаемой имъ рамы, такъ и размѣщеніемъ въ ней растеній. — Къ сей школѣ принадлежатъ Системы *Рейхенбаха*, *Рудольфи*.

Ученіе сей школы открыло для Системы новую *идеальную* сторону природы и утвердило умъ въ ея *цѣлости*. Но оно, признавая соотвѣтствіе ума съ природою, цѣлость природы не изъ нея самой извлекало, а выводило оную изъ ума. Чрезъ сіе природа слишкомъ подчинилась особному (индивидуальному) разумѣнію каждаго, которое и безъ того уже такъ много имѣетъ мѣста въ изъясненіи природы. Система логически-вѣрная, не есть еще Естественная. — Такимъ образомъ по направленію сему, наука впадаетъ въ искусственную односторонность; ибо здѣсь имѣетъ мѣсто произволъ видѣнія собственныхъ идей въ природѣ и насильственное приведеніе оной къ стройности и однообразію; ибо здѣсь единство подавляетъ собою разнообразіе. Отсюда легко родится систематическое предубѣжденіе и исключительность, которыя мѣшаютъ свободному изслѣдованію разнообразія и самобытности предметовъ природы. Опъ того система здѣсь большею частію оставалась вѣрною себѣ только при однихъ высшихъ ощдѣленіяхъ природы.

Очевидно, что и сіе направленіе *односторонно* также, какъ направленіе дробно-аналитическое.

Оба они недостаточны сами по себѣ, хотя оба справедливы по своему содержанію. Ибо въ природѣ есть и *общее единство* и *частная самобытность*; есть *идеальная* сторона и сторона *чувственная*. Ибо каждый ея предметъ есть *вмѣстѣ:* и *Мысль* Творца, и *явленіе* оной въ бытіи *тѣлесномъ*.

III. Такимъ образомъ сіе новое, идеальное направленіе Системы, должно было необходимо склониться къ дружному соединенію съ эмпирическимъ анализомъ: родилась потребность *согласованія* ихъ въ одно *живое* познаніе природы, которое разнообразныя явленія жизни ея обнимало бы *многосторонно*, — которое равно уважало бы и частную самобытность предметовъ, и общее ихъ единство и цѣлость.

Это требованіе, нынѣ входящее постепенно и какъ бы сочувственно во всѣ науки, отозвалось въ обѣихъ школахъ Ботаники, умѣряя односторонность каждой; — благотворно оказывается оно въ ихъ Систематикѣ, Органологіи и Физіологіи.

Но способнѣйшимъ для сего поприщемъ было *Линнеевское* ученіе о Системѣ, которое, какъ видѣли мы, уже носило семена совмѣстнаго познанія растеній и по наблюденію частныхъ примѣтъ, и по живому воззрѣнію на ихъ общее выраженіе. Оно способнѣе было принять въ себя искушенные опытомъ Французскій эмпиризмъ и Нѣмецкій идеализмъ, — и согласовать въ себѣ анализъ съ синтезомъ въ одно *живое и полное* изслѣдованіе природы.

Отсюда происходитъ новое, третье направленіе Системы, которое мы назовемъ *Шведскою Школою*, для отличія отъ двухъ первыхъ. Называемъ такъ потому, что оно начато Линнеемъ, возстановлено *Валенбергомъ*, приближено къ новѣйшему состоянію науки *Агардомъ*, и потому, что изящнѣйшими опытами онаго почитаемъ *Фрисовы* систематическія изслѣдованія грибовъ и лишаевъ.

Соображая все, доселѣ сказанное о двухъ уже свершившихся, и о третьемъ продолжающемся періодѣ Системы, выводимъ слѣдующее:

По общему ходу человѣческаго знанія, въ каждомъ періодѣ есть *три ступени* восхожденія: 1-я ступень составляетъ *общее воззрѣніе* на предметы, которое въ высшемъ смыслѣ есть

созерцанію; — 2) отсюда переходъ къ *частному понятію* предметовъ, къ *различенію* оныхъ или къ *анализу*; — 3) потомъ къ *соединенію* и *расположенію* оныхъ, къ *синтезу*, что и составляетъ высшую, довершительную ступень каждаго періода.

I. Въ первомъ періодѣ *Баконовскій вѣкъ* представляетъ ступень простаго воззрѣнія, ступень самую должайшую; ибо въ цѣломъ періодѣ семъ замѣчается господствованіе оной. Вторую ступень (различенія и описанія частностей) представляетъ особенно такъ называемый *золотой вѣкъ*. Линнеева *искусственная* система составляетъ высшую, довершительную ступень сего періода, почему и ознаменовалась такимъ успѣхомъ.

II. Во второмъ періодѣ, въ которомъ вообще господствовало аналитическое различеніе, первою ступенью созерцанія было Линнеевское ученіе объ Естественной Системѣ. Представителями второй ступени сего періода (анализа) могутъ почесться Тиранновскія *работы Адансона*; третью, довершительную ступень (расположенія) составляетъ *система Жюсье*, почему и имѣла сильное вліяніе.

III. Между тѣмъ какъ продолжался періодъ второй въ послѣдователяхъ школы

Французской, начался третій періодъ, въ которомъ господствуетъ вообще *расположеніе* и *синтезъ*. Первая, созерцательная ступень его уже совершилась *въ высшемъ воззрѣніи* идеальной *школы Нѣмецкой*. Теперь, я думаю, періодъ сей вступилъ уже во вторую ступень *высшаго анализа* или изслѣдованія частностей, просвѣтляемаго общею мыслію и направляемаго къ соединенію оныхъ въ цѣлое. Но совершить сіе соединеніе предоставлено будущему Преобразователю науки, который заготовляемые нынѣ члены соединитъ въ одно живое, стройное тѣло и будетъ Главою ботаниковъ своего вѣка (*), подобно безсмертному Линнею! —

Таково мое понятіе о господствующемъ характерѣ сего періода Системы и *современномъ ея направленіи*.

Теперь, повторяю, замѣтно сильное стремленіе къ соединенію растеній въ стройное цѣлое; но уже не поспѣшно и насильственно, а постепенно и сообразно съ природою. Чѣмъ болѣе дорожимъ Системою, тѣмъ бережнѣе и почтительнѣе должны съ нею поступать. Убѣдясь, что систематическая цѣ-

(*) Linnaeus, omnium saeculi sui botanicorum princeps. *Royen.*

лость находится не только въ умѣ, но и въ природѣ, мы должны обратиться къ открытію оной въ самой природѣ, — къ возможно полному и живому изслѣдованію полныхъ жизнію ея произведеній.

Мы должны въ каждомъ ея предметѣ искать не одного *вещественнаго* отличія или *признака*, но и его *физіологической* стороны, которая вмѣстѣ съ вещественною, составляетъ полноту бытія его и выраженіе той *мысли*, въ коей заключается основа его *самобытности* и *систематической связи* или *сродства* его.

Вѣковѣчная *мысль* сія иногда предугадывается внутреннимъ, вѣщимъ чувствомъ души нашей, иногда провидится размышленіемъ; но *положительно* познается она только изъ своего собственнаго выраженія; прочное же достояніе Системы есть только *положительно-доказанное*.

Потому мы должны обратить все вниманіе на всесторонно-объемлющее, *покорное* природѣ познаніе частностей ея и на живое соображеніе оныхъ. Съ этимъ вмѣстѣ необманчиво узнавать будемъ и ихъ отношеніе къ своему цѣлому. Ибо то, что *есть* въ природѣ, въ сей Системѣ Высшаго Разума, есть истина непреложная для нашего ума и согласная съ его законами.

Спанемъ вѣрить, что природа за наше довѣріе къ ней, сама будетъ *откровеннѣе*, и покажетъ намъ ближе и виднѣе *Свою*, *Естественную Систему*, которая теперь намъ только сквозитъ въ ея произведеніяхъ!...

1833. Февр. 1.

РАСТИТЕЛЬНАГО ЦАРСТВА.

А. ЯВНОЦВѢТНЫЯ или СѢМЕНОДОЛЬНЫЯ.

(Cryptogamae *L.* Cotyledoneae *Juss.*)

Область 1. — Двудольныя (Dicotyledoneae *Juss.*)
Удѣлъ 1. *Двупологовыя* (Dichlamydeae *DC.*)
Классъ I. Ложецвѣтныя (Thalamiflorae)
—— II. Чашецвѣтныя (Caliciflorae *DC.*)
Удѣлъ 2. *Однопологовыя* (Monochlamydeae *DC.*)
Классъ III. Пологоцвѣтныя (Perigoniflorae *Goldb.*)
—— IV. Чешуецвѣтныя (Squamiflorae *Goldb.*)
Область 2. — Однодольныя (Monocotyledoneae *Juss.*)
Удѣлъ 1. *Листопологовыя* (Phyllochlamydeae)
Классъ V. Почашкоцвѣтныя (Spadiciflorae *Fries.*)
—— VI. Плёнкоцвѣтныя (Glumiflorae *Ag.*)
Удѣлъ 2. *Вѣнкопологовыя* (Petalochlamydeae)
Классъ VII. Зѣвоцвѣтныя (Ringentiflorae *Goldb.*)
—— VIII. Лилейноцвѣтныя (Liliiflorae *Ag.*)

Б. ТАИНОЦВѢТНЫЯ или ВОЛОТНЫЯ.

(Cryptogamae *L.* Nemeae *Fries*).

Область 3. — Разновóлотныя (Heteronemeae *Fries*)
Классъ IX. Папоротники (Filices *L. Whlnb.*)
——— X. Мхи (Musci *Hedw.*)
Область 4. Единоволотныя (Homonemeae *Fries*)
Классъ XI. Поросты (Algae *Gmel.*)
—— XII. Грибы (Fungi *L.*)

II. СЛОВЕСНОСТЬ и ИСКУССТВА.

A. ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

3. Предметы, составляющіе содержаніе Словесности.

Лекція Профессора Давыдова.

Какіе предметы составляютъ содержаніе Словесности? Гдѣ ея границы, съ какими Науками она сопредѣльна? Вотъ вопросы, на которые въ каждомъ курсѣ Словесности встрѣчаются различные отвѣты.

Исчислимъ извѣстнѣйшія опредѣленія Словесности. Если ни одно изъ нихъ вполнѣ не удовлетворитъ требованіямъ нашимъ: то постараемся вывести такое опредѣленіе, въ которомъ заключались бы предметы, составляющіе содержаніе Словесности.

Начнемъ съ Древнихъ. Греки раздѣляли науки и искусства по отношенію оныхъ къ образованію ума и сердца: отъ того и о Словесности имѣли они понятіе, несходное съ понятіемъ новыхъ народовъ. Словесности соотвѣтствуетъ у нихъ Филологія. Греческое реченіе, λογος, имѣетъ три значенія:

умъ, вѣдѣніе и собственно слово; отсюда произошли три значенія Филологіи: просвѣщеніе, ученость и слововѣдѣніе.

Первоначально Филологія означала у Грековъ любовь ко всякому ученому изслѣдованію, ко всякому полезному свѣдѣнію; а какъ всякое свѣдѣніе сообщается словомъ: то Филологія имѣла также значеніе любви къ бесѣдованію о какомъ-либо ученомъ предметѣ. Послѣ, когда просвѣщеніе перешло въ ученость, Филологами стали называть Ученыхъ. Свешоній (*въ приписываемомъ ему сочиненіи:* De illustribus Grammaticis, cap. 10) говоритъ, что названіе Филолога первый принялъ Эратосѳенъ, обладавшій многими и разнообразными свѣдѣніями. Наконецъ Филологами между Александрійскими учеными называли Граммашиковъ, *Γραμματικούς*, или Словесниковъ.

Греки къ обширному ученію Филологическому (*μαθήματα*) относили всѣ искусства и науки, служащія къ совершенствованію духовной стороны человѣка — знанія, помощію коихъ становится онъ лучшимъ, существомъ по-истинѣ разумнымъ, благороднымъ, возвышеннымъ.

Римляне сего рода *образованіе* называли humanitas; самыя же искусства и науки, преимущественно сему назначенію содѣйствующія, humaniora studia, ingenuae, humaniores artes, или litterae, каковы были: Грамматика, Риторика, Піитика, Ариѳметика, Геометрія, Музыка. Они различали названія litteratus и litterator, какъ Греки различали слова *Γραμματικὸς* и *Γραμματιστὴς*: только первымъ означали совершенное знаніе языка: illum quidem absolute, hunc mediocriter doctum. Sueton. de illustr. Gram. Въ послѣдствіи времени сіи названія замѣнены были именемъ Грамматиковъ, qui aliquid diligenter et acute scienterque possint aut dicere aut scribere. Ibid.

Мысль о теоріи Словесности принадлежитъ Кораксу (*Аристт. Рит. кн.* II, гл. 27; *Цицц. Бру.* гл. 12). Аристотель положилъ сей теоріи прочное основаніе. Жившіе послѣ него писатели, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, слѣдовали ему, прибавляли частныя правила, не открывъ общихъ законовъ. Наставленія Риторическія, изложенныя Цицерономъ и Квинтиліаномъ, относятся преимущественно къ рѣчамъ, главнѣйшему предмету древняго витійства.

Очевидно, названіе Словесности у Древнихъ не имѣло опредѣленнаго значенія.

Обратимся къ новымъ просвѣщеннымъ народамъ, и у нихъ вопросимъ о разрѣшеніи нашего недоумѣнія.

У Нѣмцевъ слово Литтература обыкновенно значитъ свѣдѣніе о книгахъ, часто только о заглавіяхъ книгъ. Книга, говорятъ, содержитъ въ себѣ много Литтературы, когда наполнена множествомъ ссылокъ на писателей объ одномъ и томъ же предметѣ. Германскіе ученые нашего времени начали разумѣть подъ Литтературою умственную жизнь народа.

Совсѣмъ иное значеніе придаютъ Французскіе писатели слову Литтература: кромѣ того, что Нѣмцы называютъ Изящными науками (die schönen Wissenschaften), причисляютъ они къ Литтературѣ начальную Философію и Нравоученіе, соединенное съ Исторіею.

Между Русскими учеными одни говорятъ, что Словесность, объемля всѣ роды письменности, есть общее наименованіе всѣхъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и въ прозѣ, и заключаетъ въ себѣ Граммматику, Риторику, Логику, Піитику, Филологію, Критику, Миѳологію, Древности, Исторію, Нравоученіе, все что относится

къ познанію языка, нарѣчія, или способа говорить и писать — что принадлежитъ къ дару слова изустному или письменному. Другіе принимаютъ Словесность въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, именно въ значеніи Словесности *Изящной;* Изящными сочиненіями (die Schöne Litteratur, belles lettres) называютъ произведенія ума, не просто облеченныя въ слово, но такія, въ которыхъ участвуетъ наиболѣе острота ума, сила воображенія, огнь чувствъ — которыя писаны легко, пріятно, ознаменованы красотою, способны трогать, нравиться, увеселять и производить пользу вмѣстѣ съ удовольствіемъ. Къ Изящной Словесности въ семъ значеніи относятъ всѣ примѣры стихотворные и прозаическіе, сочиняемые по извѣстнымъ правиламъ, заключающимся въ Словесныхъ наукахъ, то есть, всякаго рода стихотворенія, Ораторскія рѣчи, Историческія сочиненія, письма, разговоры, разсужденія, касающіяся Словесныхъ наукъ и Исторіи языка отечественнаго.

Сіи два значенія совершенно между собою различны: одно къ другому относится какъ родъ къ виду, или какъ цѣлое къ части.

Иные ученіе о Краснорѣчіи и ученіе о Стихотворствѣ называютъ науками *Словес-*

ными и *Изящными*; потому что главный предметъ ихъ изящество слога. Въ семъ смыслѣ къ Словесности присоединяютъ Логику и познаніе Изящнаго въ искусствѣ и въ природѣ. Доселѣ, по примѣру Древнихъ, именемъ наукъ Словесныхъ означаютъ всѣ свѣдѣнія, для человѣка въ каждомъ состояніи необходимыя и непосредственно содѣйствующія совершенствованію его слова и образованію его самого вообще, каковы: Логика, Исторія, Грамматика, Риторика, Піитика, Нравоученіе. Здѣсь, по-видимому, слово принимается за цѣль. Слѣдовательно подъ симъ названіемъ разумѣютъ точно то же, что Древніе разумѣли подъ названіемъ: studia humanitatis. Ясно, что это значеніе неточное, произвольное и несоотвѣтствующее нынѣшнему состоянію наукъ.

Кромѣ наукъ Словесныхъ, встрѣчаемъ названіе *искусствъ Словесныхъ*. Одни почитаютъ сими искусствами Краснорѣчіе и Поэзію; другіе одну только Поэзію называютъ искусствомъ Словеснымъ. Здѣсь слово принимается за средство, или способъ проявленія Изящнаго, равно какъ оно проявляется въ звукахъ и очертаніяхъ.

Нѣкоторые до того распространяютъ предѣлы Словесности, что относятъ къ области ея все, что только сила воображенія постигнуть можетъ; полагаютъ основою ея — нравственность, сущностью — красоту, цѣлію — удовольствіе, образцомъ — природу, принадлежностью — вкусъ, пособіемъ — науки и знанія.

Сіе значеніе, отчасти согласное съ предъидущими, представляетъ особое воззрѣніе на одинъ и тотъ же предметъ. Всѣ же вмѣстѣ сіи *описанія* Словесности представляютъ понятія несвязныя, разнорѣчащія, неопредѣленныя.

Послушаемъ другихъ, отдѣляющихъ *языкъ* отъ *Словесности*, или Исторіи его и Писателей. Языкъ, говорятъ, есть хранилище всѣхъ словъ и взаимной связи ихъ между собою, посредствомъ которыхъ въ каждомъ народѣ изъясняетъ одинъ другому мысли свои и чувства. *Словесность*, Литтерапура, въ смыслѣ Исторіи языка и писателей, заключаетъ въ себѣ сочиненія разныхъ родовъ, составленныя по свойственнымъ каждому изъ нихъ правиламъ, относительно къ предметамъ, характерамъ, намѣренію автора, мѣсту, времени, читателямъ.

Сверхъ сего многіе различаютъ Словесность по языку; отъ того происходитъ Словесность Греческая, Латинская, Русская и проч.; по предмету: отсюда получается названіе Словесности Исторической, Философской и проч.; по времени раздѣляютъ Словесность на древнюю, среднюю и новую; по слогу—на прозаическую и стихотворную.

И здѣсь не льзя сообразить всѣхъ значеній: то Словесность есть языкъ, то слогъ, то все принадлежащее къ познанію языка и слога.

Отъ столь сбивчиваго понятія Словесности неопредѣленны и учебныя книги, и курсы Словесности. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно найти полезныя отдѣльныя сужденія о томъ или другомъ предметѣ; но ни въ одномъ изъ извѣстныхъ нѣтъ единства въ началахъ и связи въ предлагаемыхъ правилахъ — нѣтъ единой мысли, оживляющей цѣлое зданіе Науки.

Изъ всѣхъ сихъ опредѣленій древнихъ и новыхъ Ученыхъ слѣдуетъ заключить, что слово или принимается въ разныхъ значеніяхъ, и въ каждомъ значеніи составляетъ особый, отдѣльный предметъ; или одно и то же значеніе разсматривается съ разныхъ сторонъ,

показывающихъ предметы также особыхъ наукъ; или и значеніе слова смѣшенно и сбивчиво, и съ разныхъ сторонъ оное разсматривается. Отъ того въ области Словесности: во-первыхъ, встрѣчаемъ предметы, ей чуждые; во-вторыхъ, предметовъ, ей принадлежащихъ, не видимъ; въ-третьихъ, нѣкоторые предметы, хотя и относящіеся къ Словесности, не въ надлежащемъ порядкѣ представляются.

Не находя ни одного опредѣленія Словесности удовлетворительнымъ, обращаемся къ общему источнику всякаго вѣдѣнія, дабы составить надлежащее понятіе объ оной, показать предметы, составляющіе ея содержаніе.

Мы говоримъ, что знаемъ такой-нибудь предметъ, когда умственно оный представляемъ; посему въ знаніяхъ всѣ предметы сводятся въ понятія. Очевидно, что для знанія необходимы условія способности познающей и предметовъ познаваемыхъ. Познавательная способность есть духъ нашъ; предметы познаваемые — Богъ, природа и человѣкъ. Съ одной стороны въ знаніи открывается единство; съ другой — множество и разнообразіе. Притомъ, если въ разнообразіи и множествѣ заключается содержаніе

познаній, ихъ цѣлость: но въ единствѣ должна находиться ихъ связь и форма.

Способовъ познанія два: опытъ и умозрѣніе. Первымъ способомъ мы познаемъ предметъ, какъ оный является въ дѣйствительности; вторымъ способомъ проникаемъ въ причины бытія или явленія предметовъ, въ возможность или необходимость. Изъ знаній опытныхъ составляются понятія; изъ умозрительныхъ происходятъ начала. Послѣднія безъ первыхъ невозможны, первыя безъ послѣднихъ недостаточны. Совершенное знаніе слагается изъ совокупности знаній опытныхъ и умозрительныхъ, или изъ понятій и началъ, анализиса и синтезиса.

Система понятій и началъ называется *Наукою*. Для приведенія данныхъ знаній въ надлежащую форму науки, должно изъ одного положенія составить цѣлую систему положеній въ строгомъ порядкѣ и послѣдовательности. Наука, имѣющая особый предметъ изслѣдованія, должна состоять изъ понятій и началъ только однородныхъ.

Если въ понятіяхъ и началахъ содержатся матеріалы науки: то форма развитія и послѣдовательной связи понятій и началъ есть планъ, по которому изъ данныхъ ма-

періаловъ зиждется зданіе — наука. Далѣе, если наука должна представлять одно цѣлое: то между понятіями и началами, составляющими науку, должно быть одно понятіе или одно начало, развитіе котораго представляло бы всю цѣлость науки и ея части. Таковое начало въ наукѣ, или понятіе объ ея предметѣ, называется первымъ началомъ, первообразомъ, идеею, умственнымъ предметомъ; выраженіе идеи, или первообраза, перваго начала, есть опредѣленіе. Посему начертать планъ науки, составить систему извѣстнаго содержанія, значитъ опредѣленіе развить въ одно цѣлое. Въ идеѣ заключается наука, какъ въ сѣмени содержится цѣлое органическое существо. Такимъ только образомъ представленныя знанія становятся особымъ, цѣлымъ произведеніемъ духа, полнымъ развитіемъ одной идеи, собственно наукою; иначе свѣдѣнія не могутъ образовать художественнаго зданія, системы.

Въ настоящемъ случаѣ должно: во-первыхъ, назначить для Словесности особый предметъ, не входящій въ заняттія другихъ наукъ, и вывести ея опредѣленіе; во-вторыхъ, систематически развить опредѣленіе, что составитъ ея содержаніе.

Словесность, очевидно, происходитъ отъ *слова*; слово же имѣетъ разныя значенія: реченіе, рѣчь и даръ витійства, повѣствованіе, поученіе. Дѣйствительно, слово тѣсно соединено съ мыслію; оно представитель мысли, или мысль въ явленіи. Съ образованіемъ одного образуется другая. Не льзя мыслить безъ словъ; равно слово отъ мыслей получаетъ силу.

Какоежъ значеніе *слова* истинное и точное въ отношеніи къ Словесности? Безъ сомнѣнія, словомъ, въ мыслѣ предлежащельномъ, называется *выраженіе мысли*: и одно реченіе, и цѣлая рѣчь, и пѣснопѣніе, и система реченій, или языкъ — все можно назвать словомъ. Тѣмъ же словомъ, въ смыслѣ подлежащельномъ, справедливо называется даръ слова. Изъ сего открывается, что весь разговоръ нашъ въ общественной жизни, всѣ рѣчи и поученія наши, всѣ пѣснопѣнія — вообще всякое выраженіе мысли состоитъ изъ способности говорящей, или дара слова, и извѣстнаго реченія. Въ первомъ отношеніи слово есть *сила* духа, Творцемъ вселенной одному человѣку дарованная; во второмъ отношеніи слово есть то *выраженіе*, въ которомъ сила духа разнообразно проявляется. Изъ сего также слѣдуетъ, что выра-

женіе мысли, какъ и сила сего выраженія, опредѣленнымъ законамъ отъ начала міра повинующееся, можетъ составишь предметъ особой *Науки*.

Но изъ упомянутыхъ наукъ Словесныхъ только въ *Грамматикѣ*, *Риторикѣ* и *Піитикѣ* встрѣчаемъ предметы большею частію однородные, то есть въ нихъ только разсматриваются и законы слова, и словесныя произведенія духа человѣческаго, хотя не въ надлежащей связи и послѣдовательности. Предметы же однородные, изложенные въ системѣ, должны относиться къ одной наукѣ; слѣдовательно слово тогда только становится предметомъ одной науки, именно *Словесности*, когда именемъ слова означается словесное выраженіе мысли, то есть и языкъ, и творенія писателей; сими предметами другія науки не занимаются. Напротивъ, свѣдѣнія, доселѣ помѣщаемыя въ курсахъ Словесности изъ другихъ наукъ, должны быть исключены изъ ея предѣловъ. Изслѣдованія, на пр. высокаго, прекраснаго, вкуса и подобныя, относятся къ Эстетикѣ, наукѣ Изящнаго. По симъ же причинамъ не принадлежатъ къ Словесности и другія выше упомянутыя свѣдѣнія, каковы: Древности, Миѳологія, Исторія, Нравоученіе. Еще говорили

мы о Критикѣ, которую иные причисляютъ къ Словесности: это не особое ученіе, а приложеніе законовъ Словесности къ различнымъ произведеніямъ Орашорскимъ и Стихотворнымъ. Само собою разумѣется, что въ наше время не относятся къ области Словесности предметы, входившіе въ составъ Филологіи Древнихъ, каковы: Ариѳметика, Геометрія, Астрономія, Музыка. Декламація и Мимика также предметы особаго сценическаго искусства.

Такъ доселѣ смѣшиваемъ мы въ наукахъ разнородные предметы; ихъ смѣшивали и въ древности, когда науки не были съ надлежащею точностію распредѣлены. Впрочемъ всѣ знанія тѣсно между собою связаны, однѣ у другихъ заимствуютъ пособія, однѣ касающся предѣловъ другихъ: а потому разнородныя свѣдѣнія, издавна внесенныя въ Словесность изъ другихъ наукъ, могутъ быть заимствованы для объясненія; но ихъ не должно принимать за составныя части одного цѣлаго.

И такъ *Словесность есть наука, имѣющая* предметомъ слово, или выраженіе мысли, то есть *свойства, законы и дѣйствія слова*, какъ выраженія мысли. Слово составляетъ особый кругъ свѣдѣній и понятій, особый предметъ изслѣдованій точно такъ же, какъ

самая мысль, или мышленіе, есть предметъ отдѣльной науки: а потому Словесность, какъ совокупность особыхъ знаній, имѣетъ и свое содержаніе — можетъ быть наукою особою, самостоятельною.

Мы сказали, что слово можемъ разсматривать двояко: или принимая оное за даръ, или за систему выраженій — за силу или за выраженіе оной, изъ звуковъ сліянное; посему слово представляетъ изслѣдованія общія и частныя. Общія изслѣдованія въ словѣ суть законы, общіе человѣку и человѣчеству, частныя — самыя реченія, у каждаго народа различныя.

Явствуетъ также, что языка не только не должно отдѣлять отъ Словесности, какъ доселѣ иные дѣлаютъ, разумѣя подъ языкомъ правила его, подъ Словесностью творенія на ономъ и его Исторію; но именно языкъ долженъ составлять одинъ изъ главныхъ предметовъ Словесности.

Какимъ же образомъ привести найденное содержаніе Словесности въ систему? Для сего должно развить опредѣленіе Словесности — цѣлое раздѣлить на части. Основное понятіе, или начало въ Словесности, есть *выраженіе мысли*, и приномъ выраженіе мысли вообще какими-либо звуками или только

извѣстными звуками: отъ того изслѣдованія Словесности необходимо должны быть *общія*, относящіяся къ способу словеснаго выраженія мысли человѣка, и *частныя*, принадлежащія къ способу словеснаго выраженія мысли какого-либо одного народа. Первыя составляютъ часть *умозрительную*, вторыя — *опытную*.

Слово, разсматриваемое въ Словесности, согласились мы принимать за представленіе мысли въ опредѣленныхъ звукахъ — приведеніе мысли въ видимость. Изъ сего открывается, что слово, предметъ Словесности, требуетъ разсмотрѣнія по общимъ категоріямъ всякаго вѣдѣнія, именно въ значеніи матеріи, формы и ихъ совокупности.

Во-первыхъ, въ значеніи опредѣленныхъ звуковъ, сліянныхъ въ реченія и служащихъ какъ бы *матеріею*, или вещественомъ, для проявленія мысли.

Во-вторыхъ, въ значеніи *формъ*, какія слово принимаетъ отъ проявленія мысли.

Въ-третьихъ, въ значеніи совокупности словесной матеріи и формы, или произведеній Словесныхъ.

Но дѣятели духовнаго существа нашего въ высшей степени его развитія суть *умъ*,

воля и *чувство*. Сіи способности образуютъ духовный нашъ организмъ. Каждый человѣкъ въ полномъ развитіи способностей болѣе или менѣе оными одаренъ. Та или другая способность можетъ преимущественно обнаруживаться; но совершенное отсутствіе которой-либо изъ нихъ не возможно. Посему мысль, произведеніе духовнаго организма, необходимо находится подъ преимущественнымъ вліяніемъ которой-либо изъ сихъ способностей. То же самое должно разумѣть о выраженіи мысли, или словѣ. Дѣйствительно, слово и въ одномъ человѣкѣ, и въ цѣломъ человѣчествѣ, переходитъ различныя степени, согласно съ развитіемъ мыслящей способности. Въ дѣтствѣ, когда имѣетъ преимущество сторона чувственная, болѣе встрѣчаются выраженія фигурныя. Съ переходомъ человѣчества въ возрастъ отрочества выражается въ словѣ міръ понятій. Наконецъ юность человѣчества представляетъ изящество идеаловъ. Сей постепенный ходъ ума человѣческаго измѣняется въ народахъ только отъ причинъ внѣшней и внутренней жизни, дѣйствующихъ на развитіе способностей. Изъ сего слѣдуетъ, что слово, или выраженіе мысли, изображаетъ въ себѣ умъ, волю и

чувство. Слово, принимаемое за міръ понятій, представителей всей видимой природы и внутреннихъ нашихъ ощущеній, есть разговоръ общества. Слово, орудіе воли, все за собою увлекающее, есть предметъ Краснорѣчія. Слово, изображеніе чувства, невольно насъ чарующее, есть предметъ Стихотворства. Вотъ при вида слова пройственной жизни человѣка, народовъ, человѣчества!

Свойство *Наукъ* состоитъ въ томъ, что въ нихъ внѣшніе предметы разрѣшаются въ понятія; обратно, когда умственныя представленія низводятся во внѣшнія, ощутительныя, рождается *Искусство.* Проявленіе идеаловъ въ словѣ производитъ словесныя искусства: *Краснорѣчіе* и *Стихотворство.* Изъ предъидущаго также слѣдуетъ, что въ Стихотворствѣ, опъ преимущественнаго дѣйствія чувства, участвуетъ вымыселъ. Правильная рѣчь простаго разговора, изустнаго и письменнаго, будетъ ли это повѣствованіе, или поученіе, еще не составитъ рѣчи *Ораторской;* сія требуетъ одушевленія. Рѣчь олицетворенная, допускающая вымыселъ, есть *Піитическая.* Сіи два рода рѣчи, полныя и совершенныя явленія мысли посредствомъ слова, какъ произведенія искусства, составляютъ

предметъ Теоріи Краснорѣчія и Стихотворства. Въ этомъ состоятъ внутреніе, существенные отличія сихъ двухъ способовъ выраженія; сверхъ того каждый имѣетъ свои внѣшніе, частные условія.

Такимъ образомъ мысль посредствомъ слова, какъ своего выраженія, является во всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ, начиная съ простѣйшихъ предложеній и восходя до Исторіи и Эпопеи; посему Словесность должна изслѣдовать всѣ сіи явленія. Разсмотрѣвъ слова, какъ овеществленныя явленія духа съ ихъ формами, въ рѣчи Ораторской она изслѣдуетъ оживленный словесный организмъ, міръ житейскихъ помышленій, желаній и чувствованій; въ рѣчи Піитической она созерцаетъ міръ идеальный.

Звуки, въ слова сліянные, подобно веществу, къ которому происходятъ безчисленныя явленія мысли, составляютъ предметъ I. *Грамматики*, (*Аналитики слова*), притомъ a) общей и b) частной.

Совокупность формъ проявленія мысли посредствомъ слова, или форма словесной матеріи, есть предметъ II. *Риторики*, (*Синтезиса слова*), также двойственной въ от-

ношеніи къ формамъ выраженія: а) общимъ слову человѣческому и b) частнымъ, свойственнымъ тому или другому языку.

Совокупность словесныхъ выраженій мысли въ видѣ произведеній словеснаго искусства есть предметъ особой Теоріи. Сіи произведенія искусства принадлежатъ или къ *міру дѣйствительному*, или къ *міру идеальному*; онѣ представляютъ или *дѣйствительную* жизнь, или идеально *возможную*: однѣ составляютъ *Краснорѣчіе*, другія *Поэзію*; совокупность тѣхъ и другихъ относится къ *Изящной Словесности*, которая иначе называется III. *Теоріею Краснорѣчія*, или *Ораторіею*, и *Теоріею Стихотворства*, или *Піитикою*.

Вотъ *предметы, составляющіе содержаніе Словесности* вообще, объемлющей Языкъ, Краснорѣчіе и Стихотворство, и Словесности каждаго народа въ особенности — иначе *матерія*, *форма слова* и совокупность той и другой, или *словесное произведеніе*.

Слѣдовательно, каждое словесное выраженіе мысли разсматривается съ трехъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, мы обращаемъ вниманіе на каждое реченіе порознь, его свойства, измѣненія, отношенія къ другимъ:

это разборъ выраженія со стороны матеріи, и есть дѣло Грамматики. Во-вторыхъ, въ томъ же самомъ выраженіи смотримъ на форму, какая дана разобраннымъ реченіямъ, составляютъ ли онѣ періодъ или стихъ — на различіе реченій въ извѣстномъ мѣстѣ, или въ извѣстной формѣ выраженія: это дѣло Риторики. Въ-третьихъ, принимая матерію и форму выраженія въ совокупности, разсматриваемъ сіе выраженіе, какъ явленіе мысли въ видимости, или какъ полное словесное произведеніе духа нашего. Здѣсь мы познаемъ, подъ какимъ преимущественнымъ вліяніемъ дѣятелей духа произошло выраженіе, и можетъ ли оно произвести желаемое дѣйствіе или на умъ, или на волю, или на чувство — короче, соотвѣтствуютъ ли вещество и форма выражаемой мысли. Сего рода изслѣдованія составляютъ предметъ или Теоріи Краснорѣчія (Оратеріи), или Теоріи Поэзіи (Піитики).

Симъ заключается разборъ каждаго словеснаго выраженія мысли, отъ предложенія до Рѣчи — отъ стиха до Поэмы; другихъ особенныхъ точекъ зрѣнія при подобномъ разсматриваніи болѣе не находится, и только сего рода вопросы принадлежатъ къ Словесности, какъ наукѣ о словѣ. Если сравнимъ

словесное выраженіе мысли съ изображеніемъ той же мысли живописнымъ: що очертанія будутъ соотвѣтствовать реченіямъ, разсматриваемымъ въ Граммашикѣ; краски — формамъ Риторическимъ; совокупность тѣхъ и другихъ, или картина, есть полная рѣчь или стихотвореніе, вообще словесное произведеніе художественное, мысль въ явленіи слова.

Что же сказать о *наукахъ Словесныхъ?* Въ наше время подъ симъ одни разумѣютъ всѣ тѣ знанія, которыя необходимы для образованія Оратора и Поэта; другіе смѣшиваютъ оное съ названіемъ наукъ Философскихъ, принадлежащихъ къ образованію человѣка вообще, отдѣляя таковыя свѣдѣнія отъ частныхъ, которыя приготовляютъ его къ тому или другому званію въ обществѣ.

Изъ предъидущаго же слѣдуетъ, что Словесными науками собственно могутъ быть названы тѣ, которыя занимаются изслѣдованіемъ слова во всей его обширности, то есть: Граммашика, Риторика и Теорія Краснорѣчія и Стихотворства; иначе, названіе Словесныхъ наукъ тожественно съ названіемъ Словесности какъ науки.

Спросятъ: принадлежитъ ли къ наукѣ о словѣ Исторія Словесности? Исторія каждой науки относится къ теоріи оной, какъ опытъ относится къ умозрѣнію. Исторія Словесности подтверждаетъ всѣ умозрительныя изслѣдованія о словѣ; она раскрываетъ рожденіе, успѣхи и совершенствованіе того или другаго произведенія Словеснаго; и потому въ изученіи Словесности необходима ея Исторія.

Между предметами сего начертанія Словесности нѣтъ ни одного, заимствованнаго изъ другой науки; нѣтъ также ни одного, который бы отнесенъ былъ къ другой наукѣ: сего требуетъ цѣлость и полнота содержанія. Сверхъ того ни одного предмета не льзя переставить съ одного мѣста на другое, безъ нарушенія связи и послѣдовательности; общее предшествуетъ частному; требованіе единства и точности. Цѣль всѣхъ частей и каждой состоитъ въ развитіи одной идеи, выраженія мысли, посредствомъ слова, въ познаніи его законовъ какъ врожденнаго дара, свойствъ его какъ орудія, и дѣйствій на умъ, волю и чувство.

В. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

4. ГЁТЕ.

Слово Его Превосходительства Господина Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Президента С.-Петербургской Академіи Наукъ, Сергія Семеновича Уварова, произнесенное на Французскомъ языкѣ въ торжественномъ собраніи Академіи, 12-го Марта 1833.

Переводъ Профессора Давыдова.

Поспѣшая познакомить съ симъ произведеніемъ соотечественниковъ нашихъ, мы украшаемъ онымъ Ученыя Записки. Знаемъ, что сочиненіе, заключающее въ себѣ, при всей краткости, невыразимое богатство мыслей и живопись неподражаемую въ слогѣ, теряетъ въ переводѣ большую часть своего изящества; но мы лучше желали показать безсиліе свое въ выраженіи мыслей и чувствованій Сочинителя, нежели совсѣмъ лишить читателей прекраснѣйшихъ страницъ о великомъ Поэтѣ нашихъ временъ. Рдкпр.

— Одному изъ знаменитыхъ мужей, похищенныхъ смертью изъ среды Наукъ и Академіи, я почитаю себя обязаннымъ, въ качествѣ Академика, принести нынѣ послѣднюю

дань признательности и уваженія: я разумѣю *Гёте.* Пусть другіе Члены сего сословія представляютъ сильное вліяніе Кювье на науки Естественныя; изслѣдуютъ обширную ученость Шамполліона, Ремюза, Сесшини: себѣ предоставляю я бесѣдовать съ вами, Мм. Гг., о Гёте, коего изученіе составляло мои любимыя и при всемъ шомъ чуждыя предразсудковъ занятія; котораго позналъ я изъ долговременныхъ и частныхъ сношеній; о шомъ, котораго разбирать можно, какъ разбираютъ Древнихъ, требующихъ одной истины, спокойствіемъ и безмолвіемъ своимъ внушающихъ благоговѣніе, безъ ненависти и пристрастія.

Не ожидайте отъ меня, Мм. Гг., подробностей касательно жизни сего по-истинѣ великаго мужа; время рожденія его и кончины, главнѣйшія происшествія въ жизни спокойной, и вмѣстѣ многообъемлющей, извѣстны всѣмъ; нѣтъ никого изъ присутствующихъ здѣсь, кто бы не вкушалъ сладости блистательныхъ и творческихъ созданій, отражающихъ разнообразный и, смѣю сказать, причудливый геній Гёте, то проникающій во глубину сердца, то очаровывающій своенравною игрою вообра-

ображенія, но убѣдительный прозорливостью философической.

Со вниманіемъ читалъ я большую часть жизнеописаній Гёте: вообще сужденія о немъ нахожу я недостаточными и невѣрными. Многіе изъ опрасчныхъ почитателей возвеличиваютъ его и возносятъ до идеальной высоты, гдѣ физіономія писателя уже исчезаетъ отъ взоровъ критика; иные напротивъ умаляютъ его и ставятъ въ такія тѣсныя рамы, въ какихъ едва можно помѣстить и рядоваго грамотѣя. Одни сравниваютъ его съ Шекспиромъ, другіе съ Вольтеромъ; помнится, даже находили сходство между Гёте и Магометомъ или Наполеономъ. Вы сами, Мм. Гг., можете изъ сего заключить о справедливости таковыхъ описаній неточныхъ и обличающихъ недостатокъ наблюдательности.

Дабы основательно судить о вліяніи Гёте на страну его и вѣкъ, должно мысленно перенестись въ то время, когда явился онъ на поприщѣ Словесности. Франція, гибнувшая въ неистовыхъ Сатурналіяхъ XVIII вѣка, еще продолжала дѣйствовать на умы. Нѣмецкая Словесность, заключенная въ первоначальныя жесткія формы свои и порыва-

емая систематическимъ стремленіемъ къ подражанію Зарейнскимъ образцамъ, подвергалась сугубой невыгодѣ двухъ враждебныхъ крайностей. Школа Бодмера, называемая въ Германіи Швейцарскою, силилась воскресить подъ кровомъ патріархальнымъ древнюю Эпопею. Школа Лейпцигская требовала народной Драмы, и между тѣмъ ковала прозу, которой нескончаемыя причастія утомляли самый грубый слухъ и самый сниходительный вкусъ. Отличнѣйшіе умы, особенно Галлеръ и Клопшокъ, отглашали въ Лирикѣ мысли возвышенныя, и настроивали стихосложеніе неправильное и нетвердое въ основаніи; когда хотѣлось создать Пиндику съ тѣмъ же предубѣжденіемъ, съ какимъ искали народности въ баснословныхъ Тацитовыхъ преданіяхъ о Германцахъ. Лессингъ первый прокладывалъ настоящій путь; но его критическій пиланшъ не могъ озарить свѣтомъ тьму смѣшенія и безпорядка. Изъ среды сего лишерарнаго безначалія возвысился пиланшъ могучій, Виландъ; онъ пробилъ новую тропу — и увлекъ послѣдователей къ подражанію Французамъ, неподражаемымъ въ любезности, естественности и живости. Трудное и безплодное усиліе соединяло противуположныя

стихіи; въ семъ жалкомъ сочетаніи безнравственность даже не приправлялась вкусомъ, а родныя качества народнаго генія приносились въ жертву суетной страсти наряжаться въ чужія, преувеличенныя погрѣшности.

Замѣтимъ, Мм. Гг., что въ то время дѣятельность духа устремлена была на совершенствованіе умственной стороны; тогда нынѣшнія думы еще не волновали страстей общественныхъ. Перевороты, вскорѣ разразившіеся, конечно зарождались въ безмолвіи; но какъ чада времени, обстоятельствъ и идей, а не произведеніе человѣка или междоусобій, они созрѣвали вдали, подобно непримѣтнымъ на облакахъ пятнамъ, зародышамъ бури. Тогда книга почиталась событіемъ, новая мысль явленіемъ, Философская система эпохой, въ произведеніи искусства выражалась школа; тогда законъ драматическихъ единствъ опровергался или былъ утверждаемъ, какъ законъ государственный; Глюкъ казался нововводителемъ; на Шекспира смотрѣли, какъ на варвара, угрожавшаго ниспроверженіемъ общественнаго порядка; Энциклопедистовъ принимали за новыхъ вѣроучителей. Германія представляла единственное зрѣлище дѣятельнаго и непрерывнаго развитія мысли, за-

мѣнявшаго всѣ прочіе признаки жизни — зрѣлище мышленія зрѣлаго, углублявшагося во внутреннее самосозерцаніе: шамъ, отъ Рейна до Спрее, иногда одинъ силлогизмъ изъ Метафизики превожилъ умы; неожиданный какой-либо выводъ, новая категорія раздѣляли общество, и даже состоянія народныя различались не по важности ихъ гражданственной, но по степени образованія, до какой онѣ достигали, и по дѣйствію ума, какое производили на осталь-ную часть народа.

Въ сіи-то времена явился Гёте; одаренный всѣми необыкновенными силами духа, соединявшій качества противуположныя, благопріятствуемый вѣкомъ и самымъ положеніемъ своимъ въ обществѣ, онъ рано прозрѣвалъ мѣсто, какое призванъ былъ занять. Долго, казалось, колебался онъ въ выборѣ пути, который бы привелъ его къ сему мѣсту; однако это недоумѣніе не только не отдалило его отъ мѣты, но еще послужило къ раскрытію всѣхъ сокровищъ дивнаго его ума. Оно зависѣло частію отъ обстоятельствъ времени, частію отъ личнаго его характера. Предъ соотечественниками пламенными и добродушными,

съ чистосердечною увѣренностію ожидавшими законодателя языка и вкуса, предсталъ Гёте, безъ предубѣжденій литературныхъ, безъ вѣрованія въ философскія ученія, неустановившійся въ идеяхъ своихъ, безъ восторга и народности. Сими-то прощивуположностями, коихъ онъ никогда не шаилъ, распространилось его владычество, возросло необъятное умственное могущество, которого скипетръ оставался въ его рукахъ до послѣднихъ дней жизни. Гёте никогда не угождалъ требованіямъ общаго мнѣнія; чародѣйственною властію таланта своего онъ увлекалъ народное мнѣніе за собою, и послѣ отталкивалъ его отъ себя въ противную сторону. Иногда утомленное продолжительнымъ влеченіемъ, искало оно отдыха, хотѣло остановиться на данныхъ самого Гёте: прихотливый геній немедленно истреблялъ произведеніе свое, подобно Аравитянину, который среди пустыни топчетъ наметъ, защиту каравана отъ зноя — и терпѣливый, послушный караванъ тянется въ дальній путь. Лишь только разгадывали настоящее направленіе любимаго писателя: онъ уклонялся неожиданно — и уже находили его тамъ, откуда, по видимому, навсегда онъ удалился. Но-

шинный Протей, но Протей самоуправный и упрямый, подобно Аріелю и Мефистофелю, всегда опережавшій современниковъ, сильнѣйшій изъ всѣхъ и искуснѣйшій, неподражаемый, ничѣмъ не жертвовавшій народности, и при всемъ томъ всегда ее соблюдавшій.

Когда духъ Германскій, въ сущности мечтательный и страстный, въ припадкахъ отвращенія отъ людей и всего въ мірѣ, возносился въ идеальную область любви, искушаемой дѣйствительностью жизни: тогда Гёте издалъ *Вертера*, величайшую драму своего времени, и на этомъ остановился. Совершенство творенія уничтожило подражателей; творецъ довольный тѣмъ, что его родъ сталъ для другихъ невозможнымъ, обращался къ нему только для того, чтобъ издѣваться надъ собственными своими внушеніями. Соотечественники его пустились въ вѣка рыцарства; на театрахъ и въ романахъ громоздились готическія башни, всѣ покрывались желѣзными лапами, вооружались копьями; писали безъ умѣнья, неестественно: Гёте вознегодовалъ — и поставилъ на сценѣ Германской *Гетца фонъ Берлихингена*, полное выраженіе природы, сильное, цвѣтъ родной земли; всѣ разлюбили то, что прежде нравилось въ другихъ. Но Поэтъ, совершивъ

превосходное созданіе, никогда не принимался за другое подобное. Пришла пора, когда стали восхищаться красотою Греческой, любоваться утонченнымъ чувствомъ, врожденнымъ, нѣжнымъ вкусомъ, потребностью Греческихъ драматическихъ образцовъ: и Гёте сбросилъ съ себя нарядъ среднихъ временъ — написалъ *Ифигенію*, изящную и прелестную, подобную Греческому изваянію, столь же благозвучную, сколь благозвучна пѣснь Сафы, — чистую и непорочную, какъ чистъ бѣлый папирусъ, вырытый изъ подъ пепла Геркуланскаго; онъ тогда же подарилъ читателямъ *Римскія Элегіи*, дышащія отправляющею нѣгою Тибулла и Проперція. Наступило время, когда Германія пристрастилась къ богатой Италіянской Поэзіи; очаровалась прелестію ея гармоніи, неистощимой, какъ неистощима въ обиліи ея родина, великолѣпной, какъ великолѣпно ея солнце, нѣжной и сладострастной, какъ человѣкъ въ этой странѣ: обновился и Гёте — въ его *Торкватѣ Тассѣ* отгласилась природа музыкальная, истинная, полуденная; раздался языкъ сладкій, благозвучный. До сихъ поръ никто изъ его подражателей даже не приближался къ этой услаждительной игрѣ фантазіи.

Перейдя въ другую область идей, мы увидимъ, что Гёте и тамъ шелъ разными путями. Въ *Эгмонтѣ* представилъ онъ пророческую картину освобожденія народнаго, предвозвѣщеннаго упрямою одного человѣка. Но послѣ, когда все всколебалось отъ бурей переворотовъ; когда этимъ чадомъ опуманились и умозрительныя головы Германцевъ: Гёте не только не увлекся общимъ потокомъ, но пребылъ въ величественномъ безмолвіи. Онъ постоянно оставался аристократомъ въ правилахъ своихъ, желаніяхъ, чувствованіяхъ; явно обнаруживалъ гордое презрѣніе къ торжествующимъ мнѣніямъ черни. Такъ и въ то время, когда безвѣріе проникло въ Германію; когда страсть къ отвлеченностямъ поколебала основанія нравственныхъ знаній: Гёте сжалился надъ необузданною охотою соотечественниковъ къ метафизическимъ изслѣдованіямъ — и бичевалъ грозными сарказмами ихъ суесловіе и пытливость. Среди порывовъ Канпизма, онъ мало забопился о непроницаемыхъ, темныхъ произведеніяхъ Кенигсбергскаго мыслителя (*), въ тогдашнее время освященныхъ общимъ восторгомъ, а нынѣ едва извѣстныхъ по заглавіямъ.

(*) См. Briefwechsel mit Schiller.

Въ столь тѣсной рамѣ я не могу помѣстить многочисленныхъ твореній Гёте; указалъ только на нѣкоторыя, чтобъ раскрыть различное направленіе его генія — пути, по коимъ шествовалъ онъ къ литературному диктаторству въ странѣ своей, пути новые, причудливые, затѣйливые, по коимъ онъ одинъ могъ проходить; дабы доказать, что сравниваніе Гёте съ Вольтеромъ и его братіею погрѣшительно. Умы своего вѣка покорилъ онъ не угодливостью, но открытымъ и постояннымъ противоборствомъ съ нимъ. Можетъ быть, дѣйствія его были напередъ расчитаны, и глубокою проницательностію разгадалъ онъ особенный характеръ народа своего, характеръ важный, созерцательный, страстный, искренній; можетъ быть, соотечественникамъ его нуженъ былъ живой парадоксъ для полнаго развитія умственнаго: при всемъ этомъ Гёте, не заботившійся о любви народной, былъ сорокъ лѣтъ идоломъ народа и баловнемъ; суровый и надменный, онъ безпрестанно вооружался противъ мимолетныхъ страстей и скоропреходящаго вкуса; въ противность Вольтеру, безъ обиняковъ объявилъ, что рукоплесканія черни ему приторны и

оледенѣли его (*) — что чернь и въ Словесности, равно какъ въ Политикѣ, не способна управлять сама собою. *Фаустъ*, одно изъ дивныхъ произведеній его фантазіи, дѣйствительно представляетъ грозную и ѣдкую иронію въ родѣ Рабеле и Шекспира, возвышенную сатиру на страсть Нѣмцевъ, копаться въ глубинахъ и пропастяхъ таинственности, разоблачать ея покровы — страсть, безумно воспитанную трансценденталною Философіею, разрушительное развитіе коей ускорили позднѣйшія мудрованія. Во время появленія *Фауста* я былъ въ Германіи; трудно изобразить двоякое впечатлѣніе отъ сего твореніе — впечатлѣніе восторга и негодованія: соотечественники его, осмѣянные въ любимыхъ мечтахъ своихъ, глубоко уязвленные и со всѣхъ сторонъ низложенные, сознавались, что пророкъ ихъ (такъ называли тогда Гёте), никогда не повѣдывалъ столь высокихъ тайнъ и вдохновеній, никогда не видывали столь проницательныхъ взглядовъ. Дѣйствительно, до Фауста никогда не объявлялъ Гёте люттѣйшей вражды духу времени; никогда не нападалъ онъ на пру-

(*) Mein Lied ertönt der unbekannten Menge
Ihr Beifall selbst macht meinem Herzen bang... Faust.

ды вѣка съ насмѣшкою столь язвительною. Никто изъ современниковъ Гёте, при такихъ успѣхахъ Фауста, не дерзалъ вооружаться противъ него, противъ произведенія творческаго, противъ этой чудной фантастической прихоти; терпѣли бичеваніе, только приговаривая: „такъ сказалъ учитель", *αὐτὸς ἔφη*.

Особенныя отношенія Гёте къ публикѣ служили поводомъ ко множеству недоразумѣній, которыми забавлялся великій художникъ, предоставляя пытливымъ и добродушнымъ умамъ удовольствіе толковать таинственный смыслъ словъ его и разгадывать сокровенныя причины его образа мыслей. Сей способъ дѣйствованія и принужденное положеніе обратились въ привычку; не смотря на это, природныя свойства его всегда выказывались изъ-за приличій. Шлегель старшій разсказывалъ мнѣ, что однажды, переписывая стихотворный отрывокъ въ присутствіи самого Гёте, остановился онъ и скромно, почтительно осмѣлился спросить Поэта о точномъ смыслѣ стиховъ, на которые въ Германіи вышло множество противорѣчій. Гёте разсмѣялся и сказалъ: „оставьте эти загадки; когда писалъ я, мнѣ

казалось, въ нихъ былъ смыслъ; вотъ все, что могу я вамъ сказать."

Гёте во всѣхъ предметахъ, даже въ Грамматикѣ, показывалъ совершенное пренебреженіе положительныхъ правилъ и рѣшительныхъ теорій. Въ томъ періодѣ жизни, когда трудности возбуждаютъ къ большей дѣятельности, я пытался писать по-Нѣмецки. Книга моя (*), о коей, можетъ быть, еще помнятъ нѣкоторые изъ нынѣшнихъ слушателей, напечатана и издана подъ охраненіемъ Гёте; онъ подстрекнулъ сочинителя. Въ посвященіи я говорилъ ему, что чудные плоды его генія, кои вкушалъ я въ Германіи, въ пылу юности, питали меня и въ лѣтахъ зрѣлыхъ, были отрадою и наслажденіемъ; что я представляю сочиненіе свое великому художнику и знатоку Нѣмецкаго языка, надѣясь получить нѣкогда изъ его рукъ право гражданства въ отечественной его Словесности. Это послужило темою продолжительной переписки съ Гёте. Посылая къ нему книгу, я писалъ въ особомъ письмѣ, что онъ вѣрно найдетъ въ ней выраженія иностранца, руссиз-

(*) Nonnos von Pannopolis, der Dichter. Ein Beitrag zur Geschichte der Griechischen Poësie. St-Petersburg, 1816. 4.

мы, даже нѣсколько солецизмовъ, ускользнувшихъ отъ вниманія, присоединивъ, что я тщетно искалъ ученаго Нѣмца, который бы принялъ на себя трудъ пересмотрѣть мою рукопись. На это Гёте отвѣчалъ мнѣ: „Настоятельно прошу васъ, даже требую отъ васъ обѣщанія, никогда не повѣрять никому изъ Нѣмцевъ такъ называемаго вами пересмотра рукописей вашихъ. Навѣрно слогъ вашъ отъ этого потеряетъ все, что въ моихъ глазахъ драгоцѣнно, а въ замѣну приобрѣтетъ прикрасы, о коихъ я ни мало не забочусь. Пользуйтесь тою важной выгодой, что вы не знаете Нѣмецкой Грамматики; лѣтъ придцать стараюсь я забыть ее.“ Не смотря на вниманіе великаго писателя, можноб принять сіи строки за легкую иронію, еслибъ въ то же самое время не повторилъ онъ тѣхъ же похвалъ и не объявилъ бы того же мнѣнія въ изданномъ тогда собраніи: Kunst und Alterthum.

Возобновляя воспоминанія о продолжительной перепискѣ моей съ великимъ человѣкомъ, о которомъ имѣю честь бесѣдовать съ вами, Мм. Гг., я могъ бы распространиться и разсказать вамъ еще нѣсколько замѣчательныхъ изреченій его; но тогда надлежалобъ переступить предѣлы настоящаго

слова. Не употребляя во зло снисхожденія вашего, ограничусь краткимъ исчисленіемъ трудовъ Гёте, имѣющихъ тѣсную связь съ Науками, коими Академія преимущественно занимается.

Чѣмъ болѣе чуждался вкусъ Гёте искусственнаго синтезиса и въ умозрѣніи, и въ поступкахъ; тѣмъ болѣе прилѣплялся онъ къ Естественнымъ наукамъ съ самыми мельчайшими подробностями, занимаясь ими страстно. Но и тутъ не преклонялъ онъ главы ни предъ одною системой, не покорялся ни одной теоріи: шелъ какъ наблюдатель, любилъ размышлять самъ съ собою и на просторѣ.

Такъ въ Физикѣ, теорія свѣта, или лучше сказать, теорія цвѣтовъ была однимъ изъ любимыхъ предметовъ его изученія. Гёте не довольствовался ни однимъ изъ извѣстныхъ объясненій: теорія *истеченій* казалась ему слабою и даже странною; теорія *сотрясеній*, которую принималъ онъ въ значеніи динамическомъ, также его не удовлетворяла. По его мнѣнію, цвѣты рождаются въ парообразной средѣ, чрезъ которую проходитъ къ намъ свѣтъ. Явленія призмы представлялись ему въ формѣ болѣе піитической, нежели дидактической: по соображеніямъ

Поэта, кои можно извлечь изъ его сочиненій, а трудно изложить въ немногихъ словахъ ясно и опредѣленно, цвѣты не иное что, какъ встрѣча свѣта съ тьмою, родъ покрова, навѣваемаго мракомъ на свѣтъ. Не вступаясь за это мнѣніе, которое можетъ казаться болѣе замысловатымъ, нежели сколько основательнымъ, заключу тѣмъ, что конечно теорія Гёте не принята; однако прекрасныя, многочисленныя наблюденія его надъ цвѣтами заслужили уваженіе людей просвѣщенныхъ и безпристрастныхъ.

Перенеситесь мысленно, Мм. Гг., въ то время, когда въ первый разъ появилось геогностическое ученіе Вернера; и вы согласитесь, какимъ любопытствомъ, какимъ чувствомъ долженъ былъ воодушевиться такой умъ, каковъ умъ Гёте, при воззрѣніи на теоріи новыя и привлекательныя. И дѣйствительно, онѣ составляли одно изъ самыхъ постоянныхъ занятій въ продолженіе всей его жизни. Онъ пріобрѣталъ огромныя собранія геогностическихъ рѣдкостей, особенно когда требовалъ самъ отъ себя отчета въ двухъ явленіяхъ, сильно его поражавшихъ: въ происхожденіи металловъ и дѣйствіи огня на внѣшнюю оболочку земнаго шара. Касательно перваго предмета, замѣчанія его

можно назвать предчувствіями, предвидѣніемъ; тогда еще неизвѣстны были славныя открытія Дави, и, вѣроятно, не обнималъ онъ сцѣпленія всѣхъ явленій, служащихъ наукѣ основаніемъ. Что касается до другаго вопроса, изслѣдованія Гёте волканическихъ остатковъ, найденныхъ въ Богеміи, заимствованныя изъ того круга понятій, кои не подвержены пропиворѣчіямъ, свидѣтельствуютъ о силѣ ума и рѣдкой проницательности, особенно если вспомнимъ, что онъ такъ мыслилъ въ то время, когда въ Геологіи господствовало ученіе Нептунистовъ.

Гёте, въ Морфологіи своей, говоритъ, что необыкновенное дѣйствіе, произведенное на него безсмертнымъ Шведскимъ Естествоиспытателемъ, состояло между прочимъ въ потребности, какую ощутилъ онъ, совокупить въ одно цѣлое то, что у *Линнея* было столь тщательно раздѣлено — отыскать единство и сходство тамъ, гдѣ *Линней* находилъ множество и разнообразіе. Таково направленіе изученія его Ботаники; всѣ изслѣдованія имѣли цѣлію открыть первоначальную пластическую форму въ безконечномъ разнообразіи растительнаго царства. По мнѣнію Гёте, листъ представляетъ первообразъ, кото-

рый развивается и получаетъ преобразованіе или восходящее, или нисходящее. Въ наше время эта теорія имѣетъ послѣдователей; ее принимаютъ славнѣйшіе Ботаники (*). Замѣтимъ мимоходомъ, что Гёте первый отдалъ справедливость одному изъ величайшихъ Физіологовъ своего времени, Гаспару Фридриху Вольфу, Члену нашей Академіи. Вамъ, Мм. Гг., извѣстны огромные труды его; вы знаете имъ цѣну, но также вѣдаете, что скромный и сознательный голосъ сего ученаго заглушаемъ былъ громкою знаменитостію: Гёте призналъ его достоинства.

Зоологія не осталась чуждою пламенной его любви къ Естественнымъ наукамъ; и въ ней показалъ онъ духъ наблюдательный и проницательный. Гёте изучалъ всѣ части животнаго организма съ такимъ же любопытствомъ, съ какимъ изслѣдовалъ всѣ подробности жизни растеній. Здѣсь, также желая вывести первоначальную, пластическую форму, онъ рѣшительно сказалъ, что для сего необходима помощь сравнительной Анатоміи: и это указаніе нынѣ законъ и свѣточъ науки. Въ особенности Гёте занимался Остеологіей; онъ прежде всѣхъ почиталъ

(*) Профессоръ Эрнестъ *Мейеръ*, въ Кенигсбергѣ.

черепъ измѣненіемъ позвонковъ: это мнѣніе нынѣ общепринятое. Не оставимъ безъ вниманія новаго наблюденія, если не открытія, коимъ Анатомія одолжена Гёте. Долго полагали, что органическое отличіе человѣка отъ животныхъ состоитъ въ *межчелюстной* кости, въ которой у животныхъ сидятъ рѣзцы верхней челюсти, и которая примѣтно выдается у обезьянъ. Гёте не довольствовался симъ признакомъ: многими опытами и изысканіями, онъ доказалъ существованіе сей кости и въ челюсти человѣка. Не показываетъ ли это изслѣдованіе особенныхъ видовъ, кромѣ простаго любопытства? Или я ошибаюсь, Мм. Гг., или было какое-либо невѣдомое внушеніе Мефистофеля къ уничтоженію мнимаго вещественнаго отличія, которое гордость человѣческая хотѣла присвоить себѣ въ добавокъ къ духовному превосходству: такой умъ, каковъ умъ Гёте, не останавливается долго на какомъ-либо изысканіи, если оно не содержитъ въ себѣ важной мысли.

Впрочемъ, Мм. Гг., былобъ несправедливо разсматривать Гёте въ одной какой-либо отрасли знаній или въ одномъ какомъ-либо временномъ направленіи отдѣльно; сей

дивный умъ, сія необыкновенная способность къ знаніямъ, совершенно между собою различнымъ, должны быть наблюдаемы въ цѣлости и совокупности всѣхъ силъ душевныхъ, сколь обширныхъ и блистательныхъ; въ ихъ дѣйствіяхъ общественныхъ; всему сословію просвѣщенныхъ мужей, каково сословіе Академиковъ, прилично воздать послѣднюю почесть памяти того, чье вліяніе на свою страну и на всю Европу было столь велико, что его гробница, поставленная между гробницами Шиллера и Гердера, составляетъ цѣлую эпоху, цѣлое столѣтіе. Вѣнецъ Наукъ сплетается славою всѣхъ талантовъ; высочайшее ихъ торжество состоитъ въ изгнаніи изъ своей области частностей, всякой личности, всякаго пристрастія. Міръ умственный, подобно Елисейскимъ полямъ Древнихъ, долженъ отдѣляться отъ міра дѣйствительнаго рѣкою забвенія.—

С. ИСТОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

5. О СОВРЕМЕННОМЪ НАПРАВЛЕНІИ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

Рѣчь Профессора Надеждина, произнесенная въ торжественномъ собраніи Университета, 1833 Іюля 6.

— Наша человѣческая природа въ своей сущности едина и неизмѣнна. Ея бытіе подлежитъ непреложнымъ законамъ, предначертаннымъ вѣчною мудростію, изъ нѣдръ коей она произникла. Посему всѣ ея дѣйствія должны имѣть постоянно одну цѣль, одно направленіе. Но, по необходимому условію жизни, сіе непреложное единство сущности выражается безконечнымъ разнообразіемъ явленій, порождаемымъ различными способами достиженія одной и той же цѣли, различными, такъ сказать, волненіями одного и того же направленія. Такъ происходитъ исторія человѣчества, которая есть не что иное, какъ безпрестанное движеніе, непрерывный рядъ измѣненій! Говоря строго, родъ человѣческій измѣняется ежедневно, ежеми-

нутно; но сіи измѣненія такъ тонки и непримѣтны, что рѣшительные перевороты въ его жизни производятся тысячелѣтіями. Отсюда происхожденіе періодовъ, на которые исторія человѣчества дѣлится не одною прихотію систематиковъ. Каждый изъ нихъ отличается особеннымъ достиженіемъ одной главной цѣли, особеннымъ видоизмѣненіемъ одного основнаго направленія, предначертаннаго природѣ человѣческой непреложными уставами бытія.

Сей общій законъ, коему подчиняется развитіе всей нашей жизни, имѣетъ полное приложеніе къ Изящнымъ искусствамъ. Нѣтъ нужды доказывать, что у нихъ также одна главная цѣль, одно общее направленіе, никогда въ сущности неизмѣняемое. Сіе направленіе состоитъ въ самоуслажденіи жизни, свободно играющей своею роскошною полнотою. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ Изящныя искусства были выраженіями сей свободной игры, составляющей психологическое ихъ начало: и отсюда происходитъ то общее сродство, по которому безчисленныя ихъ произведенія, отдѣленныя другъ отъ друга широкими разстояніями пространствъ и вѣковъ, представляютъ собой одинъ стройный міръ, одно великолѣпное цѣлое. Но сіе ос-

новное единство сущности не препятствуетъ имъ отпечатлѣвать на себѣ различныя частныя измѣненія, коимъ подвергается родъ человѣческій. Скажу болѣе: всѣ характеристическія примѣты, коими отличаются другъ отъ друга періоды человѣческой исторіи, въ изящныхъ искусствахъ обозначаются съ особенною яркостію. Подобно какъ въ жизни каждаго изъ насъ, перемѣны производимыя естественною послѣдовательностію возрастовъ, невинность младенчества и кипѣніе юности, страсти мужества и покой старости, выпечатываются преимущественно въ чертахъ лица, которое посему называется зеркаломъ человѣка: точно такъ постепенное развитіе общей жизни рода человѣческаго преимущественно выражается въ художественныхъ созданіяхъ генія, который можно назвать зеркаломъ человѣчества. По нимъ, какъ по живому барометру, легко угадывать и опредѣлять современный характеръ каждой эпохи: ибо въ нихъ, какъ въ свободныхъ, безприпворныхъ изліяніяхъ играющей жизни, ненамѣренно и безсознательно изрекаетъ себя господствующій духъ страны и вѣка, прежде чѣмъ сомкнется въ полную философическую систему или разовьется въ стройныхъ политическихъ движеніяхъ. Посему въ исторіи изящ-

ныхъ искусствъ различные періоды человѣческой жизни отпечатлѣваются едвали не явственнѣе и ощутительнѣе, чѣмъ въ лѣтописяхъ ума и въ бытописаніяхъ воли. И само собою разумѣется, что, въ каждомъ изъ нихъ, должно господствовать особенное характеристическое направленіе изящной творческой дѣятельности, которое цѣмъ важнѣе для изученія, что въ немъ сокращенно выражается общее направленіе современнаго просвѣщенія, общій духъ современной жизни!

Исторія изящныхъ искусствъ начинается вмѣстѣ съ исторіей рода человѣческаго. Конечно, по буквальному, грамматическому знаменованію, имя искусствъ предполагаетъ умѣніе, навыкъ, и слѣдовательно извѣстную степень образованности: посему происхожденіе ихъ должнобъ было относиться ко временамъ позднѣйшимъ. Но по злоупотребленію, вынуждаемому крайностію языка, въ условномъ, техническомъ смыслѣ, именемъ изящныхъ искусствъ означаются всѣ человѣческія дѣйствія, ознаменованныя печатію творчества, для отличенія ихъ отъ явленій собственно естественныхъ, производимыхъ одними силами природы, безъ всякаго человѣческаго участія: и что сіе имя не точно, что понятія объ умѣніи и навыкѣ, обыкновенно съ

нимъ сопрягаемыя, несущественны, даже часто несовмѣстны съ характеромъ разумѣемыхъ подъ нимъ явленій, сіе убѣдительно доказывается тѣмъ, что высочайшее совершенство произведеній, неоспоримо относящихся къ кругу изящныхъ искусствъ, состоитъ не рѣдко въ ихъ высочайшей безыскусственности. Такимъ образомъ, распространяя имя сіе на всякое проявленіе творческой дѣятельности, на всякое выраженіе играющей жизни, мы имѣемъ полное право повторить, что исторія изящныхъ искусствъ современна исторіи человѣческаго рода. Такъ! Человѣкъ раждается творцемъ, художникомъ: искусство составляетъ природу человѣка! Ибо въ немъ проявляется высочайшая игра жизни, одушевляющей вселенную: самъ онъ есть художественнѣйшее произведеніе всемощнаго, всезиждительнаго творчества, воззвавшаго изъ ничтожества всю неистощимую пучину бытія! Отсюда, на самыхъ низшихъ степеняхъ развитія своей жизни, даже въ дѣйствіяхъ, совершающихся подъ вліяніемъ слѣпаго, непроизвольнаго инстинкта, онъ показываетъ предрасположеніе къ эстетическому дѣйствованію, зародышъ и предображеніе искусства. Посмотрите на младенца! Едва успѣетъ онъ утвердиться въ новомъ,

безвѣстномъ ему мірѣ, едва нѣсколько привыкнетъ къ его чуждой, непріязненной атмосферѣ, какъ первая искра человѣческой самобытности выражается въ немъ прекрасною улыбкою: и сія улыбка, первый проблескъ безсознательнаго самоуслажденія возникающей жизни, есть прелюдія той свободной, гармонической игры силъ, которая составляетъ начало изящнаго творчества! Вся цвѣточная цѣпь дѣтскихъ невинныхъ забавъ, украшающая первый счастливый возрастъ нашего бытія, выражаетъ собою развитіе того-же естественнаго влеченія наслаждаться и играть жизнію, того-же внутренней потребности эстетическаго дѣйствованія. Въ затѣйливомъ устройствѣ карточнаго домика, въ рѣзвомъ преслѣдованіи порхающаго мотылька, въ живомъ, простосердечномъ лепетѣ съ куклою, дитя обнаруживаетъ порывы того-жъ самаго творческаго стремленія и могущества, которое, укрѣпившись съ лѣтами, пересоздаетъ вселенную, уловляя сокровенный ея смыслъ, разглагольствуя съ внутреннимъ ея духомъ. И еслибы, въ сіе блаженное время, доставало у насъ силъ для выраженія сей роскошной полноты играющей жизни, въ стройныхъ, истинно изящныхъ образахъ, то младенчество наше было бы золотымъ вѣкомъ

искусствъ, идеаломъ эстетическаго образованія! Но частная наша жизнь есть миніатюрное представленіе общей жизни всего человѣчества: здѣсь совершается тоже, что тамъ, только въ болѣе огромныхъ размѣрахъ. Посему младенчество человѣческаго рода, продолжающееся для многихъ семействъ его понынѣ, въ своей грубой необразованности обнаруживаетъ начатки творческаго дѣйствованія, сопровождается предображеніями изящныхъ искусствъ. Дикарь, сущій младенецъ человѣчества, еще не созрѣвшій ни для умственной ни для нравственной дѣятельности, не успѣвшій выработать въ себѣ ни стройныхъ идей ни опредѣленныхъ цѣлей, дикарь, управляемый одними животными побужденіями инстинкта, уже любитъ роскошествовать своею жизнію. По одолѣніи гнетущихъ физическихъ нуждъ, съ коими онъ долженъ ратовать, всякой избытокъ силъ, остающійся, послѣ сей упорной, изнурительной борьбы, въ самовластномъ его распоряженіи, расточается имъ въ игрѣ, часто дикой и неистовой, но тѣмъ не менѣе проображающей въ себѣ свободу и могущество творческаго одушевленія. Во глубинѣ дремучихъ Американскихъ лѣсовъ, свирѣпый Ирокезъ, содравъ черепъ съ замученнаго непріятеля, празднуетъ свое торжество пѣс-

нями и пляскою: досугъ Бедуина, скрывающагося отъ знойныхъ лучей Аравійскаго солнца подъ наметомъ пустыннаго шатра, услаждается мечтательною негою въ безконечномъ лабиринтѣ восточной сказки: угрюмый Финнъ оплёваетъ медвѣдя, падшаго подъ его рогатиной, заунывною мелодіей: лѣнивый Остякъ выползаетъ изъ своей подснѣжной норы, любоваться кривляньемъ бѣснующагося Шамана. Это грубое, хаотическое броженіе творческаго инстинкта! Потребность украшать свои жилища, одежду, всѣ домашнія утвари и орудія, потребность, обнаруживающаяся въ самыхъ дикихъ и необразованныхъ народахъ, имѣетъ тоже происхожденіе. Взгляните на самый низшій слой человѣчества, разметанный по обрывкамъ Южнаго Архипелага! Эта прихотливая мода расписываться яркими красками, убираться въ разноцвѣтныя перья, накалываться затѣйливыми узорами, мода сообщающая у грубыхъ островитянъ, едва отличающихся отъ безсловесныхъ животныхъ, не показываетъ ли въ нихъ пробужденія инстинктуальной потребности изящнаго, начатковъ творческой эстетической дѣятельности? И не думайте, чтобы сіи выраженія слѣпаго, непроизвольнаго влеченія, относились къ кругу эстетическихъ дѣйствій

только по происхожденію! Весьма не рѣдко онѣ бываютъ проникнуты истиннымъ изяществомъ, коего прелесть ощущается во всѣ времена самымъ образованнѣйшимъ чувствомъ! Потеряютъ ли когда свое волшебное очарованіе народныя пѣсни, народныя пляски, народныя басни и преданія, завѣщанныя намъ младенческими досугами первобытныхъ, необразованныхъ народовъ? Но, не смотря на то, должно согласишься, что сіи непроизвольныя выраженія безсознательной игры силъ относятся собственно къ поэзіи природы, а не къ искусству человѣческому. Онѣ равнозначительны съ гармонической пѣснію соловья, съ затѣйливой архитектурой пчелы, даже съ роскошнымъ весеннимъ убранствомъ сельнаго крина! Собственно человѣческая дѣятельность начинается съ разсвѣтомъ мышленія, съ развитіемъ и укрѣпленіемъ общественнаго порядка. Гдѣ свободная игра жизни просвѣтлена идеею, покорена цѣли, тамъ раждается истинное творческое одушевленіе, тамъ возникаютъ собственно изящныя искусства!

Всѣ безчисленныя семейства рода человѣческаго имѣютъ свое относительное младенчество, коимъ начинаются ихъ частныя біографіи: но въ развитіи общей жизни человѣческаго рода, по непреложнымъ уставамъ

бытія, существовалъ періодъ общаго младенчества для всего человѣческаго рода, коимъ открывается всемірная исторія. Въ сей періодъ, соприкасающійся съ безбрежною пучиною вѣчности, народы, бывшіе представителями всемірной жизни, возникали, цвѣли и созрѣвали, не переставая быть младенцами. Таинственный рай востока былъ ихъ колыбелью. Здѣсь, подъ роскошнымъ тропическимъ небомъ, среди весны никогда неувядающей, сіи избранные первенцы міра, свободные отъ изнурительныхъ физическихъ нуждъ, ласкаемые благодатною природою, праздновали весело прекрасное утро жизни. Посему ихъ вѣчноюное младенчество не исключало усовершимости, образованія: оно возвышалось до пробужденія ума и воли, допускало мерцаніе идей и цѣлей, только подъ рѣшительнымъ преобладаніемъ чувства, составляющаго первоначальную стихію жизни. Отсюда естественно долженъ былъ произойти особый характеръ, выражавшійся во всѣхъ событіяхъ, наполняющихъ сей великій прологъ всемірной исторіи. То былъ періодъ совокупнаго, нераздѣльнаго кипѣнія всѣхъ элементовъ, изъ коихъ слагается цѣлость нашей человѣческой природы! Тогда все поглощалось чувствомъ: и потому все было одушевленіе, восторгъ, ре-

лигія! Мысль жила видѣніями, вѣрою: воля управлялась вдохновеніями, энтузіазмомъ! Разверните лѣтописи первобытныхъ племенъ востока! Вы увидите, что онѣ наполнены пророчествами и чудесами. По безбрежному раздолью девственнаго міра, перелетными роями носились народы, повинуясь своенравнымъ велѣніямъ оракуловъ или необузданной отвагѣ вождей-завоевателей. Полюбя землю, на которой подружались ихъ странническіе шатры, они привязывались къ ней страстною, дѣтскою любовію: и тогда шатры сіи, укореняясь, разрастались въ обширные, могущественные города; патріархальный жезлъ предводительствующихъ старѣйшинъ украшался величіемъ царскаго скипетра; братскій союзъ скитающихся племенъ укрѣплялся въ единство государственнаго устройства: тогда устанавливалась гражданственность, начиналось просвѣщеніе! Но сія гражданственность кристаллизовалась въ очарованныхъ іерархическихъ формахъ; сіе просвѣщеніе обвивалось мрачными оеургическими таинствами или разцвѣчалось пестрыми фантастическими мечтами. Общій современный характеръ жизни оставался вездѣ неизмѣннымъ. Само собою разумѣется, что изящная творческая дѣятельность, обнаруживающаяся даже въ грубыхъ,

живописныхъ движеніяхъ дикарей, не могла не признать участія въ сихъ, хотя недокончанныхъ и безуспѣшныхъ, но тѣмъ не менѣе живыхъ и пламенныхъ порывахъ къ совершенству: посему періодъ всемірнаго младенчества ознаменованъ безчисленными памятниками искусствъ, кои, переживъ тысячелѣтія, устилаютъ понынѣ своими величественными костями колыбель первобытной жизни, отъ хребтовъ Иммауса до песковъ Ливіи. И сіи безчисленные памятники, не смотря на ихъ видимое разнообразіе, выражали въ себѣ одно господствующее направленіе, сообразное съ духомъ возраста, ихъ породившаго! За чѣмъ не имѣю я волшебнаго могущества совокупить, въ одной всеобъемлющей картинѣ, весь великолѣпный міръ развалинъ, коими покрыты священные брега Гангеса и Нила, роскошныя долины Месопотаміи, суровыя скалы Тавра? За чѣмъ немогу сосредоточить, въ одномъ всевыражающемъ звукѣ, все неисповѣдимое богатство поэзіи, разсыпанное въ исполинскихъ видѣніяхъ Браминовъ, въ прозрачныхъ иносказаніяхъ Маговъ, въ мрачныхъ таинствахъ Египетскихъ жрецовъ? Тогда, ММ. ГГ., вы бы сами ясно увидѣли, что изящная творческая дѣятельность, во времена первобытнаго

младенчества, отличалась стремлением къ безусловному, неограниченному проявлению своей внутренней полноты, въ ея нераздѣльной, всеобъемлющей цѣлости! Отсюда понятно, почему памятники изящныхъ искусствъ, завѣщанные намъ представителями всемірнаго младенчества, ознаменованы исполинскимъ величіемъ, переходящимъ иногда въ дикую, безобразную чудовищность. Въ первомъ упоеніи самочувствія, пробужденная жизнь, не успѣвъ еще измѣрить своей кипящей полноты хладнокровною опытностію, младенчески изумлялась ея необъятной безпредѣльности. Дабы выразить ее вполнѣ, обыкновенные естественные размѣры казались ей слишкомъ мелкими, ничтожными: и потому она смѣло раздвигала ихъ, до тѣхъ поръ пока доставало у ней могущества! Не даромъ преданія всѣхъ народовъ населяютъ первыя времена міра исполинами, посмѣвающимися законамъ природы: смыслъ глубокій заключаетъ въ себѣ древній миѳъ о Титанахъ, первенцахъ Земли, громоздившихъ горы на горы, для овладѣнія недоступными высотами Олимпа. Это выразительный символъ генія первобытныхъ младенческихъ временъ, истощавшагося въ чрезмѣрныхъ, необычайныхъ напряженіяхъ! По

свидѣтельству священнаго преданія, первымъ опытомъ человѣческаго искусства было зданіе столпа, долженствовавшаго возвышаться до облаковъ а). Сіе безразсудное начинаніе, конечно, не могло совершиться: но оно представляло собою нить современной художественной дѣятельности. Всю исторію первобытныхъ искусствъ можно назвать продолженіемъ столпотворенія. Загляните въ мрачную глубь подземныхъ святилищъ, изсѣченныхъ въ гранитныхъ нѣдрахъ Эллоре б):

а) *Быт. II.* 4. Между развалинами Вавилона существуютъ доселѣ остатки огромнаго зданія, называемыя Арабами *Бирс-Нимродъ*, что можно перевести *Градъ Нимвродовъ*. Сіи остатки сохраняютъ еще пирамидальную форму башни, (*столпа*), коей основаніе, по свидѣтельству Г. Рича, бывшаго Велико-Британскаго Резидента въ Багдадѣ, простирается до 2,286 футовъ въ окружности. Башня сія была построена изъ кирпичей, связанныхъ между собою столь крѣпкимъ цементомъ, что никакими усиліями не льзя разбить ихъ. Обрушившіеся обломки носятъ на себѣ признаки огня, вѣроятно небеснаго, коими онѣ ниспровергнуты. См. *Nieburhs Reise*, II. S. 290. *Rich* Memoir, p. 36. *Sir Ker Porter* Travels, p. 387.

б) Амфитеатръ гранитныхъ скалъ, въ коихъ высѣчены подземные храмы для всѣхъ Индійскихъ божествъ, въ преждебывшихъ владѣніяхъ Маратшской княжеской династіи Голькаровъ, подъ 20° с. ш. и 94° в. д. Мѣсто сіе можно

побывайте на дикой скалѣ Мавалипурама в), изваянной въ чудный, великолѣпный градъ: посѣтите гиганскія громады Пирамидъ, сопряженныя съ горами: измѣрьте колоссальныя террассы, повѣшенныя на столпахъ Чиль-Минара г): вотъ остатки первобытнаго зодчества!

назвать пантеономъ Индіи. Величина подземныхъ святилищъ простирается до 100 Ф. въ вышину, 145 Ф. въ длину и 62 Ф. въ ширину. Онѣ имѣютъ форму подковы, коей Индійская мифологія даетъ символическое религіозное значеніе.

в) Птоломеева *Маліарфа?* Развалины, извѣстныя подъ именемъ *Семи Пагодъ*, на Коромандельскомъ берегу, подъ $12\frac{1}{2}^{o}$ с. ш., на день пути отъ Мадраса, къ югу. Состоятъ изъ многихъ огромныхъ зданій, высѣченныхъ изъ живаго камня. Описаны Кампбелемъ (As. Res. l. I. p. 145), Гольдингамомъ (Ib. l. V. p. 69), Гафнеромъ (Reise längst der Küste von Coromandel, Th. II. S. 192.)

г) Имя главныхъ развалинъ Персеполя, означающее *сорокъ* (т. е. множество) *столбовъ*. Развалины сіи вѣроятно принадлежали царскимъ палатамъ. Онѣ состоятъ доселѣ изъ трехъ огромныхъ террассъ, примыкающихся къ амфитеатру горы, въ видѣ полумѣсяца. Построены изъ мрамора, коего глыбы, изумляющія своею огромностію, не связаны никакимъ цементомъ. Лѣстницы, ведущія съ террассы на террассу, такъ широки, что десять всадниковъ въ рядъ могутъ по нимъ проѣхать. *Porter's* Travels, I. p. 582.

Вы слыхали объ исполинскомъ кумирѣ Джагернаута д), подъ колесницею коего суевѣріе Индусовъ обрекаетъ себя на вольную гибель: вамъ извѣстны преданія о таинственномъ колоссѣ Мемнона е), коего онѣмѣвшіе обломки возвышаются доселѣ, среди Ѳивскихъ руинъ, гранитными глыбами: присовокупите гигантскія изваянія дивныхъ чудовищъ ж),

---

д) *Джагернаутъ*, *Джагернатъ*, или правильнѣе *Джагатната* (Владыка Міра), прозваніе Вишну, коимъ также называется одна изъ знаменитѣйшихъ пагодъ Индустана, въ округѣ Куттакъ, на Орисскомъ берегу, гдѣ сохраняется колоссальное изваяніе Вишну, отличающееся своею огромностію и чудовищностію. Извѣстна процессія, когда сіе изваяніе влечется въ тяжелой, подвижной башнѣ, подъ которую суевѣрные Индійцы бросаются, чтобъ быть раздавленными.

е) Обломки Мемнонова кумира, издававшаго нѣкогда пророческіе звуки, судя по надписямъ, оставшимся на піедесталѣ, лежатъ доселѣ, въ развалинахъ Ѳивъ, на такъ называемомъ *Полѣ Колоссовъ*, подъ именемъ *Хамы*. Кумиръ сей имѣлъ 48 ф. въ вышину. Въ руинахъ *Гробницы Озимандіевой*, которая обыкновенно считалась древнимъ *Мемноніономъ*, находятся обломки гораздо большаго колосса, коего одинъ указательный палецъ имѣетъ 4 ф. въ длину. Descript. de l' Egypt. I.

ж) Грифы, единороги и другія фантастическія животныя (Ктезіевы *Мартихорасы?*), съ человѣческимъ лицемъ, конскими ногами и

въ продолженіе тысячелѣтій стерегущихъ священныя развалины Пасаргады: вотъ пластическіе памятники временъ первобытныхъ! Говоришь ли объ ихъ поэзіи; о сей хаотической безднѣ восторговъ необузданныхъ, видѣній неизмѣримыхъ, образовъ безграничныхъ? Разверните исполинскія сказанія Віасы и Вальмики з), проникните въ лирическій эпосъ Зенд-Авесты, воспѣвающій торжество свѣта надъ тьмою, переберите древнія теогоніи, вслушайтесь въ литургическія пѣснопѣнія мистагоговъ! Сіи многоразличныя проявленія первобытнаго генія не всѣ ли ознаменованы печатію безмѣрнаго, изумительнаго величія? Въ нихъ могущество творящаго духа какъ будто вступаетъ въ бой съ безпредѣльностію природы, усиливаясь наполнить ее собою. Онѣ выходятъ изъ обыкновенныхъ границъ человѣческихъ дѣйствій. И потому изумленное потомство пріучилось видѣть въ нихъ участіе высшей, неземной силы. Ихъ созданіе приписывается исполинамъ и волшебникамъ, даже безплот-

---

крыльями, всѣ колоссальной величины. Описаны Нибуромъ (II. p. 26) и Норперомъ (I. p. 587).

з) Древніе Индійскіе поэты: Віаса творецъ Магабараты, Вальмики творецъ Рамаяны.

нымъ духамъ и божествамъ. Имена Висвакармы а), Тауша б), Ифеста в), съ коими соединяется происхожденіе искусствъ, окружены божественнымъ сіяніемъ. Тѣ художники, коихъ человѣчество запечатлѣно свидѣтельствомъ исторіи, по крайней мѣрѣ возвышены на миѳологическіе піедесталы, возведены въ званіе пророковъ и чудотворцевъ, близкихъ друзей и наперсниковъ божіихъ! Но сіе необычайное разширеніе генія, за предѣлы полагаемые природою, безъ сомнѣнія должно было истощать и подавлять само себя. Расточая необузданно свою безграничную полноту, оно не могло сообщать произведеніямъ своимъ того гармоническаго устройства, той архитектонической правильности, того изящнаго благолѣпія, изъ коихъ

а) Миѳическое имя художника, коему приписывается созданіе Эллорскихъ памятниковъ. Онъ сопричисляется самъ къ лику Индійскихъ боговъ.

б) Иначе *Тотъ*, *Теутъ* и *Тойтъ*, переименованный Греками въ *Ермія Трисмегиста*, по вѣрованію Египтянъ, божественный изобрѣтатель наукъ и искусствъ.

в) Въ древней Еллинской миѳологіи обоготворенный символъ всякаго художественнаго труда. Его бракъ съ Аѳродитою, богинею красоты, означаетъ соединеніе механической работы съ эстетическою прелестію въ изящныхъ искусствахъ.

слагается эстетическое совершенство. Художественныя произведенія первобытныхъ временъ, въ своемъ колоссальномъ величіи, были безобразны, уродливы, чудовищны. Жизнь, пролитая въ нихъ, не покорялась естественнымъ пропорціямъ, выражалась насильственнымъ смѣшеніемъ разнородныхъ формъ, отвратительными гримасами искаженной физіономіи, даже часто мертвымъ однообразіемъ совершеннаго безличія. Первобытное зодчество проявлялось колоссальными громадами, безъ образа и лица, прокапывая нѣдра горъ мрачными вертепами или врѣзываясь въ облака безформными шпицами обелисковъ и пирамидъ: первобытная пластика изсѣкала безобразныя чудовища или воздвигала колоссальные штрупы, безъ движенія, безъ физіономіи, безъ жизни: первобытная поэзія раздавалась глухимъ ропотомъ дикой гармоніи, подобно тяжелымъ ударамъ Циклоповъ. И пока продолжалась дѣтская простота человѣчества, сіе безобразіе внѣшнихъ формъ поглощалось религіознымъ благоговѣніемъ. Но съ охлажденіемъ младенческаго энтузіазма, геній первобытныхъ временъ созналъ противуестественную чрезмѣрность своихъ усилій: разочарованный, изнуренный, разслабленный, онъ отрекся отъ своихъ безуспѣшныхъ замысловъ,

воздремалъ и опочилъ непробуднымъ сномъ на своихъ исполинскихъ созданіяхъ. И, какъ бы въ отмщеніе за его прежнюю возмутительную дерзость, природа съ неумолимою яростію опрокинулась на сіи трупы, оставленные духомъ жизни, предала ихъ въ добычу разрушительнымъ стихіямъ, запекала погребальною пеленою мховъ и кустарниковъ, обрекла въ покоище дикимъ звѣрямъ и смертоноснымъ гадамъ. Въ продолженіе тысячелѣтій, она безжалостно гложетъ величественныя ихъ кости: и никакая сила не воздвигнетъ ихъ! Весна жизни не бываетъ дважды: она прошла — и не возвратится! Теперь, на развалинахъ первобытнаго младенчества, одряхлѣвшее потомство питается слабыми воспоминаніями минувшаго величія. Оно живетъ мелкими блестками прежняго безпредѣльнаго энтузіазма, забавляясь воздушными очерками минаретовъ, живописными куполами мечетей, затѣйливой пестрою арабесковъ, радужными призраками Тысяча-Одной-Ночи! . . .

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

III. КРИТИКА.

МЕХАНИКА.

6. ОПЫТЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА АНАЛИТИЧЕСКУЮ МЕХАНИКУ ЛАГРАНЖА (*).

(Сост. Профессоромъ Перевощиковымъ).

Вступающіе на безконечное поприще Математики и наукъ Физико-Математическихъ, по окончаніи курсовъ Университетскихъ, могутъ достигнуть желаемой цѣли — усовершенствованія приобрѣтенныхъ знаній — единственно посредствомъ прилѣжнаго чтенія писателей *оригинальныхъ*: ибо опытъ научаетъ, что наилучшія компиляціи, издаваемыя подъ именемъ *курсовъ Математики* и *Механики*, полезны только для руководства въ срочныхъ преподаваніяхъ, когда надобно предложишь одни *основанія* науки и показашь связь ея частей безъ подробностей, которыя обременяютъ слушателей потому, что они не имѣютъ времени *усвоить* оныя; подробности же просто заученныя и несоображенныя съ *основаніями* не уясняютъ, а запутываютъ понятія: учащійся бываетъ окруженъ туманомъ, который

(*) Mécanique analytique, Par J. L. Lagrange, etc. Том. I и II. Парижъ, 1811 и 1815 г.

можетъ быть разсѣянъ только свободнымъ и безсрочнымъ размышленіемъ. Сверхъ того разнообразіе предметовъ преподаванія весьма часто препятствуетъ приобрѣтенію навыка въ вычисленіяхъ; посему начинающіе чтеніе упомянутыхъ писателей должны бороться и съ трудностями вычисленій и съ трудностями предмета: надобно имѣть рѣдкую любовь къ наукѣ и рѣдкое терпѣніе, чтобъ не оставить ее совершенно. По симъ причинамъ думаю, что объясненія оригинальнаго писателя, извлеченныя изъ его же собственныхъ сочиненій будутъ весьма полезны для желающихъ разширить тѣсный кругъ преподаванія: нѣтъ сомнѣнія, что помощію сихъ объясненій будетъ сбережено ихъ время и много облегчатся труды. Изъ оригинальныхъ сочиненій избираю безсмертное твореніе *Лагранжа*: **АНАЛИТИЧЕСКУЮ МЕХАНИКУ**; книга сія есть ключь къ наукамъ Физико-Математическимъ, и потому необходимо, чтобъ она сдѣлалась книгою общеупотребительною; необходимо уничтожить предразсудокъ: *Механика Лагранжа доступна только для избранныхъ*. Объясненія свои начинаю изложеніемъ главныхъ теоремъ *Варіяціоннаго изчисленія*, предполагая читателей достаточно знакомыхъ съ первоначальными правилами дифференцированія и интегрированія.

I. *Главныя теоремы Варіяціоннаго изчисленія.*

1. Дифференціалы функцій, взимаемые съ особенною цѣлью, по сущности вопроса и независимо отъ другихъ дифференціаловъ,

содержащихся уже въ функціи, или могущихъ послѣ взойти въ нее, называются *варіаціями* (Анал. Мех. Т. I, стр. 80) (*). Посему въ исчисленіи варіаціонномъ всѣ главныя правила дифференцированія удерживаютъ свою силу вполнѣ; знакъ что, принявъ букву δ знакомъ варіаціи, будемъ имѣть

$$\delta(u+v-z+\ldots) = \delta u + \delta v - \delta z + \ldots,$$

$$\delta(u.v) = u\delta v + v\delta u,$$

$$\delta\frac{u}{v} = \frac{v\delta u - u\delta v}{v^2}.$$

и пр.

Также, если $v = f(x, y, z \ldots)$; то

$$\delta v = \frac{\partial v}{\partial x}\delta x + \frac{\partial v}{\partial y}\delta y + \frac{\partial v}{\partial z}\delta z + \ldots.$$

Вмѣсто $\frac{\partial v}{\partial x}, \frac{\partial v}{\partial y}, \ldots$ имѣть надобности употреблять $\frac{\delta v}{\delta x}, \frac{\delta v}{\delta y}$, потому что и другія отношенія не зависятъ отъ приращеній, получаемыхъ перемѣнными функціи. (Ан. Мех. Т. I, стр. 88).

(*) Названіе сіе введено *Эйлеромъ*, и потомъ принято самимъ *Лагранжемъ*, изобрѣтателемъ методы варіацій.

2. Поелику дифференцированія по знакамъ δ и ∂ не имѣютъ между собою никакой связи; слѣд. порядокъ дифференцированія можно измѣнять произвольно (Ан. Мех. Т. I., стир. 84); такъ что

$$\partial\delta x = \delta\partial x, \quad \delta\partial^n x = \partial^n \delta x.$$

Хотя сіе главное правило Варіяціоннаго исчисленія упомянутою причиною объясняется удовлетворительно; однако оно можетъ быть доказано весьма строго слѣдующимъ образомъ: ежели въ выраженіи $x + \partial x$ перемѣнное x получитъ приращеніе δx; то сіе выраженіе перемѣнится или въ $x + \partial x + \delta(x + \partial x)$, или въ $x + \delta x + \partial(x + \delta x)$; слѣд.

$$x + \partial x + \delta x + \delta\partial x = x + \delta x + \partial x + \partial\delta x,$$

изъ чего и видно, что

$$\delta\partial x = \partial\delta x.$$

3. Доказанное правило справедливо и для функцій.

Во первыхъ, пусть будетъ

$$y = f(x);$$

дифференціалъ и варіяція сей функціи суть

$$\partial y = \frac{\partial y}{\partial x}\partial x, \quad \delta y = \frac{\partial y}{\partial x}\delta x.$$

Послѣ сего, взявъ варіяцію отъ перваго уравненія, и дифференціалъ отъ втораго, получимъ

$$\delta\partial y = \frac{\partial y}{\partial x}\delta\partial x + \partial x\delta\frac{\partial y}{\partial x} = \frac{\partial y}{\partial x}\delta\partial x + \frac{\partial^2 y}{(\partial x)^2}\partial x\delta x,$$

и

$$\partial\delta y = \frac{\partial y}{\partial x}\partial\delta x + \delta x\partial\frac{\partial y}{\partial x} = \frac{\partial y}{\partial x}\delta\partial x + \frac{\partial^2 y}{(\partial x)^2}\delta x\partial x;$$

слѣд.

$$\delta\partial y = \partial\delta y.$$

Вовторыхъ положимъ, что

$$v = f(x, \partial x, \partial^2 x, \ldots y, \partial y, \partial^2 y, \ldots),$$

или, для крашкости,

$$v = f(x, x_1, x_2, \ldots y, y_1, y_2 \ldots),$$

и возьмемъ дифференціалъ и варіяцію сей функціи;

$$\partial v = \frac{\partial v}{\partial x}\partial x + \frac{\partial v}{\partial x_1}\partial x_1 + \frac{\partial v}{\partial x_2}\partial x_2 + \ldots$$
$$+ \frac{\partial v}{\partial y}\partial y + \frac{\partial v}{\partial y_1}\partial y_1 + \frac{\partial v}{\partial y_2}\partial y_2 + \ldots,$$

и

$$\delta v = \frac{\partial v}{\partial x}\delta x + \frac{\partial v}{\partial x_1}\delta x_1 + \frac{\partial v}{\partial x_2}\delta x_2 + \ldots$$
$$+ \frac{\partial v}{\partial y}\delta y + \frac{\partial v}{\partial y_1}\delta y_1 + \frac{\partial v}{\partial y_2}\delta y_2 + \ldots$$

но варіяція перваго изъ сихъ выраженій есть

$$\delta\partial v = \frac{\partial v}{\partial x}\delta\partial x + \partial x\left[\frac{\partial^2 v}{(\partial x)^2}\delta x + \frac{\partial^2 v}{\partial x\partial x_1}\delta x_1 + \frac{\partial^2 v}{\partial x\partial x_2}\delta x_2 + \ldots\right]$$

$$+\frac{\partial v}{\partial x_1}\delta\partial x_1+\partial x_1\left[\frac{\partial^2 v}{(\partial x_1)^2}\delta x_1+\frac{\partial^2 v}{\partial x_1\partial x}\delta x+\frac{\partial^2 v}{\partial x_1\partial x_2}\delta x_2+\cdots\right]$$

$$+\cdots\cdots$$

$$+\frac{\partial v}{\partial y}\delta\partial y+\partial y\left[\frac{\partial^2 v}{(\partial y)^2}\delta y+\frac{\partial^2 v}{\partial y\partial y_1}\delta y_1+\frac{\partial^2 v}{\partial y\partial y_2}\delta y_2+\cdots\right];$$

$$+\cdots\cdots;$$

дифференціалъ же отъ варіяціи δv будетъ

$$\partial\delta v=\frac{\partial v}{\partial x}\partial\delta x+\delta x\left[\frac{\partial^2 v}{(\partial x)^2}\partial x+\frac{\partial^2 v}{\partial x\partial x_1}\partial x_1+\cdots\right]$$

$$+\frac{\partial v}{\partial x_1}\partial\delta x_1+\delta x_1\left[\frac{\partial^2 v}{(\partial x_1)^2}\partial x_1+\frac{\partial^2 v}{\partial x_1\partial x}\partial x+\cdots\right]$$

$$+\cdots\cdots$$

$$+\frac{\partial v}{\partial y}\partial\delta y+\delta y\left[\frac{\partial^2 v}{(\partial y)^2}\delta y+\frac{\partial^2 v}{\partial y\partial y_1}\delta y_1+\cdots\right];$$

$$+\cdots\cdots$$

Отсюда очевидно уже, что вообще

$$\delta\partial v=\partial\delta v.$$

4. Вторая главная теорема варіяціоннаго исчисленія состоитъ въ томъ, что можно перемѣнять порядокъ знаковъ δ и $\int$, изъ коихъ $\int$ представляетъ интегралъ относительно ∂x: причина сего правила заключается также въ независимости дифференцированія по δ и интегрированія относительно ∂x (Ан. Мех. Т. I, стр. 85). Впрочемъ и сія теорема можетъ быть выведена изъ самаго способа вычисленія: пусть будетъ

$\int(x, y, \ldots) = V$; дифференціалъ сего выраженія есть

$$\partial V = (x, y, \ldots),$$

и

$$\delta\partial V = \delta(x, y, \ldots) = \partial\delta V,$$

$$\int\delta(x, y, \ldots) = \delta V = \delta\int(x, y, \ldots).$$

5. Опредѣлимъ интегралъ отъ δv. — Поелику

$$\int\delta v = \int\left[\frac{\partial v}{\partial x}\delta x + \frac{\partial v}{\partial x_1}\delta x_1 + \frac{\partial v}{\partial x_2}\delta x_2 + \ldots\right]$$

$$+ \int\left[\frac{\partial v}{\partial y}\delta y + \frac{\partial v}{\partial y_1}\delta y_1 + \frac{\partial v}{\partial y_2}\delta y_2 + \ldots\right],$$

и по способу интегрированія по частямъ найдемъ

$$\int\frac{\partial v}{\partial x_1}\delta x_1 = \int\frac{\partial v}{\partial x_1}\delta\partial x = \int\frac{\partial v}{\partial x_1}\partial\delta x$$

$$= \frac{\partial v}{\partial x_1}\delta x - \int\partial\frac{\partial v}{\partial x_1}\delta x,$$

$$\int\frac{\partial v}{\partial x_2}\delta x_2 = \int\frac{\partial v}{\partial x_2}\partial^2\delta x$$

$$= \frac{\partial v}{\partial x_2}\partial\delta x - \int\partial\frac{\partial v}{\partial x_2}\partial\delta x,$$

$$\int\partial\frac{\partial v}{\partial x_2}\partial\delta x = \partial\frac{\partial v}{\partial x_2}\delta x - \int\partial^2\frac{\partial v}{\partial x_2}\delta x;$$

и пр.

Также

$$\int \frac{\partial v}{\partial y_1}\delta y_1 = \int \frac{\partial v}{\partial x_1}\partial\delta y = \frac{\partial v}{\partial y_1}\delta y - \int \partial \frac{\partial v}{\partial y_1}\delta y,$$

$$\int \frac{\partial v}{\partial y_2}\delta y_2 = \int \frac{\partial v}{\partial y_2}\partial^2\delta y = \frac{\partial v}{\partial y_2}\partial\delta y - \int \partial \frac{\partial v}{\partial y_2}\partial\delta y,$$

$$\int \partial \frac{\partial v}{\partial x_2}\partial\delta y = \partial \frac{\partial v}{\partial x_2}\delta y - \int \partial^2 \frac{\partial v}{\partial x_2}\delta y,$$

и пр.

Посему

$$\begin{aligned}
\int \delta v = &\left(\frac{\partial v}{\partial x_1} - \partial\frac{\partial v}{\partial x_2} + \partial^2\frac{\partial v}{\partial x_3} - \ldots\right)\delta x \\
&\ldots \\
&+ \left(\frac{\partial v}{\partial x_2} - \partial\frac{\partial v}{\partial x_3} + \ldots\right)\partial\delta x + \ldots \\
&+ \left(\frac{\partial v}{\partial y_1} - \partial\frac{\partial v}{\partial y_2} + \partial^2\frac{\partial v}{\partial y_3} - \ldots\right)\delta y \\
&+ \left(\frac{\partial v}{\partial y_2} - \partial\frac{\partial v}{\partial y_3} + \ldots\right)\partial\delta y + \ldots \\
&+ \int\left(\frac{\partial v}{\partial x} - \partial\frac{\partial v}{\partial x_1} + \partial^2\frac{\partial v}{\partial x_2} - \ldots\right)\delta x \\
&+ \int\left(\frac{\partial v}{\partial y} - \partial\frac{\partial v}{\partial y_1} + \partial^2\frac{\partial v}{\partial y_2} - \ldots\right)\delta y.
\end{aligned}$$

6. Предыдущую теорему *Лагранжъ* предлагаетъ въ другомъ видѣ (Ан. М. т. I, стр. 88): ежели

$$y' = \frac{\partial y}{\partial x},\ y'' = \frac{\partial^2 y}{(\partial x)^2},\ y''' = \frac{\partial^3 y}{(\partial x)^3},\ y^{IV} = \frac{\partial^4 y}{(\partial x)^4},\ \ldots$$

гдѣ ∂x принимается постояннымъ при дифференцированіи по знаку ∂; то

$$\partial y = y'\partial x,\ \partial^2 y = \partial x \partial y',\ \text{и}\ y'' = \frac{\partial y'}{\partial x};$$

$$\partial^2 y = y''(\partial x)^2,\ \partial^3 y = (\partial x)^2 \partial y'',\ \text{и}\ y''' = \frac{\partial y''}{\partial x};$$

$$\partial^3 y = y'''(\partial x)^3,\ \partial^4 y = (\partial x)^3 \partial y''',\ \text{и}\ y^{iv} = \frac{\partial y'''}{\partial x};$$

и т. д.

Попомъ, взявъ варіяцію, получимъ

$$\delta y' = \frac{\partial x \delta \partial y - \partial y \delta \partial x}{(\partial x)^2} = \frac{\delta \partial y}{\partial x} - \frac{\partial y}{\partial x} \cdot \frac{\delta \partial x}{\partial x}$$

$$= \frac{\partial \delta y - y' \partial \delta x}{\partial x};$$

а какъ

$$\frac{\partial(\delta y - y'\delta x)}{\partial x} = \frac{\partial \delta y - \partial y' \delta x - y' \partial \delta x}{\partial x}$$

$$= \frac{\partial \delta x - y' \partial \delta x}{\partial x} - \frac{\partial y'}{\partial x} \delta x$$

$$= \frac{\partial \delta x - y' \partial \delta x}{\partial x} - y'' \delta x;$$

то

$$\delta y' = \frac{\partial(\delta y - y'\delta x)}{\partial x} + y''\delta x.$$

Такимъ же образомъ найдется

$$\delta y'' = \delta\left(\frac{\partial y'}{\partial x}\right) = \frac{\partial x \delta \partial y' - \partial y' \delta \partial x}{(\partial x)^2} = \frac{\partial \delta y' - y' \partial \delta x}{\partial x}$$

$$= \frac{\partial(\delta y' - y''\delta x)}{\partial x} + \frac{\partial y''}{\partial x}\delta x = \frac{\partial(\delta y' - y''\delta x)}{\partial x} + y'''\delta x$$

$$= \frac{\partial\left[\frac{\partial(\delta y - y'\delta x)}{\partial x} + y''\delta x - y''\delta x\right]}{\partial x} + y'''\delta x$$

$$= \frac{\partial^2(\delta y - y'\delta x)}{(\partial x)^2} + y'''\delta x;$$

$$\delta y''' = \frac{\partial^2(\delta y - y'\delta x)}{(\partial x)^2} + y^{IV}\delta x;$$

и пр.

Чтобы сократить сіи выраженія, полагаемся

$$\delta y - y'\delta x = \delta u, \quad \delta y = \delta u + y'\delta x;$$

отъ чего выйдетъ

$$\delta y' = \frac{\partial \delta u}{\partial x} + y''\delta x,$$

$$\delta y'' = \frac{\partial^2 \delta u}{(\partial x)^2} + y'''\delta x,$$

$$\delta y''' = \frac{\partial^2 \delta u}{(\partial x)^3} + y^{IV}\delta x,$$

и пр.

Теперь, если

$$U = f(x, y, y', y'', y''', \ldots);$$

то

$$\delta U = \frac{\partial U}{\partial x}\delta x + \frac{\partial U}{\partial y}\delta y + \frac{\partial U}{\partial y'}\delta y' + \frac{\partial U}{\partial y''}\delta y'' + \ldots$$

По внесеніи сюда величинъ δy, $\delta y'$, ... найдется

$$\delta U = \frac{\partial U}{\partial x}\delta x + \left(\frac{\partial U}{\partial y}\delta u + \frac{\partial U}{\partial y}y'\delta x\right)$$
$$+ \left(\frac{\partial U}{\partial y'}\cdot\frac{\partial \delta u}{\partial x} + \frac{\partial U}{\partial y'}\cdot y''\delta x\right)$$
$$+ \left(\frac{\partial U}{\partial y''}\cdot\frac{\partial^2 \delta u}{(\partial x)^2} + \frac{\partial U}{\partial y''}\cdot y'''\delta x\right)$$
$$+ \ldots$$
$$= \left(\frac{\partial U}{\partial x} + \frac{\partial U}{\partial y}y' + \frac{\partial U}{\partial y'}y'' + \frac{\partial U}{\partial y''}y''' + \ldots\right)\delta x$$
$$+ \frac{\partial U}{\partial y}\delta u + \frac{\partial U}{\partial y'}\cdot\frac{\partial \delta u}{\partial x} + \frac{\partial U}{\partial y''}\cdot\frac{\partial^2 \delta u}{(\partial x)^2} + \frac{\partial U}{\partial y'''}\cdot\frac{\partial^3 \delta u}{(\partial x)^3} + \ldots$$

Притомъ

$$\partial U = \frac{\partial U}{\partial x}\partial x + \frac{\partial U}{\partial y}\partial y + \frac{\partial U}{\partial y'}\partial y' + \frac{\partial U}{\partial y''}\partial y'' + \ldots$$

и, по внесеніи величинъ ∂y, $\partial y'$ . . ., опредѣленныхъ въ началѣ сего члена,

$$\partial U = \frac{\partial U}{\partial x}\partial x + \frac{\partial U}{\partial y}y'\partial x + \frac{\partial U}{\partial y'}y''\partial x + \ldots$$
$$= \left(\frac{\partial U}{\partial x} + \frac{\partial U}{\partial y}y' + \frac{\partial U}{\partial y'}y'' + \frac{\partial U}{\partial y''}y''' + \ldots\right)\partial x,$$

или

$$\frac{1}{\partial x}\cdot\partial U = \frac{\partial U}{\partial x} + \frac{\partial U}{\partial y}y' + \frac{\partial U}{\partial y'}y'' + \ldots$$

Посему будетъ

$$\delta U = \frac{1}{\partial x} \cdot \partial U \delta x + \frac{\partial U}{\partial y} \delta u + \frac{\partial U}{\partial y'} \cdot \frac{\partial \delta u}{\partial x}$$

$$+ \frac{\partial U}{\partial y''} \cdot \frac{\partial^2 \delta u}{(\partial x)^2} + \frac{\partial U}{\partial y'''} \cdot \frac{\partial^3 \delta u}{(\partial x)^3} + \ldots$$

Послѣ сего для опредѣленія

$$\int \delta(U \partial x) = \int (\delta U \partial x + U \delta \partial x)$$

должно внести сюда величину δU, а потомъ интегрировать по частямъ; именно:

$$\int \delta(U \partial x) = \int (U \partial \delta x + \partial U \delta x + \frac{\partial U}{\partial y} \delta u \partial x + \frac{\partial U}{\partial y'} \cdot \frac{\partial \delta u}{\partial x} \partial x + \ldots),$$

$$\int U \partial \delta x = U \delta x - \int \partial U \delta x,$$

$$\int \frac{\partial U}{\partial y'} \cdot \frac{\partial \delta u}{\partial x} \partial x = \int \frac{1}{\partial x} \cdot \frac{\partial U}{\partial y'} \partial \delta u . \partial x$$

$$= \frac{1}{\partial x} \cdot \frac{\partial U}{\partial y'} \delta u . \partial x - \int \frac{1}{\partial x} \cdot \partial \frac{\partial U}{\partial y'} \cdot \delta u . \partial x,$$

$$\int \frac{\partial U}{\partial y''} \cdot \frac{\partial^2 \delta u}{(\partial x)^2} \cdot \partial x = \int \frac{1}{(\partial x)^2} \cdot \frac{\partial U}{\partial y''} \cdot \partial^2 \delta u \cdot \partial x$$

$$= \frac{1}{(\partial x)^2} \cdot \frac{\partial U}{\partial y''} \cdot \partial \delta u . \partial x - \int \frac{1}{(\partial x)^2} \cdot \partial \frac{\partial U}{\partial y''} \cdot \partial \delta u . \partial x$$

$$= \frac{1}{(\partial x)^2} \cdot \frac{\partial U}{\partial y''} \cdot \partial \delta u . \partial x - \frac{1}{(\partial x)^2} \cdot \partial \frac{\partial U}{\partial y''} \cdot \delta u . \partial x$$

$$+ \int \frac{1}{(\partial x)^2} \cdot \partial^2 \frac{\partial U}{\partial y''} \cdot \delta u . \partial x,$$

$$\int \frac{\partial U}{\partial y'''} \cdot \frac{\partial^3 \delta u}{(\partial x)^3} \cdot \partial x = \int \frac{1}{(\partial x)^3} \cdot \frac{\partial U}{\partial y'''} \cdot \partial$$

$$= \frac{1}{(\partial x)^3} \cdot \frac{\partial U}{\partial y'''} \partial^2 u \delta x - \int \frac{1}{(\partial x)^3} \cdot \partial \frac{\partial U}{\partial y'''} \cdot \partial$$

$$= \frac{1}{(\partial x)^3} \cdot \frac{\partial U}{\partial y'''} \partial^2 \delta u \partial x - \frac{1}{(\partial x)^3} \cdot \partial \frac{\partial U}{\partial y'''} \cdot$$

$$+ \int \frac{1}{(\partial x)^3} \cdot \partial^2 \frac{\partial U}{\partial y'''}$$

$$= \frac{1}{(\partial x)^3} \cdot \frac{\partial U}{\partial y'''} \partial^2 \delta u \partial x - \frac{1}{(\partial x)^3} \cdot \partial \frac{\partial U}{\partial y'''}$$

$$+ \frac{1}{(\partial x)^3} \cdot \partial^2 \frac{\partial U}{\partial y'''} \delta u \partial x - \int \frac{1}{(\partial x)^3} \cdot \partial^3 \frac{\partial U}{\partial y'''}$$

и ш. д.

И такъ

$$\int \delta(U \partial x) = U \delta x + \left(\frac{\partial U}{\partial y'} - \frac{1}{\partial x} \partial \frac{\partial U}{\partial y''} + \frac{1}{(\partial x)^2} \cdot \partial^2 \right.$$

$$+ \left(\frac{\partial U}{\partial y''} - \frac{1}{\partial x} \cdot \partial \frac{\partial U}{\partial y'''} + \ldots \right) \partial$$

$$+ \left(\frac{\partial U}{\partial y'''} - \ldots \right) \frac{\partial^2 \delta u}{(\partial x)^2} + \ldots$$

$$+ \int \left[(\partial U - \partial U) \delta x + \left(\frac{\partial U}{\partial y} - \frac{1}{\partial x} \partial \right. \right.$$

$$+ \frac{1}{(\partial x)^2} \cdot \partial^2 \frac{\partial U}{\partial y''} - \frac{1}{(\partial x)^3} \cdot \partial^3 \frac{\partial U}{\partial y''}$$

7. Ежели

$$U = f(x, y, z, y', y'', \ldots z', z$$

гдѣ

$$z' = \frac{\partial z}{\partial x}, \quad z'' = \frac{\partial^2 z}{(\partial x)^2}, \quad z''' = \frac{\partial^3 z}{(\partial x)^3}, \ldots;$$

но

$$\delta z' = \frac{\partial(\delta z - z'\delta x)}{\partial x} + z''\delta x,$$

$$\delta z'' = \frac{\partial^2(\delta z - z'\delta x)}{(\partial x)^2} + z'''\delta x,$$

и пр.

и положивъ $\delta v = \delta z - z'\delta x$, будемъ имѣть

$$\delta z = \delta v + z'\delta x,$$

$$\delta z' = \frac{\partial \delta v}{\partial x} + z''\delta x,$$

$$\delta z'' = \frac{\partial^2 \delta v}{(\partial x)^2} + z''\delta x,$$

и пр.

Положимъ уже

$$\delta U = \left(\frac{\partial U}{\partial x} + \frac{\partial U}{\partial y}y' + \frac{\partial U}{\partial y'}y' + \ldots + \frac{\partial U}{\partial z}z' + \frac{\partial U}{\partial z'}z'' + \ldots\right)\delta x$$

$$+ \frac{\partial U}{\partial y}\delta u + \frac{\partial U}{\partial y'}\cdot\frac{\partial \delta u}{\partial x} + \frac{\partial U}{\partial y''}\cdot\frac{\partial^2 \delta u}{(\partial x)^2} + \ldots$$

$$+ \frac{\partial U}{\partial z}\delta v + \frac{\partial U}{\partial z'}\cdot\frac{\partial \delta v}{\delta x} + \frac{\partial U}{\partial z''}\cdot\frac{\partial^2 \delta v}{(\partial x)^2} + \ldots$$

$$= \frac{1}{\partial x}\partial U\delta x + \frac{\partial U}{\partial y}\delta u + \frac{\partial U}{\partial y'}\cdot\frac{\partial \delta u}{\partial x} + \frac{\partial U}{\partial y''}\cdot\frac{\partial^2 \delta u}{(\partial x)^2} + \ldots$$

$$+ \frac{\partial U}{\partial z}\delta v + \frac{\partial U}{\partial z'}\cdot\frac{\partial \delta v}{\partial x} + \frac{\partial U}{\partial z''}\cdot\frac{\partial^2 \delta v}{(\partial x)^3} + \ldots$$

Новое его выражение

$$\int \delta(U\partial x) = \int (\delta U \partial x + U \delta \partial x)$$

превращается в

$$\int \delta (U\partial x) = U\delta x + \left(\frac{\partial U}{\partial y'} - \frac{1}{\partial x}\partial \frac{\partial U}{\partial y''} + \right.$$

$$\left. + \frac{1}{(\partial x)^2}\partial^2 \frac{\partial U}{\partial y'''} - \ldots\right)\delta u + \left(\frac{\partial U}{\partial y''} - \right.$$

$$\left. - \frac{1}{\partial x}\partial \frac{\partial U}{\partial y'''} + \ldots\right)\frac{\partial \delta u}{\partial x} + \left(\frac{\partial U}{\partial y'''} - \ldots\right)\frac{\partial^2 \delta u}{(\partial x)^2}$$

$$+ \ldots + \int [(\partial U - \partial U)\delta x + \left(\frac{\partial U}{\partial y'} - \right.$$

$$\left. - \frac{1}{\partial x}\partial \frac{\partial U}{\partial y''} + \frac{1}{(\partial x)^2}\partial^2 \frac{\partial U}{\partial y'''} - \ldots\right)\delta u]\partial x$$

$$+ \int \left(\frac{\partial U}{\partial z}\delta v + \frac{\partial U}{\partial z'}\cdot\frac{\partial \delta v}{\partial x} + \frac{\partial U}{\partial z''}\cdot\frac{\partial^2 \delta v}{(\partial x)^2} + \right.$$

$$\left. + \frac{\partial U}{\partial z'''}\cdot\frac{\partial^3 \delta v}{(\partial x)^3} + \ldots\right)\partial x,$$

А как

$$\int \frac{\partial U}{\partial z'}\cdot\frac{\partial \delta v}{\partial x} = \frac{1}{\partial x}\cdot\frac{\partial U}{\partial z'}\delta v - \int \frac{1}{\partial x}\partial \frac{\partial U}{\partial z'}\delta v,$$

$$\int \frac{\partial U}{\partial z''}\cdot\frac{\partial^2 \delta v}{(\partial x)^2} = \frac{1}{(\partial x)^2}\cdot\frac{\partial U}{\partial z''}\partial \delta v = \int \frac{1}{(\partial x)^2}\partial \frac{\partial U}{\partial z''}\partial \delta v$$

$$= \frac{1}{(\partial x)^2}\cdot\frac{\partial U}{\partial z''}\partial \delta v - \frac{1}{(\partial x)^2}\partial \frac{\partial U}{\partial z''}\delta v + \int \frac{1}{(\partial x)^2}\partial^2 \frac{\partial U}{\partial z''}\delta v,$$

$$\int \frac{\partial U}{\partial z'''} \frac{\partial^3 \delta v}{(\partial x)^3} = \frac{1}{(\partial x)^3} \frac{\partial U}{\partial z'''} \partial^2 \delta v - \int \frac{1}{(\partial x)^3} \partial \frac{\partial U}{\partial z'''} \partial^2 \delta v$$

$$= \frac{1}{(\partial x)^3} \frac{\partial U}{\partial z'''} \partial^2 \delta v - \frac{1}{(\partial x)^3} \partial \frac{\partial U}{\partial z'''} \partial \delta v + \int \frac{1}{(\partial x)^3} \partial^2 \frac{\partial U}{\partial z'''} \partial \delta v$$

$$= \frac{1}{(\partial x)^3} \frac{\partial U}{\partial z'''} \partial^2 \delta v - \frac{1}{(\partial x)^3} \partial \frac{\partial U}{\partial z'''} \partial \delta v$$

$$+ \frac{1}{(\partial x)^3} \partial^2 \frac{\partial U}{\partial z'''} \delta v - \int \frac{1}{(\partial x)^3} \partial^3 \frac{\partial U}{\partial z'''} \delta v,$$

u пр.

то наконецъ

$$\int \delta (U \partial x) = U \delta x + \left(\frac{\partial U}{\partial y'} - \frac{1}{\partial x} \partial \frac{\partial U}{\partial y''} + \ldots \right) \delta u$$

$$+ \left(\frac{\partial U}{\partial y''} - \ldots \right) \frac{\partial \delta u}{\partial x} + \left(\frac{\partial U}{\partial y'''} - \ldots \right) \frac{\partial^2 \delta u}{(\partial x)^2} + \ldots$$

$$+ \left(\frac{\partial U}{\partial z'} - \frac{1}{\partial x} \partial \frac{\partial U}{\partial z''} + \frac{1}{(\partial x)^2} \partial^2 \frac{\partial U}{\partial z'''} - \ldots \right) \delta v$$

$$+ \left(\frac{\partial U}{\partial z''} - \frac{1}{\partial x} \partial \frac{\partial U}{\partial z'''} + \ldots \right) \frac{\partial \delta v}{\partial x} + \left(\frac{\partial U}{\partial z'''} - \ldots \right) \frac{\partial^2 \delta v}{(\partial x)^2} + \ldots$$

$$+ \int \left[(\partial U - \partial U) \delta x + \left(\frac{\partial U}{\partial y} - \frac{1}{\partial x} \partial \frac{\partial U}{\partial y'} + \ldots \right) \delta u \right.$$

$$\left. + \left(\frac{\partial U}{\partial z} - \frac{1}{\partial x} \partial \frac{\partial U}{\partial z'} + \ldots \right) \delta v \right] \partial x.$$

8. *Способъ множителей* (Ан. Мех. Т. I, стр. 74). „Пусть будутъ $L = o$, $M = o$, $N = o$, и пр. различныя условныя уравненія, выра-

жающія свойства системы тѣлъ, и
ся въ равновѣсіи; поелику количес
N, . . . суть конечныя функціи пе
x, y, z, x', y', z', ..., слѣд.
ціальныя уравненія $\partial L = o$, $\partial M = o$,
покажутъ отношенія между диффе
тѣхъ же самыхъ перемѣнныхъ. По
неніями $\partial L = o$, $\partial M = o$, ∂N
содержащими только *линейные ди*
лы, можно представлять условія
дифференціалами, будутъ ли самы
точныя, или неточныя дифферен
какъ сіи уравненія употребляют
для изключенія такого же числа д
ловъ изъ общей формулы равновѣ
чего каждый изъ коеффиціентовъ
дифференціаловъ долженъ равнят
то посредствомъ теоріи изключе
нейныхъ уравненій не трудно док
получатся тѣже самые результ
къ упомянутой формулѣ будут
уравненія $\partial L = o$, $\partial M = o$, ∂N
помноженныя на неопредѣленные
ты, и потомъ приравняются
всѣхъ членовъ, помножаемыхъ
тотъ же дифференціалъ: чрезъ сіе
столько уравненій, сколько дифф

после сего остается только исключить неопредѣленные коэффиціенты."

Для объясненія сего правила, возьмемъ уравненія

$$ax+by+cz=o,\ a'x+b'y+c'z=o,\ a''x+b''y+c''z=o.$$

и помноживъ два послѣднія на неопредѣленные коэффиціенты λ и μ, произведенія придадимъ къ первому; получимъ:

$$(a+\lambda a'+\mu a'')x+(b+\lambda b'+\mu b'')y+(c+\lambda c'+\mu c'')z=o.$$

Поелику λ и μ суть количества произвольныя; то имѣемъ право положить

$$a+\lambda a'+\mu a''=o,\ b+\lambda b'+\mu b''=o,\ c+\lambda c'+\mu c''=o.$$

Употребивъ извѣстное правило исключеній, найдемъ

$$\mu=\frac{ab'-ba'}{a'b''-a''b'},\quad \lambda=\frac{ba''-ab''}{a'b''-a''b'}.$$

По внесеніи сихъ величинъ въ прежнее уравненіе, составимъ условное между коэффиціентами a, b, c; a', b', c'; и a'', b'', c''; именно:

$$ca'b''-ca''b'+c'ba''-c'ab''+c''ab'-c''ba'=o.$$

Выйдетъ тоже самое, когда по правилу исключеній опредѣлимъ z и y изъ первыхъ двухъ

уравненій и внесемъ ихъ величины
ибо

$$z = \frac{(ab' - a'b)x}{c'b - b'c}, \quad y = \frac{(a'c - ac'}{bc' - b'}$$

и

$$(a''b'c' - a''b'c + a'cb'' - ac'b'' + ab'c'' -$$

9. Ежели въ функціи

$U = f(x, y, z, y', y'', \ldots z', z'$

количество z зависишь отъ услов
женія

$L = o = F(x, y, z, y', y'', \ldots z',$

то для опредѣленія $\int \delta(U\partial x)$ на
изъ $L = o$ найди величину z и вс
въ U; по поелику изъ уравненія L
лучается $\delta L = o$; слѣд. по способу м
надобно только $\delta L = o$ помножить на
дать къ $\delta(U\partial x)$; отъ сего вопро
ишется въ нахожденіе

$$\int [\delta(U\partial x) + \lambda \delta L . \partial x],$$

гдѣ

$$\delta L = \frac{1}{\partial x}\partial L \delta x + \frac{\partial L}{\partial y}\delta u + \frac{\partial L}{\partial y'} \cdot \frac{\partial \delta u}{\partial x} + \frac{\partial L}{\partial y''} \cdot$$
$$+ \frac{\partial L}{\partial z}\delta v + \frac{\partial L}{\partial z'} \cdot \frac{\partial \delta v}{\partial x} + \frac{\partial L}{\partial z''} \cdot \frac{\partial^2 \delta v}{(\partial x)^2} +$$

и

$$\int \lambda \delta L . \partial x = \int \lambda \partial L \delta x + \int \lambda \frac{\partial L}{\partial y}\delta u \partial x + \int \lambda \frac{\partial L}{\partial y'} \cdot$$
$$+ \int \lambda \frac{\partial L}{\partial z}\delta v \partial x + \int \lambda \frac{\partial L}{\partial z'} \cdot \frac{\partial \delta v}{\partial x}\partial x + \int \lambda \frac{\partial L}{\partial z''} \cdot \frac{\partial^2 \delta}{(\partial x)}$$

Примемъ

$$\int\lambda\frac{\partial L}{\partial y'}\cdot\frac{\partial\delta u}{\partial x}=\frac{\lambda}{\partial x}\cdot\frac{\partial L}{\partial y'}\delta u-\int\frac{\lambda}{\partial x}\cdot\partial\frac{\partial L}{\partial y'}\delta u,$$

$$\int\lambda\frac{\partial L}{\partial y''}\cdot\frac{\partial^2\delta u}{(\partial x)^2}=\frac{\lambda}{(\partial x)^2}\cdot\frac{\partial L}{\partial y''}\partial\delta u-\frac{\lambda}{(\partial x)^2}\partial\frac{\partial L}{\partial y''}\delta u+$$

$$+\int\frac{\lambda}{(\partial x)^2}\cdot\partial^2\frac{\partial L}{\partial y''}\delta u,$$

и пр.

$$\int\lambda\frac{\partial L}{\partial z'}\cdot\frac{\partial\delta v}{\partial x}=\frac{\lambda}{\partial x}\cdot\frac{\partial L}{\partial z'}\delta v-\int\frac{\lambda}{\partial x}\cdot\partial\frac{\partial L}{\partial z'},$$

$$\int\lambda\frac{\partial L}{\partial z''}\cdot\frac{\partial^2\delta v}{(\partial x)^2}=\frac{\lambda}{(\partial x)^2}\cdot\frac{\partial L}{\partial z''}\partial\delta v-\frac{\lambda}{(\partial x)^2}\partial\frac{\partial L}{\partial z''}\delta v+$$

$$+\int\frac{\lambda}{(\partial x)^2}\partial^2\frac{\partial L}{\partial z''}\partial v,$$

и пр.

Такимъ образомъ будетъ

$$\int\lambda\delta L\partial x=\lambda\Big(\frac{\partial L}{\partial y'}-\frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial L}{\partial y''}+\ldots\Big)\delta u+\lambda\Big(\frac{\partial L}{\partial y''}-\ldots\Big)\frac{\partial\delta u}{\partial x}+\ldots$$

$$+\lambda\Big(\frac{\partial L}{\partial z'}-\frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial L}{\partial z''}+\ldots\Big)\delta v+\lambda\Big(\frac{\partial L}{\partial z''}-\ldots\Big)\frac{\partial\delta v}{\partial x}+\ldots$$

$$+\int\lambda\partial L\delta x+\int\lambda\Big(\frac{\partial L}{\partial y}-\frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial L}{\partial y'}+\frac{1}{(\partial x)^2}\partial^2\frac{\partial L}{\partial y''}-\ldots\Big)\delta u\partial x$$

$$+\int\lambda\Big(\frac{\partial L}{\partial z}-\frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial L}{\partial z'}+\frac{1}{(\partial x)^2}\partial^2\frac{\partial L}{\partial z''}-\ldots\Big)\delta v\partial x,$$

Послѣ сего находимъ

$$\int[\delta(U\partial x) + \lambda\delta L\partial x] = U\delta x + \left[\frac{\partial U}{\partial y'} - \frac{1}{\partial x}\right.$$

$$+ \lambda\left(\frac{\partial L}{\partial y'} - \frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial L}{\partial y''} + \ldots\right)\Big]\delta u + \left[\frac{\partial U}{\partial y''}\right.$$

$$+ \lambda\left(\frac{\partial L}{\partial y''} - \ldots\right)\Big]\frac{\partial\delta u}{\partial x} + \left[\frac{\partial U}{\partial y'''} - \ldots + \lambda\left(\frac{\partial L}{\partial y'''}\right.\right.$$

$$+ \left[\frac{\partial U}{\partial z'} - \frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial U}{\partial z''} + \ldots + \lambda\left(\frac{\partial L}{\partial z'}\right.\right.$$

$$\frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial L}{\partial z''} + \ldots\Big)\Big]\delta v + \left[\frac{\partial U}{\partial z''} - \frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial U}{\partial z'''}\right.$$

$$+ \lambda\left(\frac{\partial L}{\partial z''} - \ldots\right)\Big]\frac{\partial\delta v}{\partial x} + \left[\frac{\partial U}{\partial z'''} - \ldots + \lambda\left(\frac{\partial L}{\partial z'''}\right.\right.$$

$$+ \ldots + \int\Big\{(\partial U - \partial U + \lambda\partial L)\delta x + \Big[\frac{\partial U}{\partial y} + \lambda\frac{\partial L}{\partial y}$$

$$\frac{1}{\partial x}\partial\left(\frac{\partial U}{\partial y'} + \lambda\frac{\partial L}{\partial y'}\right) + \frac{1}{(\partial x)^2}\partial^2\left(\frac{\partial U}{\partial y''} + \lambda\frac{\partial L}{\partial y''}\right)$$

$$+ \Big[\frac{\partial U}{\partial z} + \lambda\frac{\partial L}{\partial z} - \frac{1}{\partial x}\partial\left(\frac{\partial U}{\partial z'} + \lambda\frac{\partial L}{\partial z'}\right) +$$

$$+ \frac{1}{(\partial x)^2}\partial^2\left(\frac{\partial U}{\partial z''} + \lambda\frac{\partial L}{\partial z''}\right) - \ldots$$

10. Поелику

$$\delta u = \delta y - y'\delta x,$$

$$\partial\delta u = \partial\delta y - \partial y'\delta x - y'\partial\delta x$$

или

$$\partial\delta u = \delta\partial y - \partial y'\delta x - y'\delta\partial x$$

гдѣ

$$\partial y = y'\partial x, \quad \delta\partial y = \delta y'\partial x + y'\delta\partial x,$$

а потому

$$\partial\delta_1 = \delta y'\partial x = \partial y'\delta x,$$

и

$$\frac{\partial\delta_1}{\partial x} = \delta y' - y''\delta x,$$

$$\frac{\partial^2\delta_1}{(\partial x)^2} = \delta y'' - y'''\delta x,$$

и пр.

По той же причинѣ изъ уравненія

$$\delta v = \delta z - z'\delta x$$

получаемъ

$$\frac{\partial\delta v}{\partial x} = \delta z' - z''\delta x,$$

$$\frac{\partial^2\delta v}{(\partial x)^2} = \delta z'' - z'''\delta x,$$

и пр.

По внесеніи сихъ величинъ въ уравненіе, выведенное въ членѣ 7, найдемъ

$$\int\delta(U\partial x) = [U - y'\left(\frac{\partial U}{\partial y'} - \frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial U}{\partial y''} + \ldots\right) - y''\left(\frac{\partial U}{\partial y''} - \ldots\right)$$

$$- y'''\left(\frac{\partial U}{\partial y'''} - \ldots\right) - z'\left(\frac{\partial U}{\partial z'} - \frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial U}{\partial z''} + \ldots\right)$$

$$- z''\left(\frac{\partial U}{\partial z''} - \ldots\right) - z'''\left(\frac{\partial U}{\partial z'''} - \ldots\right) - \ldots]\delta x.$$

$$+\left(\frac{\partial U}{\partial y'}-\frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial U}{\partial y''}+\ldots\right)\delta y+\left(\frac{\partial U}{\partial y''}-\ldots\right)\delta y'+\ldots$$

$$+\left(\frac{\partial U}{\partial z'}-\frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial U}{\partial z''}+\ldots\right)\delta z+\left(\frac{\partial U}{\partial z''}-\ldots\right)\delta z'+\ldots$$

$$+\int\left\{\left(\frac{\partial U}{\partial y}-\frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial U}{\partial y'}+\ldots\right)\delta y+\left(\frac{\partial U}{\partial z}-\frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial U}{\partial z'}+\ldots\right)\delta z\right.$$

$$+\left[(\partial U-\partial U)-y'\left(\frac{\partial U}{\partial y}-\frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial U}{\partial y'}+\ldots\right)\right.$$

$$\left.\left.-z'\left(\frac{\partial U}{\partial z}-\frac{1}{\partial x}\partial\frac{\partial U}{\partial z'}+\ldots\right)\right]\delta x\right\}\partial x.$$

И шаяъ $\int\delta(U\partial x)$, въ которомъ членъ $\partial U-\partial U$ уничтожается самъ по себѣ, можно предсшавишь въ шакомъ общемъ видѣ (Анал. Мех. Т. I, спир. 90):

$$A\delta x+B\delta y+C\delta z+D\delta y'+\ldots$$

$$+\int(\Upsilon\delta y+\Psi\delta z-(\Upsilon y'+\Psi z')\,\delta x)\,\partial x.\ldots\quad(Q).$$

11. Употребленіе варіяціоннаго изчисленія въ Механикѣ весьма обширно; въ Геометріи же посредсшвомъ онаго разрѣшаюшся вопросы о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ опредѣленныхъ иншегральныхъ функцій. Сія послѣдняя шеорія основываешся на слѣдующемъ замѣчаніи: поелику по *Тейлоровой* шеоремѣ функція $\int(U\partial x)$ разлагаешся въ рядъ

$$\int(U\partial x) + \delta\int(U\partial x) + \frac{\delta^2\int(U\partial x)}{2} + \frac{\delta^3\int(U\partial x)}{2.3} + \ldots$$

слѣд. для наибольшей или наименьшей величины $\int(U\partial x)$ должно, чтобъ

$$\delta\int(U\partial x) \text{ или } \int\delta(U\partial x) = o,$$

и также

$$\int[\delta(U\partial x) + \lambda\delta L.\partial x] = o.$$

Отсюда получаются многоразличныя уравненія условныя, соотвѣтствующія требованіямъ вопроса: главныя изъ сихъ условныхъ уравненій суть

$$T = o, \quad V = o,$$

какъ увидимъ въ продолженіи сихъ объясненій.

IV. СМѢСЬ.

а. Отечественныя извѣстія.

Торжественное Собраніе въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Московскій Университетъ, по окончаніи строжайшихъ открытыхъ испытаній, продолжавшихся во всѣхъ четырехъ Факультетахъ два мѣсяца, Май и Іюнь, 6 числа сего Іюля имѣлъ торжественное собраніе. Для учащихъ, родителей и для каждаго любителя Отечественнаго просвѣщенія зрѣлище восхитительное! Однимъ утѣшительно видѣть въ образованіи питомцевъ Университета плоды трудовъ своихъ, другимъ отраду и опору старости; всѣ радуются просвѣщеннымъ юношамъ какъ надеждѣ Отечества. Но съ чѣмъ сравнится радость награждаемыхъ за отличные успѣхи въ наукахъ и возводимыхъ въ ученыя степени? Воспоминанія о пріятныхъ событіяхъ въ юности сопровождаютъ насъ во всю жизнь и переживаютъ всѣ прочія чувствованія.

Въ нынѣшнемъ торжественномъ собраніи произнесена очередная Лашинская рѣчь О. П. Дядьковскимъ: De instante nostris temporibus necessitate unicuique eruditorum, praesertim autem divitum, Medicinam ediscendi; Руская — О. П. Надеждинымъ: *О современномъ направленіи Изящныхъ искусствъ.* Въ заключеніе Секретаремъ

Университетскаго Совѣта, О. П. Качеповскимъ, прочтена *краткая записка* о дѣйствіяхъ Университета и его Учебнаго округа въ истекшемъ Академическомъ году.

Первая часть рѣчи Профессора *Надеждина* помѣщена въ сей книжкѣ; въ слѣдующихъ напечатается продолженіе и окончаніе. Полнота въ изложеніи предмета, послѣдовательность въ расположеніи, живость слога: такова достоинства сего прекраснаго сочиненія. Вотъ основная мысль рѣчи:

»Художественное одушевленіе можетъ имѣть только два главныя направленія: внѣшнее, матеріальное, и внутреннее, идеальное; ибо все бывшіе наше сословіе изъ двухъ стихій: матеріи и духа, формъ и идей. Сіи оба направленія поперемѣнно дѣятельностію генія въ два великіе періода его жизни, выраженные классическою древностію и религіознымъ энтузіазмомъ среднихъ вѣковъ. Но въ современномъ искусствѣ ощущается потребность направленіе ко всеобщности, всечеловѣчности и народности. Когда искусство содѣлается полнымъ, свѣтлымъ отраженіемъ народовъ: тогда оно совершитъ высокое свое предназначеніе; тогда жизнь разрѣшится въ сладкую гармонію истины и блага.«

Ораторъ, показавъ сущныя черты направленія изящныхъ искусствъ, предощущаемаго современною творческою дѣятельностію во всѣхъ странахъ просвѣщеннаго міра, въ заключеніи слова говоритъ: »Наше Отечество, какъ недавно вступившее на путь образованія, уже чувствуетъ въ недрахъ своихъ кипѣніе жизни, порывы генія: и

подъ благодатною сѣнію Промысла, ничто не препятствуетъ ему, принявъ сіе направленіе, быстро потечь къ совершенству. Тогда какъ прочіе народы, изнуренные вѣковой дряхлостію, согбенные подъ тяжестію замашерѣлыхъ предразсудковъ, терзаемые болѣзненными судорогами возрожденія, едва находятъ въ себѣ достаточно силъ, дабы вдохнуть бальзамическое благоуханіе новой жизни, освѣжиться къ новому творческому дѣйствованію: сыны Россіи, во цвѣтѣ юности, еще не успѣвшіе расточить кипящей полноты своихъ силъ, наслаждающіеся, подъ скипетромъ великаго САМОДЕРЖЦА, блаженнымъ спокойствіемъ, не могутъ ли опередить ихъ на пути просвѣщенія, какъ какъ опередили на пути величія и силы? Не намъ, конечно, предстоитъ сіе славное, великое поприще! Мы не художники, не творцы, но скромные труженики, орошающіе потомъ своимъ младыя сѣмена, въ коихъ спѣетъ сокровенная будущность! Сіе благородное, цвѣтущее юношество, вѣряемое отъ васъ нашимъ попеченіямъ — вотъ надежда Россіи! Мы возвращаемъ теперь къ вамъ сіи драгоцѣнные залоги. Отъ васъ получили мы ихъ дѣтьми: отдаемъ вамъ юныхъ гражданъ. Не смѣемъ хвалиться нашими трудами; но смѣемъ увѣрить васъ, что они принесутъ на служеніе отечеству души, отверстыя для всѣхъ впечатлѣній истиннаго, добраго и изящнаго. Кто знаетъ, что ожидаетъ ихъ на поприщѣ, которое теперь открывается предъ ними: громкая слава героя, скромное достоинство мудреца, или пышный лавръ творца-художника. Если наши сладостнѣйшія надежды насъ не обманутъ, если сѣмена, вѣренныя

нашими руками сим юным душам, разовьются и принесут плоды зрѣлые, роскошные: мы не припишем себѣ их успѣхов; но, въ тишинѣ сердечнаго умиленія, будем наслаждаться их славою, будем гордиться их торжеством! Мы не забудем их никогда. . . Не забывайте ж и вы, любезные юноши, сей священной ограды, гдѣ ваша нѣжная младость препоясывалась мудростію и силою для бурнаго океана жизни! Соблюдите навсегда почерпнутую здѣсь любовь къ истинѣ, добродѣтели и красотѣ! Да украсится и возвеличится вами Отечество! Да сохранят въ васъ науки ревнителей усердных, законы блюстителей строгих, искусства чтителей искренних, нелицепріятных! Да возрастает и крѣпится чрез васъ просвѣщеніе! И чадолюбивое сердце МОНАРХА, подъ державною сѣнію КОЕГО будет разцвѣтать жизнь ваша, да услаждается въ васъ величіем и славою возлюбленной ЕМУ Россіи!«

Рѣчь Профессора *Дядьковскаго* въ непродолжительномъ времени будет переведена и напечатается въ Ученых Записках. Сочинитель прежде всего излагает важность и необходимость Медицины въ отношеніи къ познанію человѣка физическому и психологическому; потом доказывает настоятельную необходимость оной въ наши времена. Изъ сего выводится потребность изученія Медицины каждому изъ ученых, особливо богатым.

Дѣйствительно, если мы представим себѣ, что удовольствія жизни вкушаются по мѣрѣ здоровья; что вліяніе здоровья распространяется на отдаленное поколѣніе; что Медицина не до-

волствуется возстановленіемъ разстроеннаго здоровья — она предохраняетъ отъ недуговъ и сберегаетъ тѣло въ состояніи невредимомъ; что знаніе Медицины необходимо и для лучшаго уразумѣнія человѣка со стороны нравственной: то не льзя намъ не согласиться съ мнѣніемъ Врача — мыслителя. Конечно, на изученіе всѣхъ наукъ не достанетъ одному человѣку ни силъ, ни времени: ars longa, vita brevis; но знаніе строенія тѣла нашего, всѣхъ дѣйствій его и отправленій, главнѣйшихъ пособій въ случаѣ разстройства здоровья нашего — короче, знаніе Анатоміи, Физіологіи, Діэтетики, безъ сомнѣнія должно входить въ составъ общаго ученія, вмѣсто многихъ другихъ, не столько полезныхъ и важныхъ свѣдѣній.

Настоятельная потребность изученія Медицины въ наши времена доказывается тѣмъ, что человѣческая природа примѣтно слабѣетъ, измѣняется; ее одолѣваютъ новыя болѣзни, сокращающія жизнь нашу. Болѣзни богатыхъ многосложнѣе и свирѣпѣе болѣзней бѣдняковъ; а потому изученіе искусства врачеванія въ особенности полезно и необходимо богатымъ. Спасительныя дѣйствія Медицины отъ нихъ могутъ распространяться и на подвластныхъ имъ людей, коимъ должны они быть отцами и благодѣтелями.

Изъ краткой записки Профессора *Каченовскаго*, служащей отчетомъ въ дѣйствіяхъ Университета, всякой усмотритъ, что въ теченіе прошлаго Академическаго года въ Московскомъ Университетѣ обучалось 655 Студентовъ и Слушателей. По законнымъ испытаніямъ удостоены званій

Магистра, Кандидата Врачебной Управы, Аптекаря, Лекаря, Ветеринарного врача, Аптекаря, Провизора, Гезеля, Кандидата и Студентов, 148 человѣкъ.

За лучшія разсужденія на заданныя имъ отъ отдѣленій Словеснаго и Физико-Математическаго удостоены награжденій: а) медалями золотыми, М. Шеншинъ, О. Спроевъ и А. Драшусовъ; b) серебряными, Н. Лавдовскій, М. Михайловъ, М. Клеменцовъ, Н. Сапинъ, А. Герценъ и А. Хитровъ.

Члены Московскаго Университета, по мѣрѣ своихъ способовъ, не переставали стараться о распространеніи наукъ, издавая собственныя сочиненія и переводы. Г. Заслуженый Профессоръ *Двигубскій*, продолжая изданіе Опыта Естественной Исторіи животныхъ, напечаталъ шестую книжку о *Рибахъ*. — Ор. Пр. *Мухинъ* издалъ: *Обозрѣніе падежной холеры и способовъ ея лѣченія*, также *Вопросы изъ Физіологіи, Судебной Медицины и Медицинской Полиціи*, и подъ его же наблюденіемъ переведена *Діэтетика Вильдберга* Студентомъ Дубовицкимъ, дополненная и приумноженная изъ его методъ. — Ор. Пр. *Болдыревъ* — *Персидскую Христоматію* въ 2 частяхъ. Ор. Пр. *Павловъ* издалъ *Общую Физику*, а Ор. Пр. *Перевощиковъ* — *Руководство къ Опытной Физикѣ*. Ор. Пр. *Ловецкій* — *Начальныя Основанія Минералогіи*. Ор. Пр. *Лядковскій* — *Systema torborum*. Ор. Пр. *Надеждинъ* — продолжаетъ Журналъ современнаго просвѣщенія, *Телескопъ*. Ор. Пр. *Погодинъ* напечаталъ первую часть *Славянской Грамматики Добровскаго*, переведенную имъ съ Латинскаго. Экстр. Пр. *Смирновъ* — *Рѣчь о началѣ и происхожденіи Россійскихъ зако-*

новъ, духъ ихъ и постепенномъ усовершенствованіи. Ад. *Н. Лебедевъ — Изложеніе ученія о раздраженіи.* Ад. *Щедритскій — Слово въ похвалу добродѣтелей* Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Ад. *Максимовичъ*: 1) *Книгу Наума о великомъ Божіемъ мірѣ*, 2) *Размышленія о Природѣ*, 3) *Голоса Украинскихъ пѣсенъ.* Ад. *К. Лебедевъ — Краткое Начертаніе Общей Антропопатологіи* для руководства учащихся. Лекторъ *Кистеръ*: 1) *Постепенныя занятія въ переводахъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій и Французскій*, 2) Deutsches Lesebuch für Anfänger, со Словаремъ въ особой книжкѣ, 3) двѣ Части *Краткой Исторіи Нѣмецкой Литературы* (Handbuch der Geschichte und Characteristik der Schönen Literatur und Deutschen:). Лек. *Геринеъ* — Metrische Uebersetzungen aus dem Russischen, Erstes Heftchen. (Стихотвор. переложенія съ Русскаго, Часть первая). Магистръ *Оболенскій* — для дѣтей *Исторію Іосифа*, переводъ съ Французскаго. Маг. *Кубаревъ — Латинскую Грамматику* Цумпта. Маг. *Гастевъ — Краткую Географію, Краткую Хронологію* и *Краткую Ариѳметику*. Маг. *Погорѣльскій* перевелъ со многими дополненіями *Ариѳметику и Алгебру* Беллявена для Гимназій. Воспитанникъ Врачебнаго Института Дмитрій *Викулъ* издалъ собственные переводы: a) *Начальныхъ основаній Фармаціи*, соч. Н. Пленка и b) двѣ части *Физіологіи* Лонгоссека.

Каѳедры Всеобщей Исторіи, Химіи и Политической Экономіи, за выбытіемъ преподавате-

лей, замѣщены; объявлены же конкурсы ученымъ сословіямъ на каѳедры: Правъ знаменитѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, Россійскаго Законовѣдѣнія, Прикладной Математики и Технологіи.

»Такъ подъ сѣнію ненарушимаго спокойствія« сказано въ запискѣ о происшествіяхъ въ Университетѣ: »охраняемые покровомъ ГОСУДАРЯ—Отца, съ Божіею помощію, проходили мы предлежащее намъ поприще! Чтенія въ аудиторіяхъ Университета начались въ бытность въ Москвѣ Товарища Министра, нынѣ Управляющаго Министерствомъ Просвѣщенія, Господина Тайнаго Совѣтника и Кавалера Сергія Семеновича Уварова, по Высочайшему повелѣнію обозрѣвавшаго здѣшній Университетъ и объ Гимназіи. Его Превосходительство, сколько по возложенной обязанности, столько же и по любви къ наукамъ, удостоилъ многократнымъ посѣщеніемъ своимъ публичныя занятія наши съ любознательнымъ юношествомъ, руководствовалъ преподавателей, назидалъ учащихся. Ободряемые благосклоностію его привѣтливостію лучшіе изъ Студентовъ нашихъ, иногда по первому вызову, почти безъ приготовленія, читали съ каѳедры полныя лекціи о предметахъ, которые извѣстны были имъ изъ лекцій Профессорскихъ. Знаменитыя саномъ или дарованіями особы, по приглашенію благодѣтельнаго Начальника нашего и слѣдуя его примѣру, посѣщали аудиторіи, желая быть свидѣтелями подвиговъ юныхъ питомцевъ нашего разсадника. Пребываніе Его Превосходительства между нами оставило по себѣ слѣдствія, благодѣтельныя для Университета.«

Въ продолженіе Акта пѣшъ хоръ, сочиненный Студентомъ Красовымъ. Сіе стихотвореніе состоитъ изъ трехъ пѣсней: Царю, Отечеству и Университету. Благоговѣйныя чувствованія къ Отцу Отечества, пламенная любовь къ святой Руси и къ Отечественному просвѣщенію составляютъ содержаніе и характеръ стихотворенія.

ХОРЪ.

Друзья, друзья! торжественно пречемъ
На свѣтлый пиръ роднаго просвѣщенья,
И, въ трепетѣ высокаго волненья,
Мы нашу пѣснь завѣтную поемъ!

*

Могучій ЦАРЬ великія Державы!
Се пѣснь ТЕБѢ, се нашъ сердецъ глаголъ:
Высокъ ТВОЙ Тронъ, хранитель Русской славы;
Надъ нимъ паритъ двуглавый ТВОЙ Орелъ!

*

Нашъ мечъ разбилъ оковы и Тамаръ,
На выси Альпъ сверкалъ нашъ штыкъ гранёный;
Отъ вѣчности никѣмъ не пробужденный,
Подъ нами вылъ угрюмый Сен-Готардъ!

*

Пришла пора, стоналъ сѣдой Кавказъ;
Повсюду смерть несли ТВОИ волканы;
ТВОИ Орлы слетѣли за Балканы. . .
И роковой ужъ билъ для Порты часъ! . .

ХОРЪ.

Пришла пора, стоналъ сѣдой Кавказъ;
Повсюду смерть несли ТВОИ волканы;

ТВОИ Орлы слетѣли за Балканы,
И роковой ужъ билъ для Порты часъ!

Но въ вѣчности другой вѣнецъ готовъ
Виновнику отечественныхъ знаній,
Спасителю и другу дарованій;
Онъ выше всѣхъ побѣдъ и всѣхъ вѣнцовъ!

О, Русскій ЦАРЬ — нисходишь ТЫ росой
Живительной на юныя творенья;
И грѣешь ТЫ лучемъ благоволенья
Обитель Музъ — и вѣчность предъ ТОБОЙ!

Отечества Отецъ и ГОСУДАРЬ!
Се ждетъ ТЕБЯ полночная цѣсница;
Въ звѣздахъ ТВОЙ Тронъ, священна багряница,—
Готовъ, готовъ безсмертія алтарь.

ХОРЪ.

Отечества Отецъ и ГОСУДАРЬ!
Се ждетъ ТЕБЯ полночная цѣсница;
Въ звѣздахъ ТВОЙ Тронъ, священна багряница,—
Готовъ, готовъ безсмертія алтарь!

Мы и тебѣ днесь пѣснь свою поемъ,
Родимый свѣтъ, отчизна дорогая!
Всю нашу жизнь служенью посвящая,
Все, все тебѣ, Россія, отдаемъ!

И сердца жаръ, и силы юныхъ дней —
Несемъ, друзья, на жертвенникъ отчизны!
Клянемся мы служить безъ укоризны,
Всѣмъ жертвовать для родины своей?

*

За нашу Русь готовы мы на смерть!
И мы умремъ, ее благословляя.
Какъ радостно за честь родного края
И дѣйствовать, и славно умереть!

ХОРЪ.

За нашу Русь готовы мы на смерть!
И мы умремъ, ее благословляя.
Какъ радостно за честь родного края
И дѣйствовать, и славно умереть!

*

И пѣснь тебѣ, прекрасный храмъ Наукъ,
Гдѣ наши дни въ бесѣдахъ протекали;
Гдѣ Русскіе духъ Русскій воспитали,
Гдѣ веселъ трудъ и радостенъ досугъ.

*

Подъ сѣнію безсмертнаго Кремля,
Хранителя отечественной славы,
Лелѣются надежды величавы —
Все въ даръ тебѣ, родимая земля!

*

Уже горитъ, горитъ заря Наукъ
Желанная надъ Русскою землею;
Она живитъ небесной теплотою
И нашу грудь, и юный Русскій духъ!

ХОРЪ.

Уже горишъ, горишъ заря Наукъ
Желанная надъ Русскою землею;
Она живишъ небесной теплотою
И нашу грудь, и юный Русскій духъ!

Въ нижнемъ Кремлевскомъ саду надъ воротами, ведущими въ верхній, недавно устроены солнечныя часы, по порученію Е. С. Князя Сергія Ивановича Гагарина, Магистромъ М. Университета Зерновымъ. Поелику, кромѣ обыкновеннаго означенія часовъ, на той же доскѣ начерчена кривая линея средняго полудня, то не безполезно предувѣдомишь любопытствующихъ объ употребленіи оной.

По общему обыкновенію теченіе времени измѣряется движеніемъ солнца; но какъ по внимательнымъ наблюденіямъ открыто, что сіе движеніе не равномѣрно, и мгновеніе, въ которое солнце имѣетъ наибольшую высоту, называемое солнечнымъ полуднемъ, въ каждый день бываетъ различно: то для уничтоженія сего неравенства весь годъ раздѣленъ на столько равныхъ частей, сколько въ немъ содержится неравныхъ солнечныхъ суткокъ, и одна такая часть названа *сутками средними*. Отсюда очевидно, что между полуднемъ солнечнымъ и среднимъ должна быть извѣстная разность, которая называется *уравненіемъ времени* и означена на каждый день въ С.-Петербургскомъ мѣсяцословѣ. Посему время, показываемое на обыкновенныхъ солнечныхъ часахъ, надлежало бы всегда подвергать сей по-

правкѣ, безъ упомянутой кривой линеи, которой употребленіе состоитъ въ слѣдующемъ. Нѣсколько выше мраморной доски, содержащей чертежъ, утвержденъ металлическій кругъ со скважиною въ срединѣ; солнечные лучи, проникая сквозь оную, образуютъ маленькое свѣтлое пятно въ центрѣ тѣни сего круга. На самой доскѣ проведена бѣлая полоса, имѣющая видъ цыфры 8; на ней написаны 12 мѣсяцовъ. Когда свѣтлое пятно придетъ въ такое положеніе, что раздѣлится пополамъ чертою, проведенною подъ шекущимъ мѣсяцомъ; тогда будетъ время настоящаго *средняго полудня*.

---

b. Ученыя извѣстія.

Азіатское общество въ Калькуттѣ приобрѣло одинъ *памятникъ письменности*, недавно найденный въ Академической библіотекѣ Бенаресской въ Остъ-Индіи, драгоцѣнный и по содержанію своему, и по глубокой древности. Онъ писанъ на священномъ языкѣ Браминовъ и содержитъ въ себѣ описаніе Англіи до завоеванія оной Юліемъ Цезаремъ. Островъ Великобританія называется въ этой рукописи *святою землею*. Темза и нѣкоторыя другія рѣки встрѣчаются подъ нынѣшними ихъ именами. Храмы и памятники Друидовъ (stonehenges) сравниваются съ храмами Индусовъ. Ожидается переводъ сей любопытной рукописи: она прольетъ новый свѣтъ на древнюю Исторію Европы.

Дѣятельность духа человѣческаго разительно развивается въ юнѣйшей части свѣта, Австраліи. Въ Сиднеѣ, главномъ городѣ Англійскихъ селеній, разцвѣтаютъ всѣ искусства просвѣщенной Европы: воздвигаются прекрасныя зданія; на рынкахъ кипитъ торговля и промышленность; между селеніями быстрыя сообщенія; типографіи работаютъ надъ изданіями образцовыхъ произведеній Англійской Словесности и нѣсколькихъ журналовъ.

Въ Геттингенскомъ обществѣ наукъ, въ прошломъ году, увѣнчано было по Богословскому факультету сочиненіе Вѣнскаго Профессора І. Г. Венриха, написанное на Латинскомъ языкѣ, на предложеніе: Quinam libri, in quam linguam, a quibusnam et quo tempore e graeco translati sint?

Историко-Филологическій факультетъ предложилъ на 1834 годъ слѣдующій вопросъ: Quaeritur, quae fuerint Arabum commercia et terrestria et maritima per Assyriam, Africam et Europam orientalem, florente Abassidarum imperio, saeculo maxime aerae nostrae octavo, nono et decimo?

Въ засѣданіи 15 Декабря 1832, Профессоръ Гауссъ читалъ разсужденіе: De intensitate vis magneticae terrestris ad mensuram absolutam revocata.

Фотометры суть снаряды, посредствомъ которыхъ сравниваются степени освѣщенія различныхъ предметовъ; лучшіе изъ извѣстныхъ фотометровъ изобрѣтены *Риччіемъ и Румфордомъ*: нынѣ Графъ *Кс. Местръ* предлагаетъ новый сего рода снарядъ, способный для сравненія

силы свѣта неподвижныхъ звѣздъ. Изъ синяго и бѣлаго стекла дѣлаются двѣ клинообразныя призмы, которыя, будучи положены одна на другую, составляютъ параллелепипедъ; уголъ призмъ и длина оныхъ могутъ быть различные, смотря по надобности; Г. *Местръ* употреблялъ такія, коихъ уголъ = 11°, длина же 9 дюймамъ Англійскаго фута. Срѣзъ (biseau) синей призмы, по причинѣ своей тонкости, пропускаетъ свѣтъ самыхъ малыхъ звѣздъ; но сквозь другой ея конецъ, коего толстота = 8 линіямъ, свѣтъ сей уже не проходитъ: посему, подвигая синюю призму мало по малу, можно принимать свѣтъ звѣзды на разныя оной точки, соотвѣтствующія возрастающей толстотѣ; отъ сего свѣтъ ослабѣваетъ постепенно, и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ. Ежели разстояніе между концемъ срѣза и той точкой на синей призмѣ, при которой исчезаетъ свѣтъ какой нибудь звѣзды первой величины, раздѣлится на 100 частей; то отношеніе тѣхъ изъ сихъ частей, при которыхъ уничтожается свѣтъ звѣздъ различной величины, будетъ выражать отношеніе силы ихъ свѣта. — Когда опыты покажутъ, что сей фотометръ не представляетъ никакихъ неудобностей и затрудненій, тогда посредствомъ его съ большею точностью, нежели нынѣ, можно будетъ распредѣлить звѣзды по ихъ величинамъ.

Прошлаго 1832 года 1 го Октября, Г. *Бодримонтъ* предоставилъ Парижской Академіи наукъ свои изысканія о видѣ и расположеніи *атомовъ*. Главныя заключенія изъ сихъ розысканій состоятъ въ слѣдующемъ: всѣ атомы равны между собою, и

всѣ они суть кубическіе. Отъ различнаго расположенія кубовъ могутъ образоваться всѣ виды кристалловъ, что совершенно противно мнѣнію *Гайю*. Атомы находятся въ ближайшемъ соприкосновеніи, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Химическія формулы иногда выражаютъ отношенія атомовъ, иногда же одну только ихъ сумму. Вода, разложенная на свои елементы, входитъ въ составъ кристалловъ и перемѣняетъ ихъ видъ. Ни одно изъ составныхъ веществъ, сложенныхъ болѣе, нежели изъ двухъ елементовъ, не можетъ быть выражено формулою *bi-binaire* (двояко-двойною?), и потому должно считать нечочными и номенклатуру *Гитонову* и основанную на ней классификацію; также *несправедлива и Берцеліева електрохимическая теорія*. Наконецъ, електричество, тепло и свѣтъ, подобно тяжести, суть *внутреннія свойства* (inhérentes) вещественныхъ частицъ.

— *Біотъ* нашелъ оптическіе признаки, которые показываютъ прямо, изъ какого растительнаго сока можно получить настоящій сахаръ.

— *Дамуазо* окончилъ новыя таблицы Юпитеровыхъ спутниковъ.

— Слѣдующій опытъ *Беллани* заслуживаетъ особенное вниманіе. Въ маленькомъ тигелѣ расплавляется слишокъ изъ свинца и олова, и по охлажденіи получается небольшой конусъ: ежели на его поверхности, прикасавшейся къ стѣнкамъ тигеля, будутъ написаны буквы обыкновенными чернилами; то сіи буквы останутся неизмѣнными послѣ новаго плавленія и охлажденія. Опытъ сей

можно повторять нѣсколько разъ, и даже приводить въ колебаніе расплавленный металлъ, — и иногда буквы не изглаживаются съ поверхности конуса. Кажется, что сіе странное явленіе должно происходить отъ весьма тонкаго слоя окисла, который не участвуетъ въ расплавленіи металловъ.

с. *Наблюденія.*

1. *Лунное затмѣніе.* Іюля 1 числа (нов. ст.) сего года было лунное зашмѣніе, въ продолженіе котораго въ Университетской обсерваторіи производились наблюденія надъ началомъ онаго и покрышіемъ тѣнью трехъ пятенъ: *горы Синая, Діонисія* и *горы Коракса.* Ясность атмосферы и сила 7-футовой трубы, полученной изъ превосходнаго Астрономическаго заведенія *Утцшнейдера* въ Мюнхенѣ, много способствовали къ надежному опредѣленію сихъ четырехъ моментовъ, которые по часамъ работы брашьевъ *Толстыхъ* происходили:

1)	Начало зашмѣнія въ	12ч	48′	16″
2)	Начало покрышія *Синая*	13	6	8
3)	Совершенное помраченіе	13	7	28
4)	Сов. помр. *Діоносія*	13	40	43
5)	*Коракса*	13	57	50

Касашельно хода часовъ, повѣряемыхъ посредствомъ соотвѣтствующихъ высотъ, предлагается здѣсь выписка изъ журнала наблюденій:

Время наб.	Часы отстаютъ.	Сут. ходъ.	Числ. наб.
Іюня 16	36′ 44″,53	— 26″,47	20
18	37 37, 47	— 26,48	10
22	39 23, 41	— 23,99	20
23	39 47, 40	— 24,40	20
24	40 11, 80	— 25,81	20
27	41 29, 24	— 26,44	16
Іюля 1	43 15, 00	— 25,52	9
2	43 40, 52	— 27,02	8
13	48 37, 75		13

Средній суточный ходъ = — 25″,764, полусуточный = — 12″,882, часовой = — 1″,0735.

И такъ

1) Начало затмѣнія было въ 13ч 31′ 44″,74 ср. вр.
2) — покрытія *Синая* — 13 49 37,06
3) Совершенное помраченіе того же пятна — 13 50 57,07
4) Сов. помр. *Діонисія* — 14 24 12,65
5) ——— *Коракса* — 14 41 19,96

Первое изъ сихъ наблюденій, сравненное съ вычисленіемъ Con. des temps, для долготы Обсерваторіи отъ Парижа даетъ 2ч 21′4″,74.

d. Библіографія.

Европейская современная Изящная Словесность. Соч. Др. О. Л. В. Вольфа, Профессора Іенскаго Университета; XVI и 694 стр. въ 8. Лейпцигъ, у Брейткопфа и Гертеля, 1832.

Вотъ по-истинѣ замѣчательное сочиненіе по части словесности! Это собраніе лекцій, читанныхъ не Студентамъ, а любителямъ Изящной Словесности; оно назначено не для ученыхъ, а именно для свѣтскихъ людей, занимающихся Поэзіею и желающихъ познакомиться съ превосходнѣйшими и любопытнѣйшими произведеніями Европейской Словесности девятнадцатаго столѣтія. Сужденія, произносимыя почтеннымъ сочинителемъ о писателяхъ, подтверждаются характеристическими мѣстами изъ разбираемыхъ сочиненій или переводами изъ оныхъ, притомъ большею частію съ представленіемъ и самаго подлинника.

Содержаніе сего сочиненія, состоящаго изъ двадцати одного урока, слѣдующее: Первыя пять лекцій посвящены Словесности Французской. Главнѣйшій предметъ сихъ изслѣдованій составляетъ Викторъ Гюго; за нимъ слѣдуютъ Ламартинъ, Мери и Барѳелеми, Беранжеръ, Дезожье, Казиміръ Делавинь, Г-жа Дебордъ-Вальморъ; наконецъ, такъ сказать, въ углу картины помѣщены Мериме, Бальзакъ, Поль-де-Кокъ, Поль-Лакруа, Александръ Дюмасъ, Жаненъ. Здѣсь однако не встрѣчаемъ нѣкоторыхъ изъ новыхъ замѣчательнѣйшихъ Поэтовъ и Романистовъ. Шесть слѣдующихъ лекцій заключаютъ въ себѣ разборъ Поэзіи Англійской, и во-первыхъ, Байрона и Мура; потомъ Вальтера Скотта, Роберта Сутея, Кам-

бели, Крабба, Самуила Рожера, Вильмена, Жемсъ Монтомери, Барнона, Колериджа, Вордсворна, Шоллея, Вильсона, Гуга, Корнваля, Іоанны Бели, Летиціи Ландонъ, Леди Морганъ, Куперъ, и нѣкоторыхъ другихъ нынѣшнихъ Романистовъ. Въ двѣнадцатой лекціи изложена Словесность Голландская; въ тринадцатой Испанская, гдѣ разсмотрѣны произведенія Вальдека, Сіенфугоса, Морашина, Маршинеца дела Розы. Одна лекція посвящена Италіи, гдѣ блистаютъ имена Альфіери, Монти, Николини, Пиндемонте, Манцони, Орписа. Въ пятнадцатой лекціи излагается Словесность Португальская. Обращаясь къ Сѣверу и Востоку, сочинитель упоминаетъ о стихотворныхъ произведеніякъ Россіи, Венгріи, Даніи, Швеціи, Польши, и наконецъ останавливается на произведеніяхъ своихъ отечественныхъ. Исторію Нѣмецкой Словесности девятнадцатаго столѣтія раздѣляетъ онъ на три періода: первый съ 1800 по 1813; второй съ 1813 по 1816, и третій періодъ новѣйшій. Изящнѣйшимъ и первымъ Поэтомъ Нѣмецкимъ современнымъ почитаетъ онъ Л. Уланда. Въ духовной Лирической Поэзіи, по его мнѣнію, первенствуютъ Гарденберъ-Новалисъ, Вессембергъ, Вишчель, Круммахеръ, Максъ де Шенкендорфъ, Фрейденгейль. Въ свѣтской Лирической Поэзіи принимаетъ три школы: Гёшеву, которую называетъ онъ лирико-всеобщею; Уландову, или Лирико-Германскую, и Гейневу школу, или Лирико-условную. Шиллеръ занимаетъ въ изслѣдованіяхъ его особое мѣсто. Въ народныхъ пѣсняхъ выставляетъ онъ образцами: Арндта, Кёрнера, Шпегемана, Рюккерта, Шенкендорфа, Фолленіуса, Пфицера; въ

пѣснахъ же Эротическихъ — Вильгельма Мюллера, Рюккерта, Кернера, Чези, Шульце; въ пѣсняхъ общественныхъ — Претцеля, Фосса, Виклера, Шмидта. Въ древней формѣ Поэзіи особенно отличается Гриссъ и Платенъ; въ формѣ романтической — Римеръ и Зедлицъ. Соннетъ, послѣ братьевъ Шлегелей, обрабатываемъ былъ съ большимъ успѣхомъ, нежели Элегія, столь любезная Музѣ Германской. Изъ всѣхъ видовъ Лирической Поэзіи, по мнѣнію Вольфа, Германцы въ послѣднее время особенно отличались въ Романсѣ и Балладѣ, составляющихъ переходъ отъ Эпопеи къ Лирикѣ. Въ нихъ прославились Швабъ, Вильг. Мюллеръ, Юстъ Кернеръ, Иммерманнъ, Хамиссо, Киндъ. Драматическая Поэзія низошла съ высоты, на какую вознесъ ее Шиллеръ. Вольфъ указываетъ въ Трагедіи на послѣдователей Шиллера: Теод. Кернера, Клингемана, Ауфенберга, Ихтрица, Генр. Клейста, Иммермана, Раупаха, Грильпарцера, Уланда. Изъ нихъ талантъ замѣчательнѣйшій—Граббе. Главами Трагедіи Фаталистической почитаются Вернеръ и Мюльнеръ; послѣдователь ихъ — Гувальдъ. Драматической Поэзіи, которую Вольфъ называетъ Экспра-театральною, занимались: Тикъ, Арнимъ, Фуке, Эйхендорфъ, Менцель. Въ Комедіи и Драмѣ Германская Муза была не столь счастлива въ послѣднее время. Опера, бывшая долго, по мнѣнію Вольфа, *постыдною частію* Нѣмецкой Драматической Поэзіи, недавно явилась съ большимъ успѣхомъ въ трудахъ Геге, Кинда, Роберта, Раупаха, Гези. Въ Поэзіи Эпической сочинитель упоминаетъ Зонненберга, Эрнста Шульце, Фуке, Брахманна; въ Повѣстяхъ — Спеф.

Шульце, Кинда, Прешеля; въ Идилліяхъ — Мюллера; въ Баснякъ — Фрелиха. Въ Романѣ онъ обращаетъ особенное вниманіе на Тика, Стеффенса и Спиндлера, разсматриваетъ Гофманна и заключаетъ разборомъ Гауфа, Берне и Гейне, послѣдователей Жанъ-Поля.

ОТЪ КОМИТЕТА РЕДАКЦІИ УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Комитетъ редакціи Ученыхъ Записокъ имѣетъ счастіе сообщить читателямъ оныхъ отношеніе Его Превосходительства Господина Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Сергія Семеновича Уварова, къ Его Сіятельству Господину Попечителю Московскаго Университета, Князю Сергію Михайловичу Голицыну, о Высочайшемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА одобреніи сего повременнаго изданія, предпринятаго Московскимъ Университетомъ для бо́льшаго распространенія свѣдѣній объ успѣхахъ и совершенствованіи Наукъ.

„Въ слѣдствіе отношенія Вашего Сіятельства, отъ 27го минувшаго Іюля № 845, я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представить ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ I^ю^ книжку *Ученыхъ Записокъ* ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета. ГОСУДАРЬ

ИМПЕРАТОРЪ, разсмотрѣвъ содержаніе оной и Всемилостивѣйше одобривъ сей трудъ, Высочайше повелѣлъ соизволилъ увѣдомить Ваше Сіятельство, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО обращаетъ особое вниманіе на сіе похвальное предпріятіе Профессоровъ Московскаго Университета.

Почему я покорнѣйше прошу васъ, Милостивый Государь, предложить о семъ изъявленіи МОНАРШАГО одобренія какъ Совѣту ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, такъ и въ особенности Профессорамъ, въ семъ изданіи участвующимъ."

№ 951.

3го Августа, 1833 года.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1833. Августъ. № II.

I. НАУКИ.

A. ГЕОГРАФІЯ.

1. О пространствѣ Россійской Имперіи.

Разсужденіе Магистра Зернова.

Пространство составляетъ вообще одинъ изъ первѣйшихъ Спатистическихъ элементовъ Государства; но пространство Россіи замѣчательно еще своею необычайною огромностію. Не смотря на сіе, изчисленіе онаго не было повѣряемо со времени С.-Петербургскаго Академика Г. Крафта, т. е. съ 1786; между тѣмъ

съ сего времени произошло значительное измѣненіе въ ея границахъ и въ общепринятой величинѣ сжатости земли. Хотя показанія издаваемыхъ въ разныя времена Географическихъ сочиненій измѣнялись различнымъ образомъ; но неизвѣстно, на какомъ основаніи онѣ были допускаемы. Посему Г. Проф. *Перевощиковъ* предложилъ мнѣ вычислить вновь пространство Россіи: что и сдѣлано мною подъ его руководствомъ.

Въ статьѣ Г. Крафта sur la surface geométrique de la Russie selon la nouvelle carte générale de cet Empire, publiée par l'Académie, помѣщенной въ Nova Acta Academ. Petrop. T. 1., изложенъ выводъ формулы, на которой основывается сіе исчисленіе. Заимствую оный отсюда съ нѣкоторыми измѣненіями въ порядкѣ анализа Пусть AEBQ (черт. 1) будетъ эллипсисъ, представляющій земной меридіанъ; пусть его большая полуось EC $= a$, меньшая CB $= b = ma$, ордината MD $=$ CP $= y$, абсцисса CD $=$ MP $= x$, дуга ME $= s$. Поверхность безконечно малаго пояса M′′M′S′′S′ эллипсоида, происходящаго отъ обращенія сей кривой около меньшой оси будетъ

$$\partial z = 2\pi x \partial s;$$

ибо сей поясъ можно принять за поверхность усѣченнаго конуса, имѣющаго образующую ∂s, а діаметръ средней окружности MS. Дабы чрезъ интегрированіе сего выраженія получить поверхность пояса EMSQ въ функціи географической широты $= \lambda$ точки M, должно выразить x и ∂s также чрезъ λ. Но

$$x^2 = \frac{a^4}{a^2 + b^2 tg^2\lambda}$$

(см. Руководство къ Астрономіи Г. Перевощикова 1831 § 29), и

$$\partial s = \frac{a^2 b^2 . \partial\lambda}{V[a^2 - (a^2 - b^2) m^2 . \lambda]^3}$$

(см. тамъ же § 51).

Знаменатель выраженія ∂s имѣетъ весьма удобный видъ; ибо

$$a^2 - b^2 = a^2(1 - m^2),$$

а количество $1 - m^2$, будучи весьма мало, можетъ послужить въ послѣдствіи для сходящихся быстро рядовъ. Пусть

$$1 - m^2 = k^2,$$

послѣ сего

$$\partial s = \frac{m^2 a . \partial\lambda}{V[1 - k^2 sn^2\lambda]^3}$$

Знаменатель же выраженія x легко можно обратить въ сей послѣдній, когда вмѣсто b вставимъ ma, а вмѣсто m^2 количество $1-k^2$. Тогда

$$x = \frac{a}{\sqrt{sec^2\lambda - k^2 tg^2\lambda}} = \frac{a.\,cs\lambda}{\sqrt{(1-k^2 sn^2\lambda)}}$$

Вставивъ ∂s и x въ выраженіе ∂z, будемъ имѣть

$$\partial z = 2\pi m^2 a^2 \frac{\partial\lambda cs\lambda}{(1-k^2 sn^2\lambda)^2}.$$

Числитель сего выраженія есть дифференціалъ $sn\,\lambda$, который входитъ въ знаменатель: посему его легко объинтегралить, какъ раціональную дробь. Для сего сдѣлаемъ $ksn\lambda = x$, ошкуда

$$\partial\lambda.cs\,\lambda = \frac{\partial x}{k}$$

и

$$\partial z = \frac{2\pi m^2 a^2}{k} \cdot \frac{\partial x}{(1-x^2)^2}$$

Допустивъ, что

$$\frac{1}{(1-x^2)^2} = \frac{A}{1-x} + \frac{B}{(1-x)^2} + \frac{C}{1+x} + \frac{D}{(1+x)^2},$$

по способу неопредѣленныхъ коефициентовъ, получимъ

$$A = B = C = D = \tfrac{1}{4};$$

слѣд.

$$\partial z = \frac{2\pi m^2 a^2}{k}\left\{\frac{2x}{4(1-x)}+\frac{2x}{4(1-x)^2}+\frac{2x}{4(1+x)}+\frac{2x}{4(1+x)^2}\right\}$$

и

$$z = \frac{2\pi m^2 a^2}{k}\left\{-\tfrac{1}{4}lghyp.(1-x)+\tfrac{1}{4}\frac{1}{1-x}+\right.$$

$$\left.+\tfrac{1}{4}lghyp.(1+x)-\tfrac{1}{4}.\frac{1}{1+x}\right\}$$

или

$$z = \frac{2\pi m^2 a^2}{k}\left\{\frac{x}{2(1-x^2)}+\tfrac{1}{4}lg.hp.\frac{1+x}{1-x}\right\}$$

или наконецъ

$$z = \pi m^2 a^2\left\{\frac{sn\lambda}{1-k^2 sn^2\lambda}+\frac{1}{k}\,lg\;hp.\sqrt{\frac{1+k.sn\lambda}{1-k.sn\lambda}}\right\}$$

Но чрезъ простое дѣленіе получимъ

$$\frac{sn\lambda}{1-k^2sn^2\lambda} = sn\lambda\,[1+k^2sn^2\lambda+k^4sn^4\lambda+k^6.sn^6\lambda+\ldots]$$

сверхъ того

$$\frac{1}{2k}\;lg.hp.\frac{1+k\,sn\lambda}{1-k.sn\lambda} = sn\lambda\;[1+\tfrac{1}{3}k^2sn^2\lambda+$$

$$+\tfrac{1}{5}k^4sn^4\lambda+\tfrac{1}{7}k^6sn^6\lambda+\ldots]$$

слѣд.

$$z = 2\pi m^2 a^2 sn\lambda[1+\tfrac{2}{3}k^2sn^2\lambda+\tfrac{2}{5}k^4sn^4\lambda+\tfrac{2}{7}k^6.sn^6\lambda+\ldots]$$

Вставивъ вмѣсто степеней синуса, выраженія оныхъ по синусамъ кратныхъ дугъ

$$8\,sn^3\lambda = -(sn\,3\,\lambda - 3\,sn\lambda - 3sn\lambda + sn\,3\,\lambda)$$

$$32\,sn^5\lambda = (sn5\lambda - 5sn3\lambda + 10sn\lambda + 10sn\lambda - 5sn3\lambda + sn5\lambda)$$

$$128\,sn^7\lambda = -(sn\,7\,\lambda - 7\,sn\,5\,\lambda + 21\,sn\,3\,\lambda - 35sn\lambda - 35\,sn\lambda + 21\,sn\,3\,\lambda - 7\,sn\,5\,\lambda + sn\,7\,\lambda)$$

и ш. д. (см. Ручн. Мат. Энцик. кн. IV § 50); или по сокращеніи

$$4\,sn^3\lambda = -sn\,3\,\lambda + 3\,sn\,\lambda$$

$$16\,sn^5\lambda = sn\,5\,\lambda - 5\,sn\,3\,\lambda + 10\,sn\,\lambda$$

$$64\,sn^7\lambda = -sn7\lambda + 7sn5\lambda - 21sn3\lambda + 35sn\lambda,$$ и ш. д.

получимъ

$$z = 2\pi m^2 a^2 \begin{cases} sn\lambda \\ + \frac{1}{2.3} k^2 (3sn\lambda - sn3\,\lambda) \\ + \frac{3}{4.5} k^4 (10sn\lambda - 5sn3\lambda + sn5\lambda) \\ + \frac{4}{5.7} k^6 (35\,sn\,\lambda - 21\,sn\,3\,\lambda + \\ \qquad 7\,sn\,5\lambda - sn7\lambda), \text{ и ш. д.} \end{cases}$$

или $z = 2\pi m^2 a^2 [P sn\lambda - Q sn3\lambda + R\,sn\,5\lambda - \ldots\ldots]$

гдѣ $P = 1 + \frac{1}{2} k^2 + \frac{1.3}{2.4} k^4 + \frac{1.3.5}{2.4.6} k^6 + \ldots = \frac{1}{m}$

$$Q = \frac{1}{2} k^2 \cdot \frac{1}{3} + \frac{1.3}{2.4} k^4 \cdot \frac{2}{4} + \frac{1.3.5}{2.4.6} k^6 \cdot \frac{3}{5} \ldots\ldots$$

$$R = \frac{1.3}{2.4} k^4 \cdot \frac{2.1}{4.5} + \frac{1.3.5}{2.4.6} k^6 \frac{3.2}{5.6} + \ldots\ldots$$

Принявъ вмѣсто λ другую широту $L = \lambda - \mu$, получимъ

$$z = 2\pi m^2 a^2 [P sn L - Q sn 3L + R. sn 5 L - \ldots\ldots],$$

что выняя изъ предыдущаго, выведемъ выраженіе эллипсоидальнаго пояса, заключающагося между какими-либо параллелями, коихъ широты суть L и λ,

$$z = 4\pi. m^2 a^2 [P cs (\lambda - \tfrac{1}{2}\mu) sn \tfrac{1}{2}\mu - Q cs 3 (\lambda - \tfrac{1}{2}\mu) sn \tfrac{3}{2}\mu + R. cs 5 (\lambda - \tfrac{1}{2}\mu) sn \tfrac{5}{2}\mu - \ldots\ldots]$$

Для исчисленія сей формулы у Крафта приняша сжашосшь земли $\frac{a-b}{a} = \frac{1}{200}$ и слѣд. $m = 0{,}995$; но я принялъ шу сжашосшь, коиорая получена Лапласомъ изъ шеоріи луны, ш. е. $\frac{1}{309}$. Біошъ оправдываешъ благонадежносшь сего резульшаша шакимъ образомъ: cette mesure appartient à l'ensemble de la terre indépendamment des petites irrégularités de sa surface, qui disparaissent à la distance où la lune est placée. (См. Astr. Phys. T. 1. p. 162). Измѣреніе, произведенное на Дерпшскомъ меридіанѣ, съ помощію шѣхъ превосходныхъ снарядовъ, на кои Правишельсшво Россійское не щадило никакихъ издержекъ, даешъ средній резульшашъ, досшашочно близ-

кій къ вышеозначенному, чию сообщаетъ имъ обоимъ неоспоримую достовѣрность, не смотря на неправильности, о коихъ упоминаетъ Біотъ.

Въ слѣдствіе сего допущенія получаются восполняныя количества для предъидущей формулы:

1) Отношеніе осей эллипсоида

$$m = \frac{b}{a} = \frac{304}{305} = 0{,}9967213$$

2) $k = \sqrt{(1 - m^2)} = 0{,}0809112307$

3) $P = \frac{1}{m} = \frac{305}{304} = 1{,}0032895$

4) $Q = 0{,}0010992$

5) $R = 0{,}0000016$

Сдѣлавъ для удобнѣйшаго приложенія числовой выкладки

$$2\pi m^2 P = A,\ 2\pi m^2 Q = B,\ 2\pi m^2 R = C,$$

получимъ

$$s = 2a^2 [A.\ cs(\lambda - \tfrac{1}{2}\mu)\ sn\tfrac{1}{2}\mu - B.\ cs3(\lambda - \tfrac{1}{2}\mu)\ sn\tfrac{3}{2}\mu + C.\ cs\,5(\lambda - \tfrac{1}{2}\mu).\ sn\tfrac{5}{2}\mu - \ldots\ldots.]$$

и $A = 6{,}2625844$, $B = 0{,}0068613$, $C = 0{,}0000099872$

$log A = 0{,}7967536$, $log B = \overline{3}{,}8364041$, $log C = \overline{5}{,}9994473$

По сей формулѣ у Крафта составлена таблица поясовъ земнаго шара чрезъ каждый $30'$, начиная отъ экватора до полюса; но и вычисляль такіе пояса только между предѣлами $38°30'$ и $78°30'$ с. ш., ограничивающими нынѣ пространство Россійской Имперіи по широтѣ.

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Поверхность каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.	Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Поверхность каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.
38°30′		45°30	
	0,0427006		0,0382867
39°		46°	
	0,0424047		0,0379268
39°30′		46°30′	
	0,0421055		0,0375839
40°		47°	
	0,0418030		0,0372381
40°30′		47°30′	
	0,0414973		0,0368894
41°		48°	
	0,0411883		0,0365376
41°30′		48°30′	
	0,04087 2		0,0361832
42°		49°	
	0,0405609		0,0358258
42°30′		49°30′	
	0,0402424		0,0354656
43°		50°	
	0,0399208		0,0351026
43°30′		50°30′	
	0,0395962		0,0347368
44°		51°	
	0,0392683		0,0343682
44°30′		51°30′	
	0,0389375		0,0339974
45°		52°	
	0,0386036		0,0336234

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Поверхность каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.	Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Поверхность каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.
52°30′		59°30′	
	0,0332468		0,0277116
53°		60°	
	0,0328678		0,0272986
53°30′		60°30′	
	0,0324859		0,0268834
54°		61°	
	0,0321015		0,0264660
54°30′		61°30′	
	0,0317146		0,0260464
55°		62°	
	0,0313251		0,0256250
55°30′		62°30′	
	0,0309332		0,0252016
56°		63°	
	0,0305388		0,0247758
56°30′		63°30′	
	0,0301420		0,0243482
57°		64°	
	0,0297428		0,0239186
57°30′		64°30′	
	0,0293412		0,0234868
58°		65°	
	0,0289372		0,0230534
58°30′		65°30′	
	0,0285310		0,0226182
59°		66°	
	0,0281224		0,0221810

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Поверхность каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.	Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Поверхность каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.
66°30′		72°30′	
	0,0217422		0,0163478
67°		73°	
	0,0215014		0,0158888
67°30′		73°30′	
	0,0208590		0,0154284
68°		74°	
	0,0204150		0,0149670
68°30′		74°30′	
	0,0199690		0,0145040
69°		75°	
	0,0195218		0,0140400
69°30′		75°30′	
	0,0190730		0,0135750
70°		76°	
	0,0186224		0,0131086
70°30′		76°30′	
	0,0181704		0,0126412
71°		77°	
	0,0177168		0,0121730
71°30′		77°30′	
	0,0172618		0,0117036
72°		78°	
	0,0168056		0,0112332
		78°30	

Для приложенія предъидущей таблицы къ Европейской Россіи, изъ всѣхъ картъ я избралъ *Почтовую карту*, изданную при Военно-топографическомъ Депо въ 1827, а къ Азіатской Россіи — *Генеральную карту*, изданную при томъ же Депо 1825. За благонадежность оныхъ ручаются какъ свѣдѣнія издателей, такъ и средства, кои имѣли они въ своемъ распоряженіи. Хотя другая карта части Европейской Россіи, изданная отъ сего же Депо подъ именемъ Военно-дорожной въ 1829, представляла выгоду предъ почтовою, по причинѣ большаго размѣра; но я не рѣшился употребить ее, ибо на ней нѣтъ границъ Европейской Россіи съ Сибирью, Киргиз-Кайсацкою степью, также отрѣзана вся область Дагестанъ и Сѣверный Океанъ, кромѣ Бѣлаго моря. Правда, на картѣ Азіатской Россіи изображена граница ея съ Европейскою; но размѣръ оной слишкомъ уже малъ относительно обѣихъ предъидущихъ; посему предѣлы поясовъ, принадлежащихъ Европейской Россіи, имѣли бы весьма неравную точность. Но и на почтовой картѣ недоставало нѣкоторыхъ границъ по берегу Сѣвернаго Океана, съ одной стороны близъ Сибири, а съ другой близъ Швеціи; первый промежутокъ замѣстился самъ по себѣ упомянутою Азіатскою картою,

а для замѣщенія втораго я воспользовался Генеральною картою Европы, копированною съ изданія Аровсмиша и дополненною Савинковымъ. Долготы ея переведены на меридіанъ Ферро по долготѣ Гренвича 18°9′36″В. (Con. des t. 1831.)

На сихъ картахъ я назначалъ приближенно меридіональною чертою восточный и западный предѣлъ каждаго пояса и потомъ опредѣлялъ долготу сей черты въ градусахъ по самой картѣ, раздѣляя пространство между меридіанами оной на части. Для дѣленія градуса на десятыя доли я употреблялъ черт. 2, въ которомъ $AB = 2AC$, а AC раздѣлена на 10 частей. Полагая длину градуса по AB два раза, Bm и mn, и проводя параллельную AC, получалъ $np = Bm$. Накладывая потомъ часть градуса, которую надлежало опредѣлить, по np, я получалъ число 10 долей, содержащихся въ ней, а потомъ глазомъ назначалъ и сотыя доли. Далѣе вычитая долготу западнаго предѣла изъ долготы восточнаго, можно было получать протяженіе пояса. Но по разнообразію границъ Россіи, почти во всѣхъ поясахъ надобно было опредѣлять западные и восточные предѣлы нѣсколько разъ: посему надлежало уже сумму первыхъ долготъ вычитать изъ суммы вторыхъ.

Такимъ образомъ изъ каждаго пояса были выключены всѣ вообще моря съ ихъ заливами, но озера, какъ воды внутреннія, не были выключаемы; также обращаемо было вниманіе на тѣ изъ острововъ, кои заслуживаютъ оное по величинѣ своей.

При семъ изысканіи, для удобства механизма и по сущности предмета, я раздѣлилъ Россію на три части: 1) Европейскую Россію, 2) Сибирь, 3) Новую землю. Помощію чиселъ предъидущей таблицы, выражающихъ поверхность цѣлаго пояса, легко было опредѣлить часть онаго, принадлежащую Россіи, когда изъ предъидущаго измѣренія по карпѣ протяженіе ея по долготѣ сдѣлалось извѣстнымъ. Такимъ образомъ составились слѣдующія три таблицы, въ коихъ единицею площади служитъ, какъ и прежде, a^2, т. е. квадратъ экваторіальнаго радіуса.

I. Въ пространство Европейской Россіи, кромѣ Царства Польскаго и острововъ на Сѣверномъ Океанѣ и Балтійскомъ морѣ лежащихъ, я включилъ и за-Кавказскія земли.

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Протяженіе каждаго пояса по долготѣ въ градусахъ.	Поверхность части каждаго пояса, принадлежащей Россіи, выраженная чрезъ a^2.
70°30′		
	0°,48	0,00002484
70°		
	8°,00	0,00042384
69°30′		
	14°,96	0,00081124
69°		
	17°41	0,00096572
68°30′		
	26°,76	0,00151752
68°		
	32°,19	0,00186514
67°30′		
	33°,97	0,00201002
67°		
	33°,20	0,00200511
66°30′		
	30°,98	0,00190880
66°		
	30°,55	0,00191940
65°30′		
	28°,63	0,00183539
65°		
	30°48	0,00198855
64°30′		
	32°,31	0,00214669
64°		
	35°,57	0,00240574
63°30′		
	36°,99	0,00254571
63°		

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Протяженіе каждаго пояса по долготѣ въ градусахъ.	Поверхность части каждаго пояса, принадлежащей Россіи, выраженная чрезъ a^2.
	37°,49	0,00262447
62°30′		
	37°,87	0,00269561
62°		
	37°,82	0,00273632
61°30′		
	37°,79	0,00277819
61°		
	37°,68	0,00281379
60°30′		
	33°,40	0,00253270
60°		
	31°,77	0,00244555
59°30′		
	35°,72	0,00279037
59°		
	36°,77	0,00291412
58°30′		
	36°,31	0,00291864
58°		
	36°,02	0,00293575
57°30′		
	37°,64	0,00310977
57°		
	39°,47	0,00330474
56°30′		
	39°,49	0,00334994
56°		
	38°,85	0,00333821
55°30′		
	37°,83	0,00329175

Предѣлы долгот по широтѣ.	Протяженіе каждаго пояса по долготѣ въ градусахъ.	Поверхность каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.
55°		
	36°,49	0,00321463
54°30′		
	36°,34	0,00324047
54°		
	36°,55	0,00329822
53°30′		
	38°,69	0,00353235
53°		
	40°,32	0,00372564
52°30′		
	40°,99	0,00382840
52°		
	40°,28	0,00380593
51°30′		
	35°,81	0,00341868
51°		
	31°,88	0,00307014
50°30′		
	27°,66	0,00269105
50°		
	25°,57	0,00251904
49°30′		
	25°,67	0,00253458
49°		
	25°,48	0,00256097
48°30′		
	24°,93	0,00253023
48°		
	24°,40	0,00250028
47°30′		

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Протяженіе каждаго пояса по долготѣ въ градусахъ.	Поверхность части каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.
47°30′		
	23°,23	0,00240289
47°		
	19°,26	0,00201074
46°30′		
	14°,71	0,00154973
46°		
	12°,98	0,00137973
45°30′		
	12°,09	0,00129644
45°		
	6°,30	0,00068141
44°30′		
	4°,90	0,00053449
44°		
	4°,21	0,00046306
43°30′		
	2°,93	0,00032491
43°		
	3°,77	0,00042143
42°30′		
	4°,93	0,00055546
42°		
	5°,01	0,00056886
41°30′		
	4°,97	0,00056863
41°		
	5°,46	0,00062938
40°30′		

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Протяженіе каждаго пояса по долготѣ въ градусахъ.	Поверхность часши каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.
40°30′		
	5°,85	0,00087930
40°		
	4°,56	0,00053334
39°,30′		
	2°,51	0,00029566
39°		
	0°,73	0,00008659
38°30′		

Поверхность цѣлой Европейской Россіи найдется по сложеніи чиселъ трехъ послѣдняго столбца; и потому выйдетъ 0,13243228 a^2; а по-елику $a = \frac{360^\circ}{2\pi}$, то упомянутое число выразится чрезъ 434,75 кв. град. экватора, или, принявъ 105 верстъ въ градусѣ, чрезъ 4793114 кв. верстъ; или, принявъ 15 миль въ градусѣ, чрезъ 97818,67 геог. миль. Изъ сей таблицы видно, что Европейская Россія содержитъ:

въ холодномъ поясѣ 7108,17 геог. миль,
въ умѣренномъ 90710,50 геог. миль.

II. При исчисленіи пространства Сибири, я включилъ въ оное острова Ледови-

шаго моря и Восточнаго Океана; но поселенія на берегу Северной Америки, какъ землю неограниченную, выпустилъ, кромѣ Аляски до параллели 58°30′, и такимъ образомъ составилась слѣдующая шаблица:

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Протяженіе каждаго пояса по долготѣ въ градусахъ.	Поверхность части каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.
78°30′	0°,17	0,00000530
78°	2°,34	0,00006707
77°30′	5°,30	0,00017921
77°	8°,57	0,00030093
76°30′	11°,19	0,00040746
76°	16°,94	0,00063878
75°30′	22°,61	0,00088179
75°	20°,04	0,00080739
74°30′	21°,10	0,00087725
74°	25°,29	0,00108385
73°30′	37°,15	0,00163964
73°		

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Протяженіе каждаго пояса по долготѣ въ градусахъ.	Поверхность части каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.
73°		
	45°,93	0,00208571
72°30		
	56°,95	0,00265762
72°		
	64°,99	0,00311576
71°30′		
	73°,75	0,00362948
71°		
	87°,99	0,00444115
70°30′		
	88°,76	0,00459146
70°		
	95°,47	0,00505805
69°30′		
	108°,17	0,00586576
69°		
	109°,81	0,00609110
68°30′		
	113°,77	0,00645171
68°		
	116,°19	0,00673224
67°30′		
	118°,98	0,00704012
67°		
	122°,13	0,00737604
66°30′		
	127°,26	0,00784098
66°		
	127°,57	0,00801501
65°30		

Предѣлы полюсовъ по широтѣ.	Протяженіе каждаго пояса по долготѣ въ градусахъ.	Поверхность частицъ каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.
65°	125°,61	0,00804372
64°30′	123°,11	0,00803183
64°	121°,29	0,00805858
63°30′	121°,33	0,00820602
63°	122°,92	0,00839762
62°30′	118°,95	0,00832563
62°	115°,89	0,00824911
61°30′	113°,26	0,00819449
61°	111°,28	0,00818093
60°30′	109°,59	0,00818375
60°	107°,72	0,00816834
59°30′	102°,50	0,00789011
59°	95°,15	0,00743291
58°30′	88°,40	0,00700595
58°	89°,31	0,00717884

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Протяженіе каждаго пояса по долготѣ въ градусахъ.	Поверхность части каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.
	89°,91	0,00732797
57°30′		
	87°,83	0,00725642
57°		
	87°,15	0,00729688
56°30′		
	85°,14	0,00722243
56°		
	81°,16	0,00697372
55°30′		
	78°,68	0,00684627
55°		
	76°,33	0,00672438
54°30′		
	70°,16	0,00625801
54°		
	61°,50	0,00554967
53°30′		
	59°,74	0,00545420
53°		
	54°,32	0,00501657
52°30′		
	54°,75	0,00511356
52°		
	49°,96	0,00471808
51°30′		
	43°,08	0,00411273
51°		
	40°,54	0,00391175
50°30′		

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Пространіе каждаго пояса по долготѣ въ градусахъ.	Поверхность части каждаго пояса, выраженная чрезъ a^2.
50°	35°,16	0,00342835
49°30′	26°,05	0,00256633
49°	15°,21	0,00151364
48°30′	10°,33	0,00103826
48°	8°,98	0,00091141
47°30′	7°,74	0,00079312
47°	7°,59	0,00078510
46°30′	6°,15	0,00064206
46°	4°,31	0,00045407
45°30′	3°,06	0,00032527
45°	2°,02	0,00021661
44°30′	1°,12	0,00012114
44°	0°,47	0,00005127

Сумма препьяго столбца, для пространства Сибири даетъ $0{,}31005794a^2$, что со-

составляетъ 1017,86 квад. градусовъ экватора, или 11221905 квад. верстъ, или наконецъ 229018,53 геогр. миль. Изъ сей таблицы выходитъ, что Сибирь заключаетъ:

въ холодномъ поясѣ 53199,81 геог. миль
въ умѣренномъ 175818,72 — ——

III. Поелику Юго-Восточный предѣлъ Новой Земли, начиная отъ мыса Зимовья М до Никольскаго шара Щ (чер. 3), не означенъ на Азіатской картѣ Депо; то я замѣнилъ оный дугою большаго круга МЩ, чрезъ сіи два мѣста проходящею. За радіусъ сей дуги я принялъ среднее ариѳметическое между разстояніями мыса Зимовья и Никольскаго шара отъ центра земнаго эллипсоида.

Дабы удостовѣриться въ благонадежности сего допущенія шара вмѣсто эллипсоида, я исчислилъ вырѣзокъ FMQШ между параллелями и меридіанами упомянутыхъ двухъ мѣстъ на поверхности того и другаго. Въ семъ исчисленіи долготы и широты приняты тѣ, какія получились чрезъ описанное измѣреніе на картѣ:

Долгота мыса Зимовья $92°,40 = 92°24' = \lambda$
Широта — ——— $75°,82 = 75°49'12'' = \delta$
Долг. Никольскаго шара $74°,89 = 74°53'24'' = \lambda'$
Широта ——— —— $70°,74 = 70°44'24'' = \delta'$

Для опредѣленія вырѣзка на эллипсоидѣ служила формула, выведенная выше для пояса, раздѣленная на 360° и умноженная на разность долготъ, что дало $0{,}0078354a^2$. Для опредѣленія же вырѣзка на шарѣ взято выраженіе пояса $2\pi.Rh$ (гдѣ R означаетъ средній радіусъ, h высоту онаго), описаннаго дугою MM′ (чер. 4), коей концы M и M′ опредѣляются широтами ME $= \Delta$ и M′E $= \Delta'$. Поелику

$$MP = R\,sn\Delta,\quad M'P' = R.\,sn\Delta'$$

то $h = R(sn\Delta - sn\Delta') = 2R\,sn\frac{\Delta-\Delta'}{2}.cs\frac{\Delta+\Delta'}{2}$;

слѣд. упомянутый поясъ $=$

$$4\pi R^2.\,sn\frac{\Delta-\Delta'}{2}.cs\frac{\Delta+\Delta'}{2},$$

а вырѣзокъ составитъ дробь $\frac{\lambda-\lambda'}{360}$ отъ онаго пояса, что даетъ $0{,}0078351a^2$, выраженіе, которое разнится отъ предъидущаго только седьмою цыфрою.

Дабы не исчислять предѣлы каждаго пояса въ 30′ на дугѣ большаго круга MIII (черт. 3.), я принялъ за общій восточный предѣлъ оныхъ меридіанъ FIII Никольскаго шара, а пре-

угольный вырѣзокъ FШМ, заключающійся между сею дугою, меридіаномъ Никольскаго цара и параллелью мыса Зимовья вычислилъ особенно.

Способъ, употребленный для исчисленія, состоялъ въ опредѣленіи треугольника РШМ, составленнаго изъ полюса, мыса и шара; сей треугольникъ нашелся $= 0{,}01252766a^2$. Изъ него должно было вычесть вырѣзокъ PMF, отдѣляемый параллелью мыса MF, который можно получить изъ предъидущей формулы, перемѣнивъ Δ' на Δ, а Δ на 90° и умноживъ опять на дробь $\frac{\lambda - \lambda'}{360}$, отъ чего выйдетъ

$$4\pi R^2 cs^2(45° + \frac{\Delta}{2})(\frac{\lambda - \lambda'}{360°})$$

сей вырѣзокъ $= 0{,}00937191a^2$; слѣдовательно вырѣзокъ MFШ $= 0{,}00315575a^2$. Сей вырѣзокъ надлежитъ придать къ суммѣ поясовъ, составляющихъ Новую Землю.

Измѣреніе же на картѣ, въ совокупности съ первою таблицею, доставило слѣдующій результатъ. Здѣсь поясы между 75° и 76° с. ш. вышли отрицательные; ибо упомянутый вырѣзокъ между сими градусами выдался угломъ своимъ внѣ сѣверо-западнаго предѣла Новой земли, какъ видно на чертежѣ.

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Прошяженіе каждаго пояса по долготѣ въ градусахъ.	Поверхность части каждаго пояса, выраженная чрезъ πr^2.
77°		
	5°,45	0,00019278
76°30′		
	13°,08	0,00047628
76°		
	— 2°,11	—0,00007956
75°30′		
	— 0°,35	—0,00001365
75°		
	1°,20	0,00004835
74°30′		
	1°,89	0,00007858
74°		
	2°,83	0,00012128
73°30′		
	3°,24	0,00014300
73°		
	4°,47	0,00020299
72°30′		
	4°,69	0,00021894
72°		
	5°,39	0,00025845
71°30′		
	3°,89	0,00019144
71°		
	2°,00	0,00010095
70°30′		

Кромѣ сихъ поясовъ, надлежало вычислить пространство *gdeM*, заключающееся между

параллелью *de*, коей широта 76°, и параллелью мыса Зимовья на широтѣ 75°49′12″; ибо оно не вошло въ особенный вырѣзокъ и имѣетъ предѣлами по долготѣ 77°,00 съ Запада и 92°,62 съ Востока, между цѣмъ какъ въ вычисленномъ отрицательномъ поясѣ *abdc* между 76° и 73°30′ с. ш. Восточнымъ предѣломъ служитъ меридіанъ Нижольскаго шара, что сказано уже выше. Формула, принятая для выраженія поясовъ, дала для сего пространства 0,00020971 a^2.

Сложивъ сіе пространство съ прежнимъ столбцомъ таблицы и съ особеннымъ вырѣзкомъ, для выраженія поверхности Новой Земли, получимъ 0,00530529 a^2, что составитъ 17,42 квадрата экваторіальнаго градуса, или 192014 кв. верстъ, или наконецъ 3918,65 геог. миль, кои всѣ расположены въ холодномъ поясѣ земнаго шара.

Чрезъ сложеніе трехъ выведенныхъ результатовъ получимъ полное пространство Россіи 0,44779551 a^2, что составитъ 1470,03 квад. град. экватора, или 16207033 квад. версты, или 330755,85 *геогр. квад. миль*.

Пространство Россіи у Крафта выражалось 330506 геогр. милями; но въ семъ числѣ содержалось пространство Киргизъ-Кайсацкой

широтѣ, которая составляетъ по его исчисленію 26911 геогр. миль, и которую я выключилъ.

Раздѣливъ упомянутое пространство на поясы въ 5°, составилъ я слѣдующую таблицу:

Предѣлы поясовъ по широтѣ.	Поверхности сихъ поясовъ въ геогр. миляхъ.
78°30′	
	3132,55
75°	
	21050,22
70°	
	61878,77
65°	
	79228,62
60°	
	75953,72
55°	
	62134,29
50°	
	22565,56
45°	
	4135,85
40°	
	676,28
38°30′	

IV. Ежели все пространство Россіи раздѣлимъ на двѣ части полярнымъ кругомъ, то получимъ пространство оной:

Въ холодномъ поясѣ 64226,63 геог. квад. миль.
Въ умѣренномъ 266529,22. — — —

Въ заключеніе считаю нужнымъ упомянуть, что сличая протяженія поясовъ по долготѣ, полученныя Г-мъ Крафтомъ, съ моими, я нашелъ большія разности, кои не возможно объяснить измѣненіемъ границъ Россіи. По сей причинѣ я сравнилъ карту, изданную отъ Санкпетербургской Академіи 1786, которая служила основаніемъ исчисленію Крафта, съ изданною отъ Военно-Топографическаго Депо, и нашелъ также большія разности. Привожу нѣкоторые примѣры оныхъ:

Устье Лены на картѣ 1786 подъ 140° долготы
—— —— на картѣ Депо — 145° ——
Устье Колымы на картѣ 1786 подъ 175° долг.
—— —— на картѣ Депо — 179 ——
Обская губа на первой между 90° и 94° дол.
—— —— на второй —— 91 и 96° ——

В. ЗООЛОГІЯ.

2. О частномъ развитіи сердца птицъ и сходствѣ онаго съ общимъ развитіемъ того же органа въ цѣломъ животномъ царствѣ.

Лекція Доктора Щуровскаго.

„Природа, въ своей совокупности, есть органическое цѣло, коего части суть разныя, или лучше сказать, повтореніе одного и того же начала.“ Таковое повтореніе, преслѣдуемое въ цѣлой природѣ, извѣстно подъ именемъ *тожества* (identité); относительно животнаго царства *Сентъ-Илеръ* называетъ его *единствомъ въ образованіи организаціи* (unité de composition dans l'organisation de toute l'echelle animale). Животныя суть части цѣлаго царства; законъ, по коему развилось цѣлое, безъ сомнѣнія простирается и на части его; очевидно, развитіе животныхъ, или частей, ихъ составляющихъ, должно происходить по закону тожества. Это значитъ: каждый органъ животнаго тѣла, переходя

опъ небышія къ бышію, опъ первыхъ начатковъ до совершеннѣйшей своей формы, предсшавляешъ собою рядъ часшныхъ развишій, осложняющихся. Этого мало: иногда часшное развишіе органа въ одномъ живошномъ опражается въ общемъ развишіи шого же органа въ цѣломъ царсшвѣ. Такъ періоды посшепеннаго развишія, замѣчаемаго въ сердцѣ пшицъ, совпадаюшъ съ различными эпохами образованія сего органа въ цѣломъ царсшвѣ живошныхъ.

Таковымъ сходсшвомъ часшнаго развишія съ общимъ доказываешся единсшво и просшопа закона, поддерживающаго согласіе цѣлой природы, при несмѣшномъ ея разнообразіи въ часшяхъ.

Жизнь шѣла органическаго, еще не облекшаяся въ вещесшвенныя формы, называешся его *идеею* или *возможнымъ состояніемъ;* шаже идея, перешедшая въ вещесшвенное бышіе, есшь *дѣйсшвишельное состояніе* органическаго шѣла. Такъ въ яйцѣ заключаешся идея или возможное сосшояніе пшицы; переходишъ же оно въ дѣйсшвишельное во время насиживанія, когда начинаюшъ образоваться вещесшвенныя формы или органы будущаго живошнаго. Очевидно, *насиживаніе яйца* есшь эпоха развишія сосудовъ или сердца.

Изъ микроскопическихъ наблюденій Малпигія, Галлера, Волфа, Спалланцани, и преимущественно Пандера, Прево и Дюма извѣстно, что около 27 часа насиживанія въ яйцѣ или точнѣе въ зародышѣ, согрѣтомъ матернею или искусственною теплотою, замѣтенъ *продолговатый сосудъ*, на обоихъ концахъ своихъ теряющійся въ прозрачной жидкости. Это первая попытка природы къ опредѣленному образованію сосудовъ, *первая степень* развитія сердца.

Спустя нѣсколько времени (около 31 часа), одинъ конецъ сего продолговатаго сердца дѣлится на двѣ вѣтви, а съ другаго появляется небольшое расширеніе, расходящееся на 3 или 4 вѣтви, соединеніемъ своимъ образующія нисходящій стволъ; первыя вѣтви суть начатки *венъ*, вторыя начатки *артерій*. Этотъ новый шагъ къ дальнѣйшему образованію сосудовъ знаменуетъ собою *вторую степень* развитія; въ нихъ замѣтно уже движеніе безцвѣтной крови или пасоки.

Послѣ 36 часовъ насиживанія сердце начинаетъ укорачиваться и образуетъ кривизну съ двумя перехватами; одинъ изъ нихъ, отдѣляющій первую полость отъ второй, называется *ушковымъ проходомъ*, а другой, идущій

изъ второй полости въ расширеніе нисходящаго ствола, именуется *перешейкомъ Галлеровымъ.* Первую полость Прево, Дюма и Пандеръ почитаютъ начатками *ушка*, вторую начатками *лѣваго желудочка*, а общій стволъ *нисходящею аортою.* Всѣ сіи части еще болѣе обозначаются къ концу 39 часа: сосудъ, соотвѣтствующій нисходящей аортѣ, съ той и другой стороны позвоночника раздѣляется на два равные ствола, изъ коихъ каждый расходится на меньшія вѣтви, и наконецъ въ семъ *третьемъ періодѣ* образованія сердца становится явнымъ кругообращеніемъ безцвѣтной крови.

До сихъ поръ сердце сохраняетъ свою продолговатую форму; начатки ушка и желудочка не сомкнулись еще въ сферу. По истеченіи 48 часовъ, слѣдуетъ примѣтное восхожденіе ушка и сокращеніе ушковаго прохода и перешейка Галлерова; это значитъ, что продолговатая форма сердца начинаетъ болѣе приближаться къ овальной или сферической; полость ушка увеличивается на счетъ ушковаго прохода, а полость лѣваго желудочка на счетъ перешейка Галлерова; такимъ образомъ въ *четвертой степени* своего развитія сердце представляется *одноушковымъ* и *одножелудочнымъ* въ точномъ значе-

нія сихъ словъ. Въ семъ позднѣйшемъ образованіи сосудовъ безцвѣтная жидкость замѣняется кровію.

Къ концу 58 часа (по наблюденію Роландо) замѣчается весьма тонкій сосудъ, идущій отъ правой части ушка къ передней части лѣваго желудочка; сосудъ сей соединяется съ желудочкомъ посредствомъ мышечныхъ волоконъ; средняя его часть расширяется и образуетъ *правый желудочекъ*, а прошянувшійся его конецъ направляется къ той сторонѣ, которую занимаютъ легкія. И такъ въ *пятую степень развитія* сердце представляется *одноушковымъ двужелудочкомъ*.

На 3й день полость ушка начинаетъ раздвояться, и это очевидно происходитъ отъ вены, въ оной оканчивающихся; сіе обстоятельство способствуетъ большему развитію праваго желудочка; между 3 и 4 днями онъ бываетъ (по наблюденію Прево и Дюма) въ видѣ маленькаго мѣшечка, лежащаго спереди лѣваго желудочка, и свободно сообщающагося съ ушковою полостію, а сосудъ, выходящій изъ него, дѣлается легочною артеріею. На 5 день всѣ сіи части еще болѣе разрозняются. Вотъ *шестая* и

послѣдняя *степень* развитія — сердце *двуушковое, двужелудочное.* Въ двухъ послѣднихъ періодахъ образованія сосудовъ кровообращеніе совершенно устанавливается.

Сердце двуушковое двужелудочное есть сложнѣйшая и вмѣстѣ совершеннѣйшая форма органа, въ коей жизнь, перешедшая въ дѣйствительное оной явленіе, выразилась со всевозможною полнотою и ясностію: это идеалъ, къ коему стремятся въ своемъ развитіи всѣ предъидущія низшія формы (*).

Мы сказали: постепенное образованіе сердца птицъ совпадаетъ съ развитіемъ того же органа въ цѣломъ царствѣ животныхъ; другими словами: различные періоды образованія сего органа живутъ отдѣльною, самобытною жизнію, всѣ они, въ своей совокупности, представляютъ собою одинъ органъ,

(*) Для микроскопическихъ наблюденій надъ развитіемъ сердца птицъ, яйца насиживаются искусственною теплотою, которая, по наблюденіямъ Пандера, должна быть не ниже 28° по Р., ни выше 32°; замедленіе или ускореніе въ развитіи частей зависятъ не столько отъ повышенія или пониженія температуры, сколько отъ свойствъ самыхъ яицъ, отъ ихъ свѣжести и т. д. Посему самому у писателей можно встрѣтить разногласіе въ назначеніи времени развитія тѣхъ или другихъ частей сердца.

коего постепенныя развитія образовались отдѣльными, особыми органами въ различныхъ классахъ животныхъ.

Вся низшая область животныхъ есть зародышъ, сокрытый въ своихъ оболочкахъ, или *яйцо*; въ немъ заключается возможное состояніе животнаго царства, его идея, еще не раскрывшаяся въ разнообразіи органовъ; посему въ инфузоріяхъ, полипахъ и зоофитахъ идея *сердца* вмѣстѣ съ прочими органами еще неовеществилась. Это состояніе зародыша *до времени насиживанія.*

Яйцо, или зародышъ, животнаго царства (инфузоріи, полипы и зоофиты) выходитъ изъ состоянія единства или безразличія; органы, прежде влитые въ одну массу, постепенно начинаютъ рисоваться въ формы, болѣе или менѣе разрозненныя. Это состояніе зародыша въ *эпоху насиживанія яйца.*

Очевидно, жизнь сердца, прежде таившаяся въ возможности бытія, въ это время начинаетъ проявляться въ частныхъ видахъ. У насѣкомыхъ непосредственно подъ наружными спинными покровами находится *продолговатый сосудъ*, по видимому не дающій отъ себя ни одной вѣтви (vaisseau dorsal

Meckel); въ немъ однако замѣтны очередныя сжатія и расширенія. *Это первые начатки* самобытнаго развитія сердца, переходъ безразличія въ особое бытіе, 27й часъ насиживанія, когда въ зародышѣ будущей птицы продолговатый сосудъ перлется въ прозрачной жидкости.

Такъ сердце *впервые* образуется въ насѣкомыхъ. Оно не даетъ отъ себя ни одной вѣтви; это значитъ: артеріи и вены не отдѣлились еще видимо отъ прочихъ тканей животнаго тѣла, и потому до сихъ поръ сокрыты отъ зоркаго любопытства. Въ животныхъ паукообразныхъ, по органамъ дыханія ближайшихъ къ насѣкомымъ, сердце находится на той же степени образованія, но въ кольчатыхъ и въ паукообразныхъ, артеріи и вены, бывшія въ состояніи безразличія, начинаютъ болѣе и болѣе разрозняться, переходитъ въ дѣйствительное явленіе, живетъ собственною жизнію. Сія *вторая степень* развитія соотвѣтствуетъ 31 часу насиживанія (эпохѣ образованія артерій и венъ).

Въ первой степени своего развитія, или въ насѣкомыхъ, сердце вытягивается въ линію, во второй, или въ паукообразныхъ, оно растягивается въ поверхность, а въ 3, или въ моллюскахъ,

силится сомкнуться въ сферу. Продолговатый сосудъ, замѣняющій сердце насѣкомымъ и жив. пауковымъ, въ моллюскахъ отъ сокращенія или приближенія къ формѣ сферической, на пути своемъ образуетъ переемы, и отъ того представляется узловатымъ. По наблюденіямъ знаменитаго Меккеля, рѣдко имѣетъ оно одну полость, принимающую въ себя жаберную вену, и дающую начало артеріи того же названія; чаще, особливо въ раковинныхъ моллюскахъ, оно представляетъ два расширенія, изъ коихъ одно (= ушку), изъ тонкой оболочки образованное, принимаетъ въ себя жаберныя вены, а другое (= желудочку), снабженное болѣе толстою оболочкою, и непосредственно сообщающееся съ первымъ, даетъ изъ себя артерію, несущую кровь ко всему тѣлу. Бо́льшее сокращеніе, или сомкнутіе въ форму сферическую, представляетъ сердце крабовъ. Въ сей *третьей степени* развитія повторяется 36 часъ насиживанія, когда двѣ кривизны, происшедшія отъ сокращенія продолговатаго сосуда, образовали два расширенія, сообщающіяся между собою ушковымъ проходомъ и перешейкомъ Галлеровымъ.

На предѣлахъ двухъ степеней бытія, третьей и четвертой, находится сердце моллюсковъ головоногихъ; въ немъ, какъ въ

сомкнутой почкѣ, зрѣетъ возможность образованія слѣдующей высшей формы сего органа. Въ каракашицахъ сердце имѣетъ три мышечныя расширенія: среднее *продолговатое*, и два боковыхъ *округлаго очертанія*, совершенно отдѣльныхъ одно отъ другаго и отъ перваго; сіи послѣднія въ первый разъ являются особыми частями. Боковыя расширенія, называемыя Меккелемъ *легочнымъ сердцемъ* (les coeurs pulmonaires), принимаютъ въ себя венозную кровь, приходящую отъ всѣхъ частей тѣла, и направляютъ ее къ жабрамъ; оттуда она возвращается къ продолговатому среднему расширенію, которое Меккель называетъ *общимъ сердцемъ* (le coeur général). При дальнѣйшемъ развитіи, жизнь сердца, усвоивъ сію предшествующую форму, созидаетъ изъ нее собственное, особое бытіе, совмѣщающее всѣ виды низшей жизни: боковыя расширенія моллюсковъ головоногихъ сообщаются между собою и образуютъ двѣ сферическія полости: *ушко* и *желудочекъ*, а среднее продолговатое расширеніе вытягиваетсяся въ исходящій стволъ *аорту*. Таковымъ мы его встрѣчали въ цѣломъ классѣ рыбъ; у нихъ сердце *однограновое*, *одножелудочное*, или, что все равно, находится на *четвертой степени* развитія (48 часъ насиживанія).

Сердце низшихъ гадовъ есть сердце рыбъ, но у черепахъ, змѣй и ящерицъ, занимающихъ по своему устроенію высшее мѣсто, оно пріемлетъ особый видъ развитія: ушко, у рыбъ составляющее одну полость, у нихъ раздвояется, и шѣмъ самымъ способствуетъ раздвоенію желудочка, но несовершенно; сей послѣдній образуется позднѣе и остается навсегда почти одинакимъ, оба желудочка, сливаясь между собою, составляютъ одинъ. Очевидно, сердце гадовъ есть *двуушковое одножелудочное*. Сія *пятая степень* развитія выражаетъ собой 58 часъ насиживанія, съ шѣмъ однако различіемъ, что раздвоеніе желудочка у птицъ предупредило раздвоеніе ушка.

При такомъ устроеніи сердца, венозная кровь, приходящая отъ всего тѣла, и окисленная отъ однихъ легкихъ, одна чрезъ правое ушко, а другая чрезъ лѣвое, вливаются въ желудочекъ, смѣшиваются между собою въ различныхъ пропорціяхъ, и потомъ вѣтвями аорты разносятся по всему тѣлу. Ясно, въ гадахъ не вся кровь проходитъ чрезъ легкія, но только часть оной, и сія послѣдняя окислотворяетъ остальную; сверхъ того, по связи желудочковъ сердца между собою и нижней полой вены съ легочною, кровь имѣетъ возможность, минуя легкія,

если онѣ сжаты, совершать кругообращеніе. Посему-то гады могутъ пробыть долгое время безъ дыханія подъ водою, и оспаться живыми. — У птицъ и звѣрей, или млекопитающихъ, когда они находятся еще въ матерней утробѣ, подобное устроеніе сердца, или точнѣе сказать, подобное кровообращеніе въ ихъ зародышахъ, плавающихъ въ околоплодной жидкости, кровь, минуя легкія, совершаетъ свой кругъ проходя чрезъ *овальное отверстіе* (foramen ovale), соединяющее между собою ушки сердца, или чрезъ *Боталіевъ каналъ* (узкому каналу, соединяющему легочную вену съ общею веною въ гадахъ) прямо въ аорту. Процессъ окислотворенія, совершающійся въ гадахъ подъ вліяніемъ легочной крови, въ зародышахъ птицъ и звѣрей довершается подъ вліяніемъ матерней крови. Въ семъ отношеніи, то есть: въ отношеніи къ сосудамъ *гады представляются намъ въ состояніи зародыша, плавающаго въ водахъ своей матери.*

По рожденіи на свѣтъ, у птицъ и звѣрей, связь между ушками и желудочками совершенно прекращается, и сердце достигаетъ всей полноты своего особнаго развитія — представляется *двуушковымъ, двужелудочнымъ.* Вотъ *послѣдняя степень*, высшая

форма, замыкающая собою рядъ постепенныхъ образованій сердца!

Когда жизнь сердца овеществившися въ сію послѣднюю форму, то кровообращеніе совершенно устанавливаешся: венозная кровь, будучи движима симъ центральнымъ органомъ, устремляется къ легкимъ, гдѣ окислотворившись, снова возвращаешся къ сердцу, т. е. въ лѣвое ушко и лѣвый желудочекъ; отшуда аортою разносится ко всѣмъ частямъ и кристаллизуешся въ наше тѣло; нѣкоторая часть ея принимаешся венами, и возвращаешся къ сердцу. Нѣтъ другаго пути для крови; для совершенія своего круга, она должна всякій разъ проходить чрезъ легкія. Потому-то птицы и звѣри не могутъ, подобно гадамъ и своимъ собственнымъ зародышамъ, пробыть долгое время безъ дыханія, или что все равно, при сжатомъ состояніи легкихъ. Очевидно, *птицы и звѣри въ отношеніи къ сосудамъ суть гады, рожденные на свѣтъ, или вышедшіе изъ яйца.*

Сравненіе сіе не есть произведеніе воображенія, не есть простое риторическое украшеніе: справедливость сего мнѣнія будетъ очевидна, если мы обратимъ вниманіе не на одни сосуды, но на все тѣло гадовъ,

птицъ, звѣрей. Части, или органы гадовъ, мягки и гибки; свойства сіи способствуютъ свободному кровообращенію въ ихъ тѣлѣ, и тѣмъ самымъ предупреждаютъ твердость и сухость частей, сіи печальные признаки старости, замѣченные въ птицахъ и звѣряхъ; это доказываютъ хрящеватый ихъ оставъ, скорое развитіе органовъ, почти неостанавливающійся ростъ, обиліе крови и другіе свойства младенческаго возраста. Однимъ словомъ: гады всегда молоды, всегда находятся въ состояніи зародыша, плавающаго въ водахъ своей матери. Классъ животныхъ водяныхъ, говоритъ Вирей, представляетъ дѣтскій и первоначальный возрастъ животнаго царства, тогда какъ звѣри представляютъ его возмужалость, а человѣкъ есть, такъ сказать, благоразумная и опытная старость того же царства животныхъ.

Повторяемъ: птицы и звѣри суть гады, рожденные на свѣтъ или вышедшіе изъ яйца. Ими *насиживаніе* оканчивается.

Такимъ образомъ жизнь сердца, сокрытая, таящаяся въ возможности бытія въ нистей области животнаго царства, и въ первый разъ возникшая въ насѣкомыхъ, достигла предназначеннаго себѣ совершенства въ пти-

цахъ и звѣряхъ. Наблюдая разнообразныя степени бытія, сіи различные періоды жизни одного и того же сердца, находимъ, что они представляютъ собою какъ бы безпрерывную борьбу между двумя противоположными силами, расширительною и сжимательною; первая растягиваетъ его въ линію, другая, наоборотъ, силится сомкнуть его въ сферу; и если мы представимъ себѣ рядъ таковыхъ безпрерывныхъ растягиваній и сжатій, то это будетъ совершенное подобіе біющагося сердца, это systole и diastole cordis великаго организма — животнаго царства.

Жизнь, облекшаяся въ вещество, при развитіи сложнѣйшихъ степеней бытія, сама постепенно осложняется въ своихъ дѣйствіяхъ; нисхожденіе жизни, на обыкновенномъ языкѣ называемое *смертію*, происходитъ обратнопостепеннымъ опъяніемъ дѣйствій и разоблаченіемъ въ простѣйшія формы; здѣсь начало сливается съ концомъ. Очевидно, дѣйствія жизни восходящей должны быть одинаковы съ дѣйствіями нисходящей жизни, или смерти, только въ обратномъ отношеніи. Это общій законъ природы, ведущей начало свое отъ Бога живаго, не измѣняется и для *жизни* сердца. Физіологическія наблюденія показываютъ, что изъ всѣхъ мышицъ, на пр. въ

ницахъ, сердце и прежде *ушко* его *первое* начинаетъ дѣйствовать (Прево и Дюма начашки сердца, замѣчаемые въ первое время насиживанія яйца, принимаютъ за ушко); напротивъ, при исчезаніи жизни, или точнѣе при нисхожденіи ея на низшія степени, всѣ произвольныя дѣйствія мышцъ останавливаются прежде, нежели сердце прекратитъ свои движенія, а ушко движется и въ то время, когда въ желудочкахъ сердца жизнь уже исчезла. Очевидно, ушко удерживаетъ за собою права своего происхожденія; жизнь сердца имъ началась, имъ и кончилась; или изъ единства перешла въ разнообразіе, потомъ совершивъ періодъ своего существованія и какъ бы упомянная своимъ поприщемъ, она нисходитъ по тѣмъ же степенямъ, по коимъ восходила, достигаетъ первичной своей формы, смыкается въ ушко и успокояется. Это *смерть* сердца.

Многоразличіе сосудовъ, съ сей точки зрѣнія разсматриваемое, единится въ одно гармоническое цѣлое; всѣ отпрѣнки въ образованіи сердца проникнуты одною мыслію, и не смотря на внѣшнее разнообразіе, соединены внутреннимъ единствомъ. И можетъ ли быть иначе? Въ природѣ каждый органъ,

каждая часть есть необходимый, дополнительный звукъ къ общей гармоніи мірозданія!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Въ недавнія времена Дрезденскимъ Профессоромъ Карусомъ открыто обращеніе безцвѣтной крови въ личинкахъ нѣкоторыхъ сѣтчатокрылыхъ насѣкомыхъ (neuroptera), преимущественно въ прозрачныхъ хвостовыхъ пластинкахъ личинки *agrion virgo*, и въ личинкахъ *поденокъ* или *ефемеръ*. Впрочемъ всѣ сіи кровеносные пути, по наблюденію того же ученаго испытателя, болѣе исчезаютъ въ клѣтчаткѣ, нежели идутъ въ какіе-либо особенные сосуды.

2. У кольчатниковъ (пьявокъ) *красная* кровь обращается въ четырехъ продолговатыхъ стволахъ: одинъ *спинной*, другой *брюшной* и два *боковыхъ*; сіи четыре главные ствола сообщаются между собою не только волосными сосудами, но еще особенными вѣтвями значительнаго діаметра, которыя идутъ прямо отъ одного кровеноснаго ствола къ другому. По наблюденіямъ Андоссіи, обращеніе крови совершается такъ: боковые стволы принимаютъ въ себя кровь отъ всѣхъ частей тѣла, и относятъ ее къ органамъ дыханія, гдѣ она окислотворяется; потомъ небольшая часть сей окислотворенной крови возвращается снова къ боковымъ стволамъ, между тѣмъ какъ другая, гораздо значительнѣйшая, идетъ къ спинному стволу, потомъ къ брюшному, который направляетъ ее ко всѣмъ частямъ

тѣла; оттуда она снова возвращается къ боковымъ сиводамъ, несущимъ ее къ органамъ дыханія.

3. Сердце крабовъ пригранное, состоитъ изъ мышечныхъ волоконъ, идущихъ по разнымъ направленіямъ, пересѣкающихся между собою и соединенныхъ общею перепонкою тонкою и прозрачною (= *около-сердію* высшихъ животныхъ); внутри сіи волокны образуютъ небольшія углубленія при самомъ началѣ, или точнѣе сказать, при окончаніи различныхъ сосудовъ; числомъ ихъ *восемь:* два боковыхъ *для жабро-сердечныхъ артерій;* три переднихъ *для глазной и зраковыхъ;* два нижнихъ *для печеночныхъ*, наконецъ среднее *для грудной артеріи.* Отъ сердца кровь несется артеріями ко всѣмъ частямъ тѣла; гдѣ оканчиваются артеріи, тамъ получаютъ начало свое вены. Стѣнки венъ чрезвычайно тонки, и, кажется, состоятъ изъ нѣжнаго слоя клѣтчатки; ихъ можно отличить явственно только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ расширяются въ такъ называемыя *венозныя пазухи;* сіи принимаютъ въ себя всю массу венозной крови и передаютъ ее *приносящимъ сосудамъ* (vasa adferentia), лежащимъ съ наружной стороны жабръ; сіи вливаютъ ее въ пластинки сего органа. Окислотворенная кровь переходитъ въ *сосуды относящіе* (vasa deferentia), находящіеся на внутренней сторонѣ тѣхъ же жабръ. Оттуда она поступаетъ въ артеріи жабросердечныя (branchii-cardiacae), оканчивающіяся въ сердцѣ съ обѣихъ его сторонъ. Кровь въ крабникахъ получаетъ оттѣнокъ голубоватаго или розоваго цвѣта.

4. Кровь изъ одноушковаго и одножелудочнаго сердца рыбъ поступаетъ въ жаберную аршерію, которая на пути своемъ расходится на 2 вѣтви, изъ коихъ каждая даетъ четыре вѣтви (5 въ окашахъ), раздѣляющіяся въ жаберныхъ пластинкахъ; здѣсь кровь приходитъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ и окислотворяется; тончайшія вѣтви венозныя переходятъ въ аршеріозныя, которыя, соединившись въ четыре ствола, выходятъ изъ жабръ, и на пути своемъ даютъ значительныя вѣтви шеѣ, головѣ, сердцу, потомъ соединяются въ одинъ общій стволъ нисходящую аорту, которая, проходя подъ самымъ позвоночникомъ, даетъ небольшія аршеріи въ полости груди и живота, наконецъ теряется въ плавательномъ перѣ около порошицы.

5. Въ низшихъ гадахъ, имѣющихъ сердце одноушковое, одножелудочное (у лягушекъ), легочные кровеносные сосуды суть вѣтви шѣхъ, которыя расходятся по всему тѣлу; у высшихъ гадовъ (змѣй, черепахъ и ящерицъ) они образуютъ отдѣльные стволы; однако легочная вена и въ нихъ, не далеко отъ сердца, соединяется съ веною, несущею кровь отъ всего тѣла (*полою* или *общею*); соединеніе сіе образуетъ узкій *артеріальный каналъ* (*canal arteriel* Meck.). Аорта изъ сердца выходитъ двумя стволами (у лягушекъ однимъ, потомъ раздѣляющимся на два), которые направляются къ задней части туловища, и подъ самымъ позвоночникомъ сосставляютъ одинъ.

II. СЛОВЕСНОСТЬ и ИСКУССТВА.

А. ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

3. Начало и составъ слова.

Лекція Профессора Давыдова.

Слово, въ значеніи языка, можетъ быть разсматриваемо въ двухъ различныхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ совершенная система знаковъ, служащихъ *выраженіемъ мысли;* во-вторыхъ, какъ *развитіе и образованіе* сего выраженія. Первый способъ изслѣдованія слова составляетъ его *теорію*, второй *исторію.*

Каждый изъ сихъ способовъ изслѣдованія слова бываетъ *общимъ* или *частнымъ;* въ первомъ случаѣ разсматриваются общіе законы и начало *слова человѣческаго;* во второмъ излагаются правила и происхожденіе *языка одного* какого-либо народа.

Прежде, нежели приступимъ къ изслѣдованію начала и законовъ языка отечествен-

наго, взглянемъ на начало и составъ слова человѣческаго вообще (*).

Наблюдая дивное строеніе слова, многіе недоумѣваютъ касательно начала его: какимъ образомъ оно родилось, зрѣло и приходило въ совершенство. Иные предполагаютъ первобытное состояніе человѣка дикимъ, разсѣяннымъ, чуждымъ связей жизни общественной и взаимнаго сообщенія чувствованій: и въ этомъ состояніи дикости приписываютъ человѣку произвольное, искусственное изобрѣтеніе языка. Другіе, замѣчая во всѣхъ языкахъ, при всемъ разнообразіи отдѣльныхъ выраженій, удивительное сходство и единство въ составѣ и строеніи, почитаютъ слово внушеніемъ и даромъ небеснымъ. Но и сіи, принимая постепенное развитіе слова какъ дара, съ междометій до полной системы языка, также доходятъ до необходимости предполагать какое-то первобытное, дикое состояніе человѣка, будтобъ выражавшагося нѣ-

(*) *Примѣч.* Въ продолженіе печатанія сей лекціи, читанной въ истекшемъ году, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ встрѣтилъ я въ послѣднемъ Прибавленіи къ Одесскому Вѣстнику сего года, №0 23, подтвержденіе мыслямъ своимъ, въ прекрасной статьѣ: *о словѣ и языкѣ вообще.*

сколько времени однѣми восклицаніями. Въ древности первое мнѣніе принадлежало Порпшику, второе — Академіи. Въ новѣйшія времена оба мнѣнія въ свою очередь имѣли послѣдователей: Платоново поддерживаемо было между прочими Блеромъ.

Нелѣпость перваго мнѣнія очевидна; потому что вмѣстѣ съ онымъ надлежало бы предположить составъ языка безъ общества. Трудно, слѣдуя мнѣнію другихъ, представить существованіе первыхъ обществъ безъ образовавшагося языка. Въ самомъ началѣ, говорятъ, возбуждались въ человѣкѣ ощущенія, для выраженія коихъ употреблялъ онъ восклицанія, мало разнившіяся отъ крика звѣрей и послѣ названныя междометіями. Первымъ средствомъ къ изображенію предметовъ въ пространствѣ и дѣйствій во времени будто служило подражаніе звуками голоса, вторымъ — перенесеніе, метафора, или правильнѣе, сравненіе двухъ міровъ, вещественнаго и духовнаго. На семъ основаніи построены системы развитія слова человѣческаго въ различныхъ частяхъ рѣчи. Такъ н. п. утверждаютъ, что первая часть рѣчи была качественное имя, которое послѣ перешло въ существительное; за симъ изобрѣтенъ глаголъ *быть*, далѣе составлено нарѣчіе, наконецъ произошли пред-

логи и союзы. Вотъ, какимъ образомъ изъ одного невѣрнаго положенія выводится рядъ такихъ же заключеній! Къ чему всѣ подобныя гипотезы, когда предъ нашими глазами и сама природа человѣческая, и преданія Священнаго Писанія?

Было время, когда мыслители, забывъ о высокомъ происхожденіи человѣческомъ и о будущемъ предназначеніи, инстинктну животныхъ отдавали преимущество предъ собственными своими способностями. Отсюда странныя мнѣнія, будто человѣкъ зодчеству научился у бобра, у соловья музыкѣ; что прежде находился онъ въ состояніи дикомъ, звѣрскомъ: и это состояніе называли естественнымъ, первобытнымъ! Все, насъ окружающее, царство растительное и животное, представляетъ намъ существа, въ первые дни творенія созданныя совершенными, полными; одинъ человѣкъ, приписывая себѣ свое совершенствованіе, воображалъ безсловесное, первобытное состояніе!

Но не рожденъ ли человѣкъ для общества? Не есть ли слово необходимое для сего условіе? Не развивается ли оно вмѣстѣ съ развитіемъ высшихъ душевныхъ способностей, какъ даръ современный разуму? — Для разрѣше-

нія сихъ недоумѣній обращаемся къ природѣ человѣка и къ историческимъ преданіямъ Священнаго Писанія.

Обыкновенно начало и образованіе языка объясняютъ возрастами человѣка; несладное лепетанье младенца принимаютъ за первоначальное слово человѣчества. — Таковъ ли былъ первый властелинъ земли, вѣнецъ творенія Божіяго? Представше себѣ мысленно сего первенца — человѣка въ то самое время, когда взиралъ онъ на жизнь первыхъ дней, созерцалъ вселенную послѣ сотворенія ея Создателемъ, любовался первыми красотами природы: сей повелитель обнималъ умомъ своимъ весь міръ первобытный, какъ бы ожидавшій могущества его, вдохновеннаго въ него самимъ Божествомъ. Онъ не вѣдалъ дѣтства и отрочества; онъ явился въ міръ съ полнымъ развитіемъ силъ и способностей, запечатлѣнный образомъ и подобіемъ своего Творца. Какъ гражданинъ земли и неба, онъ, при первомъ появленіи своемъ, покорилъ землю разумомъ; какъ властитель вещественнаго міра, на каждомъ твореніи назнаменовалъ высокое происхожденіе свое словомъ: „и всяко еже аще нарече Адамъ душу живу, сіе имя ему.“ (Моисея кн. Быт. II, 19.)

Обозримъ способности наши отъ рожденія и до полнаго ихъ раскрытія: проходя различныя степени развитія мыслящей способности, мы увидимъ, что слово является въ томъ періодѣ; когда вполнѣ раскрывается собственно человѣческое бытіе; а развитіе слова, согласное съ развитіемъ разума, откроетъ намъ и составъ слова человѣческаго.

Съ раскрытіемъ орудій чувствъ на внѣшніе предметы происходятъ представленія, еще неопредѣленныя, смѣшенныя. Два противоположныя въ насъ направленія: *знаніе*, все въ себѣ сосредоточивающее, и *хотѣніе*, все изъ себя изводящее, въ первые моменты жизни не показываютъ раздѣльнаго дѣйствія. Знаніе обнаруживается только въ чувствахъ, въ ощущеніи впечатлѣній; хотѣніе является въ естественныхъ побужденіяхъ. Симъ начинается великое дѣло человѣка — изученіе міра. Здѣсь образуется *сознаніе:* внѣшняя природа отдѣляется отъ ощущеній собственнаго бытія, но еще неявственно, неопредѣленно. Это періодъ жизни инстинктуальной, періодъ чувственности, еще поглощающей въ себѣ и познавательную способность, и желательную.

Очевидно, что въ семъ періодѣ не можетъ развиваться слово, проявленіе ума и воли, или выраженіе мысли.

Съ бо́льшимъ развитіемъ бытія нашего начинаютъ обнаруживаться отдѣльныя ощущенія. Тутъ происходитъ опредѣленное дѣйствіе чувствъ; за симъ въ одномъ и томъ же чувствѣ замѣчаются разности; наконецъ въ каждомъ чувствованіи различаются степени: слабыя ощущенія отдѣляются отъ сильныхъ, вялыя отъ живыхъ и т. п. Это можно назвать періодомъ образованія, сравненія и различенія впечатлѣній. Сіи дѣйствія совершаются какъ бы непроизвольно. Впечатлѣнія, извнѣ получаемыя, располагаются въ извѣстномъ порядкѣ, однако безъ всякаго разумѣнія. Съ раскрытіемъ чувствъ на видимый міръ, какъ стихій познавательной способности, раскрывается хотѣніе въ видѣ простаго влеченія; и человѣкъ скоро начинаетъ обращаться то къ тому, то къ другому предмету предпочтительно, обнаруживать удовольствіе или неудовольствіе.

И здѣсь еще не развивается слово, вмѣщающее въ себѣ всѣ пріобрѣтенія, какія мы собираемъ изъ внѣшней природы и внутренней своей дѣятельности.

Въ продолженіе сего періода, всѣ отношенія качествъ и количествъ, изъ нѣ получаемыя, образуются, сравниваются и различаются; изъ сего уже составляется опредѣленное чувственное ощущеніе, воззрѣніе и побужденіе; изъ нихъ производится *представленіе*, или совокупленіе разнообразныхъ отношеній въ единство; вмѣстѣ съ симъ пробуждается *познаніе*, или рѣшительное различеніе собственнаго бытія отъ внѣшнихъ предметовъ. Рядъ дѣйствій души, совершенно раскрытыхъ, состоитъ изъ *ощущенія*, *воззрѣнія* и *побужденія*.

Съ образованіемъ представленія, когда каждый предметъ въ отношеніи къ ощущенію, воззрѣнію и побужденію, замѣчается отдѣльно отъ другихъ, начинается дальнѣйшее развитіе — рождается *воображеніе*. Посредствомъ сей чудной способности, къ которой относится и *память*, всѣ впечатлѣнія, приведенныя въ представленія, сохраняются, возобновляются и производятъ новыя, изящнѣйшія. Помощію воображенія всѣ представленія оживаютъ въ насъ, оставляя на себѣ образы чувственнаго воззрѣнія. Оно замѣняетъ намъ весь видимый міръ; чѣмъ зрѣніе н. п. восхищается во внѣшней природѣ, тѣмъ же мы посредствомъ вообра-

женія наслаждаемся и въ отсутствіи предметовъ, насъ поражавшихъ; однажды приобрѣтя ощущенія отъ видимаго міра, мы носимъ ихъ въ себѣ самихъ, въ нашихъ представленіяхъ. — Дѣйствіе души, современное воображенію, есть желаніе; съ образованіемъ представленія и съ возобновленіемъ онаго въ воображеніи, обнаружившееся побужденіе переходитъ въ желаніе. Сію степень развитія душевныхъ способностей составляютъ *представленіе, воображеніе и желаніе;* въ первомъ выражается способность познаванія, во второмъ — чувства, въ третьемъ — хотѣнія. — Новая степень дѣйствій души основывается на предъидущей, состоящей изъ ощущенія, воззрѣнія и побужденія. Ясно, что ощущеніе переходитъ въ представленіе, воззрѣніе — въ воображеніе, побужденіе — въ желаніе. Съ раскрытіемъ способностей сей новой степени изъ познанія уже образуется *самопознаніе* — степень, на которой стоитъ разумное существо. Въ самопознаніи обнаруживаются дѣйствія умственныя, какъ произведенія лица и какъ предметъ отчетнаго разумѣнія. Здѣсь мы уже видимъ человѣка съ возженнымъ пламенникомъ въ рукѣ, готовящагося разсѣвать мракъ, доселѣ надъ нимъ тягостѣвшій, и побѣдить силу природы могуществомъ раз-

ума. До сей степени человѣкъ въ самомъ себѣ воспринимаетъ впечатлѣнія и приводитъ ихъ въ порядокъ или подражаетъ дѣйствіямъ и словамъ другихъ; но съ сей поры онъ получаетъ способность отчетнаго вниманія, и представленія свои дѣлаетъ предметомъ сравненій. Доселѣ многоразличныя ощущенія соединяются въ представленія; но съ сей поры представленія переходятъ въ *понятія* — и тутъ пробуждается собственно *разумѣніе*.

Съ пробужденіемъ разумѣнія способности человѣка познавательная, нравственная и чувственная получаютъ высшее значеніе: первая становится *мышленіемъ*; вторая приобрѣтаетъ опредѣленный *характеръ*; третья согрѣвается теплотою *чувствованій*. Здѣсь дѣйствія души выражаются во всей полнотѣ и опредѣленности; умъ воспринимаетъ истинное, и подчиняетъ оное законамъ; сердце стремится къ доброму; чувство исполняется изящнымъ. Такимъ образомъ представленіе преобразуется въ *понятіе*, воображеніе — въ *чувство*, желаніе — въ *склонность*, и все самопознаніе возвышается до *Богопознанія*.

Вотъ періодъ полнаго развитія души, подверженной многообразному вліянію на нее какъ внѣшняго міра чрезъ чувства, такъ и жизненныхъ дѣйствій всего организма. Здѣсь

дѣятельность душевная является во всѣхъ измѣненіяхъ, воспринимаетъ всѣ виды духовной жизни. Съ развитіемъ высшихъ силъ душевныхъ развивается *слово*, и въ немъ выражается безпрестанное стремленіе духа превращать внѣшнюю природу въ свою внутреннюю, подчинять оную законамъ ума, и обратно внутреннее сообщать подобнымъ себѣ существамъ. Здѣсь наконецъ разверзается новый міръ — міръ словъ. Мысль сама въ себѣ и въ сущности своей безпредѣльна; посредствомъ только ограниченія становится она для сознанія опредѣленною. Посредствующій знакъ между мыслію и сознаніемъ, замѣняющій собою самую мысль, есть *слово* и символъ слова, *письмо*.

Такъ человѣкъ приближается къ высокому назначенію своему! При сіяніи въ немъ свѣта неземнаго, но свѣта Божественнаго, наступаетъ періодъ *разума*, *творческаго воображенія* и *воли*. Разумъ открываетъ общіе законы истины; воображеніе творитъ идеалы изящнаго; воля дѣйствуетъ по правиламъ добродѣтели. Сведя въ себя всю видимую природу, онъ устремляетъ взоръ свой отъ видимаго къ невидимому; чувствуетъ, что этой земли для него недостаточно: и *Вѣра*, знаменіе души безсмертной, указуетъ ему путь къ Небу, къ жизни другой;

вѣчной; мысль, облеченная въ слово земное, вся погружается въ Слово небесное.

И такъ предъ самимъ Творцемъ явилось въ первомъ человѣкѣ откровеніе ума, или родилось слово, раскрылся духъ въ непосредственномъ явленіи, признакъ и залогъ высокаго происхожденія и назначенія человѣка. Постепенное изслѣдованіе душевныхъ способностей открываетъ, что *слово современно полному развитію разума;* ибо мышленіе есть не иное что, какъ внутренній разговоръ, и на оборотъ, слово есть мышленіе въ явленіи посредствомъ звуковъ. Въ числѣ совершенствъ перваго человѣка заключается и *слово, вдохновеніе свыше, даръ Божій.* Съ первымъ человѣкомъ произошла вся полная система языка. Разумъ, явившійся въ дарѣ слова, какъ свѣтъ, отражающійся съ начала вселенной одними и тѣми же цвѣтами, выразился тѣми частями слова, которыя доселѣ составляютъ стихіи всѣхъ языковъ.

Если слово служитъ мысли внѣшнимъ органомъ, посредствомъ котораго ощущенія и воззрѣнія образуются въ представленія, сіи въ понятія, сужденія, умозаключенія, наконецъ въ системы, науки: то оно должно представлять составъ и строеніе, высшее всякаго художественнаго произведенія духа на-

шего, и, какъ вся природа, въ единхіяхъ своихъ должно быть просто, однообразно. На основаніи предъидущихъ изслѣдованій касательно начала слова, раскроемъ его законы, коихъ подробнѣйшее разсмотрѣніе относится къ Аналитикѣ слова общей. Таковыя изслѣдованія необходимы для объясненія отличительныхъ свойствъ языка отечественнаго. Иные почитаютъ сію часть Словесности ученіемъ дѣтскаго, и не обращаютъ на нее надлежащаго вниманія. Но когда представимъ себѣ, что въ наукѣ о выраженіи мысли содержится совокупность воззрѣній и понятій нашихъ, изображеніе умственнаго богатства мыслей, нравственныхъ движеній и чувствованій, всѣхъ познаній и искусствъ: тогда согласимся, что составъ и строеніе языка вообще и языка отечественнаго заслуживаютъ тщательнаго изученія. „Не должно“ говоритъ Квинтиліанъ: „пренебрегать законами языка: и почитать ихъ маловажными. Конечно, не трудно различать согласныя отъ гласныхъ, а сіи раздѣлять на полугласныя и безгласныя; но кто проникнетъ въ глубину сего ученія, тотъ найдетъ предметы, достойные вниманія, которые не только могутъ изощрять умъ юный, но и занимать людей просвѣщенныхъ и ученыхъ.“

Въ составѣ слова первый вопросъ представляется о числѣ *частей онаго*. По свидѣтельству *Квинтиліана* (кн. I, гл. 6), *Аристотель* и *Θеодектъ* принимали только три части рѣчи: глаголы, имена и соединенія (convinctiones), т. е. въ глаголахъ полагали *силу* (vim) рѣчи, въ именахъ *матерію* (materiam), въ соединеніяхъ совокупность (complexum) тѣхъ и другихъ. Въ послѣдствіи времени Стоики увеличили это число: къ соединеніямъ прибавили члены, потомъ предлоги; къ именамъ — прилагательныя, потомъ мѣстоименія; наконецъ къ глаголамъ присоединили причастія и нарѣчія.

Платонъ въ своемъ Софистѣ, и *Аполлоній*, Synt. L. 1. c. 3., принимали двѣ части рѣчи: имя и глаголъ, называя ихъ *τὰ ἐμψυχότατα μέρη τοῦ λογοῦ*.

Присціанъ, кн. 2, говоритъ: Partes igitur orationis sunt secundum Dialecticos duae: nomen et verbum; quia hae solae etiam per se conjunctae plenam faciunt orationem; alias autem partes *συγκατηγορήματα*, h. e. consignificantia, appellabant.

Въ Еврейскомъ и Арабскомъ языкахъ принимаютъ три части рѣчи: имя, глаголъ и частицы.

Аристотель прибавляетъ къ нимъ членъ. Ему слѣдуетъ Гаррисъ.

Валлисъ, Лоншъ, Бели, Жирардъ, Бозе опредѣляютъ прилагательныя отъ имени существительнаго.

Что касается до члена, то Валлисъ, Санкцій, Бозе соединяютъ его съ прилагательнымъ.

Санкцій и Буффье смѣшиваютъ мѣстоименія съ именемъ.

Гаррисъ дѣлаетъ изъ причастія особенную часть рѣчи.

Санкцій не принимаетъ междометія за особую часть рѣчи.

Что показываетъ такое разнорѣчіе ученыхъ? Неопредѣленность и сбивчивость понятій о частяхъ слова.

И такъ необходимо разсмотрѣть сіи части слова, притомъ въ отношеніи: а) къ существеннымъ ихъ *отличіямъ* и b) *измѣненіямъ*. Таковое разсмотрѣніе представитъ общій *составъ слова*.

Если части слова суть стихіи рѣчи, безъ которыхъ не льзя выразить умозаключенія: то такихъ стихій должно быть столько, сколько необходимо составныхъ частей для всего дѣйствія разума, которому слово служитъ развитіемъ. Для сужденій же необходимы: во-первыхъ, названіе вещи или лица;

во-вторыхъ, означеніе ихъ бытія и дѣйствія; слѣдовательно основныя части рѣчи, или спихіи: 1) *имя* и 2) *глаголъ*. Подъ первымъ мы разумѣемъ названіе предметовъ, или понятій о нихъ; подъ вторымъ — выраженіе бытія и дѣйствія. Но какъ вещи и лица, такъ бытіе и дѣйствіе различаются по качеству, количеству и отношеніямъ: то нужны второстепенныя части рѣчи, для выраженія сихъ условій: опредѣленіе качества, количества и отношеній именъ показываютъ 3) *прилагательныя*; качество, количество и отношеніе бытія и дѣйствія показываютъ 4) *нарѣчія*.

Очевидно, что *числительныя* не составляютъ особой спихіи языка; онѣ суть не иное что, какъ количественныя прилагательныя. Сверхъ того между прилагательными есть такія, кои показываютъ отношенія предметовъ и качество.

Двѣ части рѣчи, прилагательное и нарѣчіе, именно суть второстепенныя спихіи языка; потому что ихъ необходимость условливается спихіями основными — именемъ и глаголомъ.

Имена назвали мы изображеніями предметовъ и понятій; но сіи изображенія обыкновенно бываютъ или общія, или частныя; единичныхъ

изображеній языкъ не имѣешь: онѣ потребовали бы безчисленнаго множества словъ. Во всѣхъ языкахъ есть названіе, н. п. *пера;* но особыхъ названій для всѣхъ перьевъ, которыми мы писали вчера, которыми пишемъ сегодня, — такихъ названій языкъ не имѣешь. Вмѣсто сего мы употребляемъ нѣсколько мѣстоименій, замѣняющихъ безчисленное множество словъ. Точно такая же потребность въ ограниченіи бытія и дѣйствія относительно къ различенію лицъ посредствомъ реченій: *я, вы.* Отсюда особая часть слова: 5) *мѣстоименіе.* Изъ сего очевидно, сколь невѣрно обыкновенное опредѣленіе мѣстоименій. Говорятъ, что это часть рѣчи, поставляемая вмѣсто имени. Такъ кажется по ея названію. Но изъ предъидущаго слѣдуетъ, что мѣстоименія служатъ *опредѣленіемъ* одного извѣстнаго предмета изъ многихъ однородныхъ, или одного лица дѣйствующаго изъ многихъ, посредствомъ указанія, или ограниченія, или исключенія.

Въ нѣкоторыхъ языкахъ есть *членъ:* это видъ сихъ опредѣлительныхъ словъ, или мѣстоименій.

Сверхъ сихъ частей слова, остальныя во всѣхъ языкахъ: 6) *предлоги* и 7) *союзы*, употребляются первые для означенія взаим-

ныхъ отношеній предметовъ въ пространствѣ; вторые, для означенія отношенія дѣйствій во времени. Безъ предлоговъ не льзя представить себѣ предметовъ въ совокупности, въ различномъ отношеніи ихъ между собою; напротивъ, посредствомъ предлоговъ изображаются взаимныя отношенія, принадлежность одного предмета къ другому. Точно также безъ союзовъ мы не могли бы изобразить связи и послѣдовательности дѣйствій и бытія предметовъ; посредствомъ союзовъ одно дѣйствіе представляемъ предъидущимъ, другое послѣдующимъ; въ самыхъ предметахъ ими означается послѣдовательность, въ какой изображаются предметы въ нашемъ умѣ.

Причастія обыкновенно принимаются за особенную часть слова; но собственно онѣ принадлежатъ къ измѣненіямъ глагола. Вмѣсто причастій, особою частію рѣчи должно почитать прилагательныя. То же должно сказать и о другихъ измѣненіяхъ глагола, сходныхъ съ причастіями, каковы такъ называемыя *дѣепричастія*.

Междометія не иное что, какъ нарѣчія, относящіяся къ опредѣленію состоянія духа, или средняго глагола.

Какія измѣненія сихъ *семи* частей слова во всѣхъ языкахъ и въ нашемъ отечественномъ?

Имена во всѣхъ языкахъ подвержены трояkому измѣненію: въ числѣ, родѣ и падежѣ. Что касается до числа, то въ Еврейскомъ и Греческомъ употребительно было и двойственное число, встрѣчающееся у насъ въ Славяноцерковномъ. Блеръ изъясняетъ употребленіе двойственнаго числа тѣмъ, что въ первыя времена возраста человѣческаго не было числительныхъ, а главныя отличія счисленія состояли только въ словахъ: одинъ, два, много. Это одно изъ тѣхъ заблужденій, до которыхъ доводитъ мнѣніе условнаго строенія языка, отъ междометій до поэмы. Напротивъ, въ двойственномъ числѣ мы видимъ роскошь изображеній, нѣкоторую утонченность въ оттѣнкахъ выраженій, а не скудость понятій. Человѣкъ, наблюдавшій себя и природу, невольно пораженъ былъ *двойствомъ*, повсюду господствующимъ, каково двойство по́ла, частей тѣла и симметричность животнаго организма; встрѣчая таковое двойство, онъ долженъ былъ его выражать.

Родъ основывается на различіи по́ловъ. Названія предметовъ неодушевленныхъ должны бы собственно принадлежать къ сред-

нему роду. Въ Англійскомъ языкѣ и, какъ извѣстно, въ Китайскомъ, сіе естественное различіе родовъ соблюдается; напротивъ, во Французскомъ и Италіанскомъ языкахъ средній родъ не существуетъ. Ясно, что причины раздѣленія предметовъ неодушевленныхъ по родамъ искать должно въ свойствѣ человѣка одушевлять всю природу, любоваться изображеніемъ себя самаго во всемъ, его окружающемъ. Сюда принадлежитъ и языкъ украшенный, состоящій въ уподобленіи всей природы человѣку.

Падежи служатъ къ выраженію взаимныхъ отношеній предметовъ. Способъ выраженія сихъ взаимныхъ отношеній въ разныхъ языкахъ различный. Въ нашемъ языкѣ, какъ въ Греческомъ и Латинскомъ, употребляются склоненія. Англійскій, Французскій и Италіянскій имѣютъ для сего предлоги. Первый способъ вообще свойственъ языкамъ первороднымъ, кореннымъ. Очевидно, что сей же способъ имѣетъ преимущество предъ вторымъ. Безпрестанное повтореніе предлоговъ, замѣняющихъ падежи, производитъ въ рѣчи шероховатость; напротивъ, перемѣны въ окончаніяхъ именъ составляютъ пріятнѣйшее разнообразіе. Главная выгода падежей состоитъ въ томъ, что отъ нихъ въ рѣчи про-

исходишъ свободное словорасположеніе, придающее рѣчи силу и живость.

Мѣстоименія, какъ выше замѣчено, служатъ къ точнѣйшему опредѣленію лицъ и вещей: посему онѣ должны подвергаться однакимъ граммапичѣскимъ измѣненіямъ вмѣстѣ съ лицами и вещами, то есшь, въ числѣ, родѣ и падежахъ. Мѣстоименія перваго и второго лица ни въ одномъ языкѣ не различаются по родамъ; пошому что упошребляются лицами, между собою разговаривающими, гдѣ различеніе пола сшановишся излишнимъ. Но шрешье лице, ошносящееся къ лицамъ ошсушсшвующимъ, имѣешъ роды, что дѣйсшвишельно необходимо для ясносши и опредѣленносши рѣчи.

Прилагашельныя шакже, какъ означеніе качесшвъ лицъ и вещей, подвержены всѣмъ измѣненіямъ именъ, съ кошорыми онѣ соединяются въ числѣ, родѣ и падежахъ: эшо, вѣроящно, подало поводъ принимашь ихъ за одну часшь рѣчи съ именами, шѣмъ болѣе что качесшво и въ природѣ нераздѣльно соединено съ предмешомъ. Сверхъ шого, какъ выраженія качесшвъ, онѣ должны различашься по сшепенямъ превосходсшва, какъ въ природѣ различаются качесшва. Въ эшомъ нашъ ошечесшвенный

языкъ, на что послѣ обратимъ вниманіе, имѣетъ преимущество предъ всѣми извѣстными образованными языками.

Обращаемся къ глаголу, части слова многосложнѣйшей и прудпѣйшей. Имя и глаголъ, какъ тяжесть и свѣтъ въ мірѣ физическомъ, два первоначальныя условія въ мірѣ словесномъ: въ нихъ заключается первое выраженіе слова человѣческаго. Вдеръ находитъ тожество въ значеніи глагола и прилагательныхъ, потому что въ выраженіи, н. п. *свѣтлое солнце* — онъ замѣчаетъ одну и ту же мысль, какую въ выраженіи: *солнце свѣтитъ*. Но это совершенно неправильно. Въ первомъ мы видимъ только свойство, тѣсно соединенное съ предметомъ; во второмъ дѣйствующее свойство этого предмета. Первое представляетъ предметъ, какъ вещество; второе — жизнь предмета. Одно нераздѣльно соединено съ предметомъ, находящимся въ пространствѣ; другое выражаетъ бытіе или дѣйствіе, продолжающееся во времени. Такъ какъ дѣйствіемъ опредѣляется самый предметъ; то часть рѣчи, показывающая дѣйствіе, по преимуществу называется *словомъ* — verbum. Онъ того глаголъ подверженъ именно такимъ измѣненіямъ, которыхъ и дѣйствія требуютъ.

Какими же условіями опредѣляется дѣйствіе? Въ предметѣ разсматриваемомъ или бывшіе, или дѣйствіе на другой предметъ, или дѣйствіе онъ другаго: отсюда различные *роды* глагола: средній, дѣйствительный и страдательный. Дѣйствіе взаимное и возвратное не составляетъ особаго рода: одно въ сущности имѣетъ значеніе дѣйствительнаго или средняго, другое — страдательнаго. Одинъ и тотъ же родъ глагола можетъ имѣть различные *виды*, смотря по тому, будетъ ли дѣйствіе однократное, многократное или неопредѣленное. Это свойство нашего языка общее съ Восточными языками. Сверхъ того одинъ и тотъ же видъ дѣйствія можетъ быть въ различныхъ отношеніяхъ, что выражается *наклоненіями*. Поелику глаголъ представляетъ собою и имя, и качество: то первому значенію его соотвѣтствуетъ наклоненіе *неопредѣленное*, второму — *причастіе*. Совершенное явленіе, или обнаруженіе дѣйствія содержится въ наклоненіи *изъявительномъ*, котораго виды: сослагательное, желательное, повелительное; отъ того всякій глаголъ разлагается на глаголъ самостоятельный *есть* и *причастіе*. Наконецъ опредѣлительность дѣйствія довершается *временами*, *лицами* и *числами*.

Совершеннѣйшее спряженіе безъ сомнѣнія то, которое выражаетъ всѣ тончайшіе оттѣнки дѣйствія, безъ помощи вспомогательныхъ словъ, но посредствомъ какого либо измѣненія. Напротивъ, способы спряженія посредствомъ вспомогательныхъ глаголовъ, предоставляющій выгоды со стороны краткости, не доставляетъ языку той пріятности, какую находимъ въ языкахъ, богатыхъ различными формами глагола. Система нашихъ спряженій, способная къ выраженію различныхъ оттѣнковъ дѣйствія посредствомъ однократнаго, многократнаго и неопредѣленнаго видовъ глагола, принадлежитъ къ совершеннѣйшимъ.

Вотъ основныя положенія касательно *начала и состава* слова — первой науки и перваго искусства! Изъ сихъ - то простыхъ началъ составляется дивный органъ всѣхъ нашихъ представленій, помышленій и чувствованій — даръ, вдохновенный въ перваго человѣка вмѣстѣ съ разумомъ, отъ разума непосредственно зависящій и взаимно ему необходимый. Искусство владѣетъ симъ могущественнымъ органомъ, вмѣщающимъ въ себѣ и наше исповѣданіе, и наши законы, и наши знанія, все для насъ драгоцѣнное и святое — скажу сравнительно, искусство играть на

сшоль превосходномъ инспрументѣ соединено съ глубокимъ познаніемъ ума и сердца. Совокупнымъ изслѣдованіемъ законовъ слова и мысли обращаешся сіе *искусство въ науку*, въ которой мы видимъ всѣ свои ощущенія, всѣ образовавшіяся понятія, всѣ внутреннія созерцанія — въ которой видна умственная жизнь и человѣка, и человѣчества.

И такъ симъ бѣглымъ взглядомъ на развитіе языка вообще, согласное съ развитіемъ высшихъ душевныхъ способностей, убѣждаемся касательно начала и состава онаго въ томъ, что *съ первымъ человѣкомъ произошла вся полная система слова*; отъ того во всѣхъ языкахъ, при всемъ ихъ разнообразіи въ обиліи, силѣ и изяществѣ, находится сходство и *единство въ составѣ*. Слово, одно изъ великихъ преимуществъ человѣка, есть даръ небесный.

В. ИСТОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

4. О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ.

Рѣчь Профессора Надеждина, произнесенная въ торжественномъ собраніи Университета, 1833 Іюля 6.

(Продолженіе).

Но между тѣмъ какъ, въ безмѣрной колыбели востока, младенчество рода человѣческаго цвѣло не созрѣвая, въ скромномъ, тѣсномъ уголкѣ земнаго шара, коего физическое образованіе едва успѣло довершиться а), пригоповлялся новый возрастъ жизни, новый періодъ всемірной исторіи, когда человѣчество должно было сдѣлать великій, рѣшительный шагъ на пути къ совершенству. Разумѣю благословенную страну Эллады, гдѣ укрѣпившаяся жизнь насладилась впервые самобытностью возмужалаго юношества. Много

а) Извѣстны преданія о потопахъ, Огиговомъ и Девкаліоновомъ, коими, во времена, не слишкомъ отдаленныя отъ историческихъ воспоминаній, довершено настоящее образованіе Греческаго полуострова.

было обстоятельствъ, сосредоточившихъ въ сей избранной странѣ кипящіе соки младенчествовавшаго человѣчества, дабы выработать изъ нихъ плоды сочные, зрѣлые. Природа щедро украсила ее своими прелестями, но не съ тою безмѣрною расточительностію, не въ томъ подавляющемъ обиліи и ослѣпительномъ блескѣ, какъ подъ знойнымъ небомъ тропиковъ. И какое-то неизъяснимое, инстинктуальное влеченіе весьма рано созвало сюда разноплеменныхъ пришельцевъ, кои, изъ различныхъ странъ первобытнаго міра, принесли съ собой различныя стихіи младенческаго образованія, сліявшіяся наконецъ въ одно стройное, могущественное одушевленіе. Разумѣется, требовалось время, дабы сей великій процессъ перерожденія совершился. Разнородныя стихіи, принесенныя съ утесовъ Тавра б) и береговъ Нила в); даже занесенныя невѣдомыми путями изъ таинственной глубины Индіи г), долго оставались въ

б) Промиѳей, родоначальникъ Эллиновъ, былъ прикованъ къ скалѣ Кавказа. Сіе имя въ древности означало всю систему Западно-Азіятскихъ горъ.

в) Данай и Кекропсъ, пришельцы изъ Египта.

г) Древняя связь Грековъ съ Индіею доказывается миѳомъ о Вакхѣ, воспитанномъ въ Индіи. Пѣснопѣнія, дошедшія до насъ подъ именемъ

хаотическомъ, неспройномъ броженіи: и потому древняя Эллада, въ продолженіе многихъ вѣковъ, раздѣляла общую судьбу первобытнаго человѣчества, жила всемірною младенческою жизнію. Тогда дѣйствія ея не отличались никакою печатью индивидуальности. Точно такъ же, какъ и вездѣ, мысль дремала подъ игомъ суевѣрія: общественная жизнь управлялась вдохновеніями оракуловъ, выражалась чудесами боговъ и подвигами героевъ. Отсюда само собою разумѣется, что и въ творческихъ художественныхъ опытахъ, коими ознаменовалось младенчество Эллиновъ, долженъ былъ отпечатлѣваться общій всемірный характеръ генія временъ первобытныхъ. Онѣ отличались нѣмъже дикимъ, гигантскимъ величіемъ, тойже грубою, чудовищною безобразностію. Архитектура громоздила глыбы на глыбы, въ исполинскихъ зданіяхъ, присвоемыхъ Циклопамъ, или нисходила подъ землю мрачными излучинами Лабиринта, приписываемаго отцу Эллинскихъ образовательныхъ искусствъ а); пластика ра-

---

Орфея, представляютъ въ себѣ разительное сходство съ Индійскими Пуранами. Позже и достовѣрнѣе путешествіе Пиѳагора въ Индію.

а) Строителемъ Критскаго Лабиринта считается *Дедалъ*, о комъ Греческія преданія

ботала грубыхъ безформныхъ Ермесовъ б) или обсѣкала исполинскія муміи, коими украшались древнія святилища Амиклеи в) и Эфеса г); звуки, выражавшіе полноту внутренняго одушевленія, раздавались въ неистовомъ эвое ванханокъ; Поэзія разливалась безбрежнымъ океаномъ нестройныхъ миѳовъ. Но сіе

повѣствуютъ, что онъ было вмѣстѣ зодчій и ваятель. Винкельманнъ, полагаясь на свидѣтельства Палефата и Діодора, вѣритъ, что онъ первый далъ ноги статуямъ. Беттигеръ напротивъ предполагаетъ, что имя сіе есть нарицательное имя *художника*, отъ *δαιδαλλειν*, искусно работать. Vorlesungen über die Archäologie, Dresd. 1806.

б) *Ερμαι*, грубыя изваянія безъ рукъ и безъ ногъ. Сія первоначальная форма кумировъ удержалась и въ цвѣтущую эпоху Греческаго искусства. Онѣ ставились передъ домами, на площадяхъ и большихъ дорогахъ. У Римлянъ назывались онѣ Termini, поелику ставились на межахъ и границахъ.

в) Колоссальный Амиклейскій *Аполлонъ*, для котораго огромный тронъ устроенъ Ватикломъ Магнезійскимъ, около временъ Солона. Онъ былъ вылитъ изъ металла; туловище его, совершенно цилиндрическое, имѣло видъ колонны.

г) Древній кумиръ Эфесской *Артемиды* или *Діаны* почитался упавшимъ съ неба, въ баснословныя времена Амазонокъ. Онъ представлялъ въ себѣ разительное сходство съ Египетскою Изидою; даже былъ обезображенъ, по примѣру ея, множествомъ сосцевъ.

хаотическое брожение творческой деятельности не должно было засыпать и окаменѣть въ грубыхъ напряженіяхъ Дедалидовъ а). Сжатіе разныхъ Эллинскихъ племенъ въ скудномъ пространствѣ небольшаго полуострова, подавая поводъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ, движеніямъ и переворотамъ, поддерживало въ нихъ непрерывное кровообращеніе жизни, возращало и крѣпило ихъ силы. Переселенія въ чужіе дальніе края, вынуждаемыя сею тѣсностію, естественно должны были расширить ихъ умственный кругозоръ, приучить къ наблюденію, обогатить опытами, приготовить къ стройному, систематическому развитію мыслей. Междоусобія, питаемыя тѣмъже столкновеніемъ нуждъ и интересовъ, были школою жизни общественной, вынуждая къ изслѣдованію пружинъ гражданскаго устройства, воспитывая практическую мудрость, узаконяя политическую гармонію дѣйствій. Такимъ образомъ въ Элладѣ родилось систематическое знаніе и стройная гражданственность: умъ и воля воспря-

---

а) Династія художниковъ, получившихъ свои имя отъ *Дедала*, между коими замѣчательны имена *Дипоа*, *Река* и *Стиллиса*. Имъ приписывается созданіе храма Самосской Иры и Эфесскаго Аршемизіона.

нули къ самобытной дѣятельности: жизнь просвѣтилась! Очевидно, то же самое должно было произойти съ Изящными искусствами. Въ грубой корѣ младенческихъ опытовъ, онѣ медленно зрѣли къ совершенству; но за то, подъ благодатными лучами просвѣщенія, развернулись вдругъ великолѣпными плодами, ознаменованными печатію роскошнаго изящества. Сія блистательная эпоха искусствъ, увѣковѣчившая славу Эллады, началась вмѣстѣ съ знаменитою Персидскою войною: но ея полное развитіе занимаетъ собою позднѣйшій періодъ, простирающійся между Периклемъ и Александромъ, золотой вѣкъ Эллинскаго просвѣщенія, торжество умственнаго образованія и гражданской дѣятельности, періодъ Сократовъ и Платоновъ, Алкивіадовъ и Эпаминондовъ. Считаю ненужнымъ исчислять предъ вами безчисленныя произведенія сей великолѣпной эпохи, кои единодушное благоговѣніе потомства признало вѣчными образцами изящества! Онѣ знакомы намъ отъ колыбели: ихъ воспоминанія всасываются нами съ первымъ молокомъ воспитанія! Кому не извѣстны, по крайней мѣрѣ по именамъ, безсмертныя созданія Фидіевъ и Праксителей, Зевксисовъ и Парразіевъ, Лизипповъ и Апелесовъ? Мы зашверживаемъ ихъ въ первыхъ

урокахъ нашего дѣтства! Что же составляетъ ихъ отличительное, характеристическое свойство? Чѣмъ отдѣляются онѣ отъ младенческихъ опытовъ первобытнаго человѣчества? Какое особенное направленіе въ нихъ господствовало? Разсматривая всѣ изящныя произведенія древняго Греческаго генія, не льзя не замѣтить въ нихъ опредѣленнаго единства идей и формъ, отличительно указывающаго на одинъ положительный первообразъ изящества, въ нихъ выражавшійся. Художественное одушевленіе временъ первобытныхъ не знало границъ и предѣловъ: оно изливалось, отъ полноты роскошествующей жизни, необузданнымъ, безбрежнымъ океаномъ, отражавшимъ въ себѣ нераздѣльно всю безграничную пучину бытія. Но въ созданіяхъ Эллинскаго возмужавшаго искусства обнаруживается добровольное самообузданіе, подчиняющее всѣ свои движенія разочтенной мѣрѣ, укладывающееся въ ограниченныя пропорціи, соображающееся съ опредѣленнымъ типомъ совершенства. Отсюда ихъ художественная, классическая докончанность. И сей опредѣленный типъ совершенства, сей положительный первообразъ изящества, очевидно составляла для нихъ внѣшняя матеріальная сторона бытія, чувственная гармонія фи-

зической жизни! Такъ и надлежало быть въ силу общаго значенія древней Эллады въ послѣдовательномъ развитіи Всемірной Исторіи! Эллинская жизнь представляетъ собою первое юношеское торжество человѣческой самобытности, прозябшее непосредственно изъ нѣдръ младенчества. И, по естественному порядку вещей, сіе первое торжество должно было обнаружиться устремленіемъ всѣхъ силъ къ наслажденію роскошнымъ богатствомъ внѣшней матеріяльной природы, въ нѣдрахъ коей зачинается, растетъ и процвѣтаетъ человѣческое младенчество. Сіе юношеское направленіе отразилось ощутительно во всѣхъ дѣйствіяхъ древнихъ Эллиновъ. Ихъ мыслительность, даже въ высшихъ идеяхъ Платонической Философіи, оставалась прикованною къ внѣшней, матеріяльной сторонѣ бытія; ихъ общественное устройство, въ самыхъ художественнѣйшихъ формахъ, изобрѣтенныхъ Ликургами и Солонами, ограничивалось согласіемъ низшихъ, физическихъ потребностей жизни. Чтожъ оставалось Искусствамъ? Разумѣется, онѣ должны были сдѣлаться выраженіями одушевленія, исключительно любующагося зримой красотой вещественнаго міра. И отсюда ихъ стройная соразмѣрность, свѣтлое благообразіе, изящ-

пая прелесть! Еще задолго до полнаго развитія Эллинской жизни, въ безсмертномъ эпосѣ національнаго слѣпца предобразилось во всей полнотѣ сіе направленіе. Иліада представляетъ въ себѣ торжественнѣйшій образецъ поэтическаго просвѣщенія жизни, въ изящныхъ пропорціяхъ и формахъ, олимпійскихъ по великолѣпному лику физической красоты. Это алмазная капля свѣжей утренней росы, въ коей лучезарный образъ внѣшней, матеріяльной природы, отразился всѣми своими лучами! И потому весь блистательный міръ Греческихъ искусствъ, въ эпоху ихъ роскошнаго цвѣтенія, былъ развитіемъ и продолженіемъ Иліады а). Ея великолѣпный Олимпъ, идеалъ эстетическаго апоѳеоза вещественной природы, воплощался въ чудныхъ созданіяхъ могучаго рѣзца и волшебной кисти; ея смертные и безсмертные герои, представители поэтическаго просвѣщенія физическихъ силъ, славословились звучными струнами лиръ, возвышались на трагическій котурнъ въ изящныхъ зрѣлищахъ; ея художественная, архитектоническая стройность, свѣтлый образъ

а) Замѣчательно, что разсвѣтъ блестящей эпохи Греческихъ искусствъ начинается со временъ Писистрата, когда Иліада собрана была изъ рапсодій въ одно цѣлое.

прекраснаго храма зримой вселенной, обрисовывалась прелестными пропорціями Зодчества. Это не значитъ, чтобы въ произведеніяхъ Греческаго генія не участвовала совершенно духовная сторона бытія, исключалось всякое вліяніе высшаго незримаго міра идей: только сіе вліяніе поглощалось лучезарнымъ блескомъ матеріяльныхъ формъ; незримый духъ исчезалъ въ ослѣпительномъ сіяніи преображеннаго вещества. И чѣмъ самобытнѣе, чѣмъ полнѣе, чѣмъ опрѣщеннѣе и чище развивалось творческое одушевленіе древнихъ Грековъ, тѣмъ ощутительнѣе выражалось въ нихъ торжество матеріи надъ духомъ, формъ надъ идеями а). Пробѣгите ис-

а) Направленіе къ матеріяльной красотѣ внѣшней природы, въ образовательныхъ Греческихъ искусствахъ, начало древнею *Эгинскою школою*, коей отдѣльное существованіе угадано впервые Винкельманномъ, по указаніямъ Павзанія. Основателемъ сей школы считается *Смилисъ*, современникъ будто бы Дедала. Она отличалась удивительною естественностію своихъ произведеній, хотя не совсѣмъ чуждою характера первобытной суровости и принужденности. Въ 1811 году составилось общество, изъ Нѣмцевъ и Англичанъ, для открытія памятниковъ сей школы, коихъ средоточіемъ былъ древній Эгинскій, приписываемый Эаку, храмъ Пан-Эллинскаго Зевеса, сохранившійся доселѣ въ великолѣпныхъ развалинахъ. По совѣту усерд-

торію постепеннаго развитія идеала физической красоты въ художественныхъ созданіяхъ Греческой пластики. Изъ суроваго дика первобытной Эллады, умягчаясь мало по малу въ величественныхъ физіономіяхъ Дорической Иры а) и Аттической Паллады б), идеалъ сей достигъ наконецъ своего совершеннѣйшаго раз-

---

нѣйшаго изъ членовъ, Баварскаго Архитектора Барона Галлера фон-Галлерштейнъ, памятники сіи куплены Баварскимъ Крон-Принцемъ, нынѣшнимъ Королемъ, и, возстановленные знаменитымъ Торвальдсеномъ, помѣщены въ такъ называемой *Эгинской Залѣ* великолѣпной Минхенской Глиптотеки. Всѣхъ открытыхъ и выставленныхъ фигуръ считается теперь до семнадцати. Онѣ принадлежатъ къ двумъ группамъ, кои, по мнѣнію антикваріевъ, изображали двѣ важнѣйшія сцены изъ героической исторіи Эакидовъ, войну Троянскую и битву Саламинскую. Главнѣйшее изъ нихъ изображеніе *Паллады*, присутствующей при обоихъ сраженіяхъ въ качествѣ покровительницы Эакидовъ, величиною нѣсколько больше обыкновеннаго человѣческаго роста.

а) *Ира* или *Юнона*, коей великолѣпнѣйшее изваяніе создано Поликлетомъ для Аргоса, представляла идеалъ величественной жены (matrona), въ послѣдствіи сдѣлавшійся первообразомъ для статуй Римскихъ Императрицъ и Весталокъ, равно какъ для всѣхъ прекрасныхъ женскихъ изображеній, открытыхъ въ Геркуланумѣ и находящихся теперь въ Дрезденскомъ Музеѣ.

б) *Паллада* или *Минерва*, возведенная на высочайшую степень идеальнаго просвѣщенія Фидіемъ,

винція въ прелестномъ символѣ Аѳродиты-Анадіомены а), гдѣ апоѳеозомъ чувственной красоты формъ поглотилось всякое выраженіе духовной, идеальной жизни. Та же самая послѣдовательность замѣчается въ историческомъ развитіи идеала физическаго могущества, составлявшаго другую любимую тему Греческаго генія. Идеальное величіе Олимпійскаго Зевеса, еще запечатлѣнное суровостью первобытныхъ временъ, сглаживалось постепенно въ аттическихъ типахъ Ермія б) и Иракла в), пока наконецъ, въ лучезарномъ образѣ Пиѳійскаго Аполлона г), облеклось въ идеалъ совершеннѣйшаго просвѣтленія физиче-

---

въ кумирѣ изваянномъ для Парѳенона, была типомъ жены воинственной (virago).

а) Идеалъ сей осуществленъ, во всемъ блескѣ, рѣзцемъ Праксителя и кистью Апеллеса.

б) *Ермій* или *Меркурій*, какъ образецъ аттической крѣпости во цвѣтѣ юношеской красоты, созданъ Поликлетомъ: къ его категоріи принадлежатъ типы гимнастическихъ позъ, олицетворенные тѣмъ же художникомъ, въ извѣстныхъ статуяхъ *Діадумена* и *Дорифора*.

в) *Иракл*ъ или *Геркулесъ*, идеалъ мужескаго величія физическихъ силъ, принадлежитъ Мирону: по его типу образованъ извѣстный *Дискоболъ*, принадлежащій тому же художнику.

г) Идеалъ *Аполлона*, *торжествующаго надъ Пиѳономъ*, созданъ Пиѳагоромъ Регіумскимъ. Великолѣпнѣйшее проявленіе его осталось намъ въ типѣ называемомъ *Аполлонъ Бельведерскомъ*.

скихъ силъ. Такимъ образомъ высочайшій зенитъ Греческаго искусства обнаружился стремленіемъ къ безусловному выраженію матеріяльнаго изящества внѣшней природы. Его послѣднимъ, заключительнымъ плодомъ былъ идеалъ Вакха а), идеалъ чистѣйшаго упоенія блаженной полнотой физической жизни. И доколѣ юный Греческій геній сохранялъ всю дѣвственную свѣжесть и энергію неистощеннаго могущества, сіе упоеніе выражалось имъ въ непорочныхъ формахъ цѣломудреннаго изящества. Но, съ приближеніемъ къ апогею своего развитія, по естественному слѣдствію избытка силъ, онъ предался необузданно своему влеченію, опрокинулся въ крайность. И тогда въ его произведеніяхъ чувственная красота внѣшней природы разоблачилась до сладострастной нескромности, свободная игра физической жизни размешалась соблазнитель-

---

а) Съ сей точки зрѣнія *Вакхъ* или *Бахусъ* впервые представленъ Праксителемъ, коему принадлежитъ также знаменитая статуя *Сатира* и идеалъ *Эроса* подъ чертами прелестнаго юноши. Здѣсь, для оправданія нашихъ понятій о направленіи Греческаго искусства, любопытно замѣтить, что одухотвореніе идеала любви подъ чертами младенческой невинности было неизвѣстно древнимъ Грекамъ: оно принадлежитъ Христіанству.

нымъ неисповѣдствомъ. Уже Праксителъ совлекъ цѣломудренный покровъ съ Афродиты а) и, въ достопамятной группѣ, изваянной для Фрины, олицетворилъ торжество сладострастія надъ скромностію б). Съ тѣхъ поръ творческій геній началъ болѣе и болѣе терять свою стыдливость, унижаясь до оскорбительной наглости въ соблазнительныхъ изваяніяхъ Вакханокъ и Нимфъ, Сатировъ и Гермафродитовъ. Это было зловѣщимъ предвѣстіемъ для Изящныхъ искусствъ. Онѣ уклонились отъ своего, хотя ограниченнаго, но тѣмъ не менѣе высокаго, божественнаго первообраза: упустили изъ виду великолѣпный идеалъ свой, потерявшись въ дробности индивидуальныхъ формъ. Вскорѣ творческая дѣятельность съ высоты Олимпа сошла на землю: ея предметами сдѣлались дѣйствительныя существа в):

а) Прекраснѣйшія статуи *Аѳродиты*, принадлежащія рѣзцу Праксителя, были Косская и Книдская. Первая одрапирована съ пояса до ногъ; послѣдняя, напротивъ, вся нагая, изображена погружающеюся въ мраморный бассейнъ, держа въ лѣвой рукѣ сброшенное покрывало. Изъ сей категоріи осталась намъ знаменитая *Венера Медичейская*.

б) Группа сія представляла *матрону*, печальную и въ слезахъ, предъ *гетерой*, сіяющей прелестями и радостью.

в) Лизиппъ первый низвелъ искусство въ область прозаической дѣйствительности. Изъ

она стала подражательницею опредѣленныхъ явленій вещественной природы, а не соревнователь-ницей безпредѣльной ея жизни. Тогда храмъ раздробился на поршики; кумиры превратились въ бюсты; Поэзія разсыпалась мелкою анеологическою пылью: геній позналъ свой западъ! Тщетно изящная отдѣлка формъ, оставшаяся по преданію наслѣдіемъ Греціи, скрыла подъ собой внутреннее оскудѣніе творческой энергіи: поворотъ совершился! Скоро оказались покушенія возвратиться къ древнему колоссальному величію, дабы скрыть пустоту обмелѣвшей жизни а): но то было поздно, не во время! Такимъ образомъ творческое одушевленіе постепенно замирало, когда Римъ, раздавивъ своей желѣзной пятой политическое бытіе Эллады, вздумалъ отогрѣть художественную ея жизнь въ своихъ исполинскихъ объятіяхъ. Онъ продолжилъ только на нѣсколько вѣковъ ея жалкую старость! Въ произведеніяхъ Римскаго искусства выражаются послѣднія покушенія издыхающаго генія, тщетно силившагося скрыть свою дряхлость насиль-

---

ваянъ *Александръ*, во всѣхъ эпохахъ своей жизни, съ удивительнымъ сходствомъ.

а) Сюда принадлежитъ извѣстный *Колоссъ Родосскій*, считавшійся однимъ изъ семи чудесъ свѣта, работы Хареса Линдскаго.

сивенным напряженіемъ силъ, изысканной принужденностью манеровъ. Вѣкъ Августа, золотой вѣкъ Римской художественной производительности, еще сохранялъ останки юношеской красоты въ своемъ спарческомъ величіи. Но сознаніе внутренняго безсилія, непрестанно возрастая, раздражало болѣе и болѣе страсть къ наружнымъ поддѣльнымъ украшеніямъ: и искусства, подавляемыя ихъ безобразною тяжестію, наконецъ совершенно исказились. Изъ священнаго служенія лучезарной красотѣ внѣшней природы, изъ одушевленнаго выраженія изящной игры физическихъ силъ, онѣ превратились въ жалкія орудія прихотей одряхлѣвшей чувственности. Архитектура должна была истощаться на сооруженіе пріюповъ сладострастной нѣгѣ а) или на пошѣху суетнаго тщеславія пышными монументами б): волшебное могущество пласти-

---

а) Во послѣднія времена Рима, Архитектура преимущественно занималась строеніемъ загородныхъ домовъ (*виллъ*) и публичныхъ или частныхъ бань (*термъ*).

б) *Тріумфальныя арки*, оставшіяся отъ Тита, С. Севера и Константина, представляютъ, своимъ возрастающимъ безвкусіемъ, живую лѣстницу паденія искусствъ.

ки принуждалось завѣщавать безсмертію черты Аппиноевъ или шѣщить притупленный вкусъ соблазнительными картинами, шутовскими гримасами а): Поэзія превратилась въ прибѣвы распутства или въ пошлую игру бездушнаго остроумія: Музыка достлалась во власть скоморохамъ: театръ посвятился безстыднымъ кощунствамъ гистріоновъ или кровавымъ битвамъ звѣрей гладіаторовъ. Такимъ образомъ въ исполинскомъ трупѣ Рима окончательно догасло творческое одушевленіе, начавшее меркнуть еще въ своей благословенной отчизнѣ. Оно пало жертвою необузданнаго увлеченія направленіемъ, предписаннымъ ему духомъ современной жизни. Его погубило исключительное пристрастіе къ внѣшней матеріяльной природѣ, которое, изъ чистой, дѣвственной любви, освящавшей первые его порывы, въ продолженіе вѣковъ, превратилось въ грубыя, соблазнительныя оргіи, заключившіяся наконецъ совершеннымъ притупленіемъ вкуса, совершенною одичалостью генія! Такъ совершился въ исторіи человѣчества второй

а) Таковы, большею частію, памятники древней живописи, открываемые въ развалинахъ Геркуланума и Помпеи.

блистательный періодъ творческой дѣятельности, который, по всеобщепризнанной образцовости своихъ безсмертныхъ памятниковъ, обыкновенно зовется періодомъ *классическаго* Греко-Римскаго искусства!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

III. КРИТИКА.

А. МЕХАНИКА.

6. ОПЫТЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА АНАЛИТИЧЕСКУЮ МЕХАНИКУ ЛАГРАНЖА.

(Сост. Профессоромъ Перевощиковымъ.)

(Продолженіе).

II. *О началахъ Статики.*

12. *Лагранжъ* раздѣляетъ свое твореніе на двѣ части: въ первой занимается законами равновѣсія, во второй же — законами движенія твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Каждую изъ сихъ частей начинаетъ онъ историческими обозрѣніями трудовъ тѣхъ Геометровъ, которые занимались Механикою и сдѣлали въ ней важнѣйшія открытія, посредствомъ коихъ или совершенствовались труды предшественниковъ, или распространялась самая наука. Такимъ образомъ изъ историческаго обозрѣнія начала и успѣховъ *Статики* (отдѣленіе I. Sur les differens principes de la statique) видимъ, что основанія оной поло-

жены *Архимедомъ*, отъ котораго дошли до насъ двѣ книги: *о равновѣсіи плоскостей или объ ихъ центрахъ тяжести* (de planorum aequilibriis). Архимедово начало состоитъ въ *правилѣ равновѣсія на рычагѣ*. Въ продолженіе многихъ столѣтій употребляли его при доказательствахъ равновѣсія на другихъ простыхъ машинахъ, особенно на *плоскости наклоненной;* отъ сего *общая теорія равновѣсія* оставалась въ первоначальномъ несовершенствѣ до 1687 года, когда явились въ свѣтъ Ньютоновы *Начала* и Вариньоновъ *Проектъ новой Механики:* въ сихъ обоихъ сочиненіяхъ, особенно въ послѣднемъ, законы равновѣсія во всей полнотѣ выведены изъ правила *составленія силъ*. Хотя до открытія сего правила, какъ выше замѣчено, пользовались только началомъ Архимедовымъ; однако *Галилей* усматривалъ въ равновѣсіи машинъ третій общій законъ, извѣстный подъ именемъ *закона умозрительныхъ скоростей* (principe des vitesses virtuelles). Въ семъ законѣ заключаются оба упомянутыя правила, почему *Лагранжъ* и принялъ его за основаніе своихъ изслѣдованій.

13. *Лагранжъ* полагаетъ, что законъ *умозрительныхъ скоростей* можно считать *аксіомою*. (Опредѣленіе II; стр. 27), и пото-

му довольствуется только повѣркою онаго на сложныхъ блокахъ. Но какъ теорія сей машины есть слѣдствіе равновѣсія на рычагѣ, или правила составленія силъ, и законъ умозрительныхъ скоростей самъ по себѣ весьма далекъ отъ очевидности (въ чемъ соглашается и самъ *Лагранжъ*, стр. 23): то нельзя не замѣтить, что сей великій Геометръ впадаетъ въ противорѣчіе, отъ котораго можно освободиться только или рѣшительнымъ положеніемъ, что законъ умозрительныхъ скоростей основывается на правилѣ составленія силъ, или предложить для онаго закона особенное прямое доказательство, независящее отъ сего правила. *Лаплассъ* избралъ первый изъ сихъ двухъ средствъ, принявъ за основаніе своихъ изслѣдованій о равновѣсіи теорему о *параллелограммѣ силъ*. *Елементарныя* доказательства сей теоремы требуютъ правила равновѣсія на рычагѣ (см. Спашики *Монжа* и *Поансо*); посему считаемъ необходимымъ предложить здѣсь Архимедово доказательство сего правила безъ всякой перемѣны, извлекая оное изъ вышеупомянутаго творенія древняго Геометра, переведеннаго на Французскій языкъ *Пейрарома*. Не опуская изъ вида главной цѣли, изложеніемъ сего доказательства надѣемся возбудить въ

нашихъ читателяхъ желаніе познакомиться съ такимъ авторомъ, коего чтеніе весьма полезно для занимающихся Математикою.

14. По обыкновенію древнихъ Геометровъ, *Архимедъ* начинаетъ свою книгу *требованіями*, т. е. главными основаніями послѣдующихъ изысканій:

»1. Равные грузы (graves), повѣшенные въ равныхъ разстояніяхъ отъ подставки (à des longeurs egales), находятся въ равновѣсіи.

»2. Равные грузы, повѣшенные въ неравныхъ разстояніяхъ отъ подставки, не находятся въ равновѣсіи: который далѣе отъ подставки, тотъ перетягиваетъ.

»3. Ежели грузы, повѣшенные въ опредѣленныхъ разстояніяхъ отъ подставки, находятся въ равновѣсіи, и если къ одному изъ нихъ что нибудь прибавится; то ихъ равновѣсіе нарушится: грузъ, получившій прибавленіе, будетъ перетягивать.

»4. Ежели отъ одного изъ оныхъ грузовъ что нибудь убавится; то равновѣсіе также нарушится: грузъ, отъ котораго ничего не отнимали, будетъ перетягивать.«

Послѣ сихъ требованій, *Архимедъ* приступаетъ къ доказательству правила равно-

вѣсія на рычагѣ, и раздѣляетъ оное на *семь* слѣдующихъ предложеній:

»I. *Ежели грузы, повѣшенные на равныхъ разстояніяхъ отъ подставки, находятся въ равновѣсіи; то они равны между собою.*« Сіе очевидно изъ *третьяго* требованія.

»II. *Неравные грузы, повѣшенные въ равныхъ разстояніяхъ отъ подставки, не могутъ быть въ равновѣсіи: бо́льшій изъ нихъ будетъ перетягивать.*« Сіе предложеніе слѣдуетъ изъ *перваго* и *третьяго* требованія.

»III. *Неравные грузы, повѣшенные въ неравныхъ разстояніяхъ отъ подставки, могутъ быть въ равновѣсіи: бо́льшій изъ нихъ долженъ быть ближе къ подставкѣ.* — Положимъ, что равновѣсіе существуетъ между грузами α, β, изъ коихъ $\alpha > \beta$, и подставка находится въ точкѣ γ. Ежели $\alpha\gamma$ не меньше $\gamma\beta$, и если отъ α отнимемъ столько, что останокъ будетъ $= \beta$; то по четвертому требованію равновѣсіе должно нарушишься и грузъ β будетъ перетягивать: что невозможно по *первому* и *второму* требованіямъ.

»IV. *Общій центръ тяжести двухъ равныхъ грузовъ находится въ срединѣ прямой линіи, соединяющей центры тяжести каж-*

$$\lambda\eta = \varepsilon\lambda + \varepsilon\gamma + \gamma\eta$$
$$= \gamma\delta + \delta\eta + \gamma\eta = 2\gamma\delta,$$
$$\varepsilon\lambda = \gamma\delta = \gamma\eta + \eta\delta$$
$$= \gamma\eta + \gamma\varepsilon = \varepsilon\eta,$$
$$\lambda\gamma = \lambda\varepsilon + \varepsilon\gamma = \gamma\delta + \delta k = \gamma k,$$
$$\eta k = \eta\delta + \delta k = 2\gamma\varepsilon.$$

Итакъ въ пропорціи (1) члены $\delta\gamma$ и $\gamma\varepsilon$ можно перемѣнить на $\lambda\eta$ и ηk. Теперь пусть μ будетъ общая мѣра линей $\delta\gamma$ и $\gamma\varepsilon$, слѣд. и линей $\lambda\eta$ и ηk; сверхъ того, ежели примемъ, что грузъ ς содержится въ A столько разъ, сколько μ въ $\lambda\eta$: то

$$\frac{A}{\varsigma} = \frac{\lambda\eta}{\mu},$$

но

$$\frac{A}{B} = \frac{\lambda\eta}{\eta k},$$

слѣд.

$$\frac{B}{\varsigma} = \frac{\eta k}{\mu},$$

т. е. грузъ ς будетъ общая мѣра A и B, и въ B содержится столько разъ, сколько μ въ ηk. Раздѣливъ $\lambda\eta$ и ηk на отрѣзки $= \mu$, и привѣсивъ къ нимъ грузы $= \varsigma$, всю линею λk обременимъ четнымъ числомъ равныхъ грузовъ, а потому общій ихъ центръ тяжести упадетъ въ средину γ сей линеи. Припомнъ

сумма грузовъ, обременяющихъ $\lambda\eta$, равна A и общій центръ тяжести имѣетъ въ ε (ибо $\lambda\varepsilon = \varepsilon\eta$); а сумма грузовъ, обременяющихъ ηk, равна B и свой общій центръ тяжести имѣетъ въ δ(ибо $\eta\delta = \delta k$); слѣд. явно, что равновѣсіе между A и B будетъ около точки γ.

Седьмое предложеніе заключаетъ въ себѣ доказательство той же теоремы для случая несоизмѣримости между плечами рычага или грузами. Доказательство сіе произведено Архимедомъ по *способу отъ нелѣпости*, который у Древнихъ Геометровъ былъ въ общемъ употребленіи.

15. Изъ сего изложенія видно, что для утвержденія правила равновѣсія на рычагѣ, надобно предварительно доказать, что центръ тяжести прямой линеи, во всѣхъ частяхъ равно обремененной, находится въ ея срединѣ. Посему всѣ Геометры средняго вѣка наукъ Математическихъ доказательство Архимеда считали недостаточнымъ, и многіе изъ нихъ старались сообщить ему желаемую строгость; но усилія ихъ оставались тщетными, потому что упомянутая предварительная теорема есть слѣдствіе теоріи составленія силъ. По сей самой причинѣ *Посл-*

со начинаетъ свою Статику (1) *аксіомами* и простѣйшими теоремами о сложеніи силъ, и отъ нихъ уже переходитъ къ Архимедову правилу, а потомъ къ теоремѣ о параллелограммѣ силъ: чрезъ что открывается возможность доказать какъ оное правило, такъ и параллелограммъ силъ съ желаемою строгостію.

16. Сообразивъ все сказанное, заключаемъ, въ противность *Лагранжу*, что *правило Архимеда не должно считать въ числѣ началъ Статики.*

17. Теперь разсмотримъ прочія два начала, т. е. *составленіе силъ* и *правило умозрительныхъ скоростей.* Въ теоріи перваго начала главная теорема извѣстна подъ именемъ параллелограмма силъ; посему почти нѣтъ ни одного Геометра изъ занимавшихся Механикою, который бы не пытался доказывать сію теорему независимо отъ Архимедова правила и отъ понятія о движеніи. Но тщетность сихъ покушеній, кажется, свидѣтельствуетъ: 1) безъ Архимедова правила невозможно найти *елементарнаго* стро-

(1) Elémens de Statique, и пр. Изданіе четвертое. Парижъ. Сія истинно классическая книга переведена на Русской языкъ.

гаго доказательства для параллелограмма силъ. 2) Понятіе о движеніи есть необходимое основаніе обѣихъ частей Механики — Статики и Динамики: ибо самое понятіе о силахъ получаемъ единственно изъ ихъ дѣйствія, т. е. изъ движенія. Съ другой стороны, Архимедово правило можетъ быть простѣйшимъ слѣдствіемъ параллелограмма силъ, и Механика принадлежитъ уже къ высшимъ частямъ Физико-Математическихъ наукъ: слѣд. нѣтъ никакой надобности усиливаться въ изобрѣтеніи упомянутыхъ элементарныхъ доказательствъ. Что же касается до сихъ доказательствъ, выведенныхъ изъ высшихъ аналитическихъ соображеній; то, по моему мнѣнію, лучшимъ изъ нихъ должно считать предложенное *Понтекуланомъ* въ его книгѣ: *Théorie analytique du systeme du monde.* Доказательство сіе есть улучшенное *Лапласово*, который допускаетъ, что если союзныя силы x, y образовались изъ дифференціаловъ ∂x, $2\partial x$, ... и ∂y, $2\partial y$, ...; то и составная изъ нихъ z также происходитъ отъ ∂z, $2\partial z$,... не перемѣняя своего направленія. Сіе допущеніе не очевидно и не можетъ считаться аксіомою, и *Понтекуланъ* весьма остроумно освободилъ отъ онаго главную теорему. Поелику книга *Понтекулана* не сдѣлалась еще

общеупотребительною; но думаемъ, что нѣкоторые изъ нашихъ читателей полюбопытствуютъ узнать, въ чемъ состоитъ его доказательство параллелограмма силъ. Вотъ изложеніе онаго:

18. Вопервыхъ ясно, что составная сила R изъ союзныхъ P, Q, и уголъ θ, образуемый оною съ одной изъ союзныхъ, зависятъ отъ сихъ силъ; такъ что

$$R = f(P,Q), \theta = F(P,Q).$$

Изключивъ отсюда Q, получимъ

$$P = \varphi(R,\theta);$$

но если *единицею* для P и R примемъ R′; то $P = n R'$, $R = mR'$, какія бы ни были числа m, n. Посему

$$\frac{P}{R} = \frac{n}{m},$$

т. е. отношеніе силъ P и R отъ единицы не зависятъ; а потому изъ

$$nR' = \varphi(mR', \theta)$$

слѣдуетъ, что

$$\frac{n}{m} = \varphi(\theta),$$

или

$$\frac{P}{R} = \varphi(\theta), \quad P = R.\,\varphi(\theta).$$

Послѣ сего очевидно, что если союзныя силы P и Q составляютъ прямой уголъ; то

$$Q = R.\varphi(90^\circ - \theta).$$

Теперь представимъ, что P раздагается на двѣ силы P′ и P″, изъ коихъ P′ дѣйствуетъ по направленію R, и P″ къ нему перпендикулярна; выйдетъ

$$P' = P.\,\varphi(\theta), \quad P'' = P.\,\varphi(90^\circ - \theta),$$

или

$$P' = \frac{P^2}{R}, \quad P'' = \frac{PQ}{R}.$$

Такимъ же образомъ найдется

$$Q' = \frac{Q^2}{R} \text{ и } Q'' = \frac{PQ}{R}.$$

Но какъ P″ и Q″ суть силы равныя и прямопротивныя; то онѣ взаимно уничтожаются, и P, Q замѣняются только силами P′, Q′; слѣд.

$$R = P' + Q' = \frac{P^2 + Q^2}{R},$$

или

$$R^2 = P^2 + Q^2.$$

Симъ выраженіемъ опредѣляется величина составной силы. Чтобъ опредѣлить ея направленіе, должно открыть видъ $\varphi(\theta)$. Для сего вообразимъ третью силу S, приложенную къ той же самой точкѣ, на которую дѣйствуютъ P и Q, перпендикулярно къ плоскости P и Q. Составная ρ сихъ трехъ силъ можетъ быть получена изъ R, составной P и Q, и изъ S, или изъ сосоставной силъ Q и S, соединенной съ P: когда уголъ изъ R и ρ изобразимъ чрезъ ψ, тогда въ первомъ случаѣ найдемъ

$$P = R.\varphi(\theta), \quad R = \rho.\varphi(\psi);$$

а представивъ чрезъ z уголъ изъ P и ρ, во второмъ случаѣ получимъ

$$P = \rho.\varphi(z).$$

Изъ сихъ уравненій выходитъ

$$\varphi(z) = \varphi(\theta).\varphi(\psi).$$

При томъ сферическій прямоугольный пр—къ, образованный изъ точекъ пересѣченія направленій P, R, ρ съ какою нибудь сферою даетъ

$$csz = cs\theta.cs\psi.$$

Поелику углы θ и ψ суть количества независимыя; слѣд. изъ сихъ уравненій можно получить

$$\frac{\partial\varphi(z)}{\partial z}\cdot\frac{\partial z}{\partial\psi}=\varphi(\theta)\cdot\frac{\partial\varphi(\psi)}{\partial\psi},$$

$$\frac{\partial\varphi(z)}{\partial z}\cdot\frac{\partial z}{\partial\varphi}=\varphi(\psi)\cdot\frac{\partial\varphi(\theta)}{\partial\theta},$$

$$sn z\frac{\partial z}{\partial\psi}=cs\theta sn\psi,\ sn z\frac{\partial z}{\partial\theta}=sn\theta cs\psi;$$

ошсюда уже

$$\frac{cs\theta\cdot\frac{\partial\varphi(\theta)}{\partial\theta}}{sn\theta\cdot\varphi(\theta)}=\frac{cs\psi\cdot\frac{\partial\varphi(\psi)}{\partial\psi}}{sn\psi\cdot\varphi(\psi)},$$

и по причинѣ независимости между θ и ψ, первая изъ сихъ дробей останется непремѣнною, когда будешь измѣняшься ψ. Посему можно положишь

$$\frac{cs\theta\cdot\frac{\partial\varphi(\theta)}{\partial\theta}}{sn\theta\varphi(\theta)}=c,$$

или

$$\frac{\partial\varphi(\theta)}{\varphi(\theta)}=\frac{c.sn\theta}{cs\theta}\partial\theta,$$

чего интегралъ есть

$$\lambda.\varphi(\theta)=\lambda\frac{C}{cs^{c}\theta},$$

даго изъ нихъ. — Пусть точки α и β будутъ центры тяжести равныхъ грузовъ A и B: общій центръ тяжести долженъ находиться въ срединѣ γ линеи $\alpha\beta$. Поелику *доказано*, что сей центръ лежитъ на прямой $\alpha\beta$, то положимъ, что онъ упадаетъ въ какую нибудь точку δ. Тогда *подперши сію точку, приведемъ грузы* A и B *въ равновѣсіе*; что въ настоящемъ случаѣ не возможно. Ибо для равновѣсія равные грузы должны находиться въ равныхъ разстояніяхъ отъ подставки (требов. 1 и 2).“

Слова, напечатанныя здѣсь косыми буквами, ясно показываютъ, что Архимедова книга *о равновѣсіи плоскостей* дошла до насъ не полною; или, можетъ быть, существовало и потеряно особое его сочиненіе о центрахъ тяжести.

„V. *Ежели центры тяжести* α, γ, β *трехъ равныхъ грузовъ* A, Г, B *находятся на одной линеи и въ равныхъ между собою разстояніяхъ* $\alpha\gamma$, $\gamma\beta$; *то общій центръ тяжести всѣхъ трехъ грузовъ будетъ совпадать съ центромъ тяжести средняго изъ нихъ.* — Ибо центръ тяжести равныхъ грузовъ A и B долженъ находиться въ срединѣ γ прямой линеи $\alpha\beta$. — Изъ двухъ послѣднихъ предложеній слѣдуетъ:

а) Если центры тяжести *нечетнаго* числа грузовъ находятся на одной прямой линеи; если каждые два груза, равно отстоящіе отъ средняго, равны между собою, и если равны также разстоянія центровъ тяжести: то общій центръ тяжести будетъ совпадать съ центромъ тяжести средняго груза.

б) Ежели центры тяжести *четнаго* числа грузовъ находятся на одной прямой линеи; ежели два среднихъ груза и равноотстоящіе отъ нихъ равны между собою, и если также равны разстоянія между центрами тяжести: то общій центръ тяжести будетъ находиться въ срединѣ прямой линеи, соединяющей всѣ центры тяжести.

»VI. *Сонзмѣрные грузы* A *и* B *находятся въ равновѣсіи, когда они обратно пропорціональны съ ихъ разстояніями отъ подставки.* Положимъ, что центры тяжести сихъ грузовъ находятся въ ε и δ; на прямой линеи $\varepsilon\delta$ возьмемъ точку γ такъ, что

$$\frac{A}{B} = \frac{\delta\gamma}{\gamma\varepsilon} \quad \ldots (1)$$

Потомъ продолжимъ $\delta\varepsilon$ въ обѣ стороны и сдѣлаемъ $\delta\eta = \delta k = \gamma\varepsilon$, $\varepsilon\lambda = \gamma\delta$; отъ сего выйдетъ

гдѣ C есшь произвольное посшоянное. И шакъ

$$\varphi(\theta) = \frac{C}{cs^c\theta},$$

и

$$P = \frac{CR}{cs^c\theta}.$$

Ежели $Q = o$, шо $P = R$, и уголъ θ долженъ $= o$, и $C = 1$. Ежели $P = Q$, шо $\theta = 45°$, $R = \sqrt{(P^2 + Q^2)} = P\sqrt{2}$; слѣд.

$$P = \frac{P\sqrt{2}}{cs^c 45°}, \quad \frac{1}{cs^c 45°} = \frac{1}{\sqrt{2}},$$

и пошому $c = -1$. И шакъ наконецъ

$$P = R cs\theta,$$

ш. е. сосшавная изъ силъ P и Q, дѣйсшвующихъ взаимно перпендикулярно, выражаешся и по величинѣ и по направленію діагональю прямоугольника, сосшавленнаго изъ линей, означающихъ величину и положеніе силъ P и Q.

19. Доказавъ шакимъ образомъ основную шеорему въ шеоріи сосшавленія силъ, и принявъ сію шеорію за *начало* Механики, должно продолжашь изысканія совершенно согласно съ *Лапласомъ*: шогда правило умозрипельныхъ скоросшей сдѣлаешся самымъ прямымъ слѣдсшвіемъ оной шеоріи (см. Mécanique cé-

leste), и вмѣстѣ окончательною теоремою *Статики;* такъ что правило сіе можно будетъ употреблять только въ Динамикѣ. Но какъ совершенство науки состоитъ именно въ единствѣ началъ, а Статика и Динамика суть части одной и той же науки — Механики; то весьма желательно доказать правило умозрительныхъ скоростей независимо отъ теоріи составленія силъ.

20. Въ VIII кн. Руч. Маш. Енциклопедіи предложены общія уравненія, выражающія условія равновѣсія всякихъ силъ, дѣйствующихъ на свободную точку въ пространствѣ (стр. 14). Поелику уравненія сіи доказаны на основаніи двухъ совершенно очевидныхъ положеній: 1) дѣйствіе пропорціонально причинѣ, и 2) равновѣсіе есть прекращенное движеніе, изъ коихъ послѣднее можетъ считаться выраженіемъ *предѣла* умозрительныхъ скоростей, которыя суть не иное что какъ безконечно малыя измѣненія въ положеніи точки, считаемыя по направленіямъ дѣйствующихъ силъ; слѣд. доказательство сей главной теоремы выведено изъ основныхъ понятій о силѣ и движеніи, и потому кажется намъ совершенно удовлетворительнымъ, и согласнымъ съ понятіемъ объ умозрительныхъ скоростяхъ. Остается теперь извлечь изъ него формулы,

выражающія алгебраически правило умозрительныхъ скоростей: сдѣлать сіе не трудно. Ибо тамъ же на стр. 11 найдено, что

$$cs\alpha = \frac{\partial p}{\partial x}, \; cs\beta = \frac{\partial p}{\partial y}, \; cs\gamma = \frac{\partial p}{\partial z};$$

слѣд.

$$cs\alpha' = \frac{\partial q}{\partial x}, \; cs\beta' = \frac{\partial q}{\partial y}, \; cs\gamma' = \frac{\partial q}{\partial z};$$

и пр.

и потому урав. (10) превратятся въ слѣдующія:

$$P\frac{\partial p}{\partial z} + Q\frac{\partial q}{\partial z} + R\frac{\partial r}{\partial z} + \ldots = o,$$

$$P\frac{\partial p}{\partial y} + Q\frac{\partial q}{\partial y} + R\frac{\partial r}{\partial y} + \ldots = o,$$

$$P\frac{\partial p}{\partial x} + Q\frac{\partial q}{\partial x} + R\frac{\partial r}{\partial x} + \ldots = o.$$

Ежели сіи уравненія помножимъ соотвѣтственно на ∂z, ∂y, ∂x, и сложимъ; то явно, что въ суммѣ получимъ

$$P\partial p + Q\partial q + R\partial r + \ldots = o,$$

равненіе, которое именно выражаетъ правило умозрительныхъ скоростей для силъ, дѣйствующихъ на одну свободную точку.

Какимъ же образомъ правило сіе распространяется на систему точекъ, можно видѣть въ Механикѣ *Пуассона*, употребляемой почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Посему нѣтъ надобности говорить здѣсь о столь извѣстномъ предметѣ.

21. Симъ способомъ правило умозрительныхъ скоростей доказывается независимо ни отъ разсмотрѣнія равновѣсія на машинахъ, ни отъ теоріи разложенія силъ, которая сама выходитъ изъ онаго совершенно прямо, какъ увидимъ ниже. Послѣ сего можемъ принять за несомнѣнное положеніе: *Механика основывается не на трехъ началахъ, а на одномъ — на правилѣ умозрительныхъ скоростей*, которое заключаетъ въ себѣ и начало Архимедово, и теорію составленія силъ, и самую теорію *линейныхъ моментовъ*, коею *Коши* предлагаетъ замѣнить теорію парныхъ параллельныхъ силъ, введенную въ Статику ученымъ *Пуансо*.

В. РОССІЙСКАЯ ИСТОРІЯ.

6. О баснословномъ времени въ Россійской Исторіи.

Изъ лекцій Профессора Кайченовскаго.

Въ младенчествѣ своего образованія народы не заботятся о сохраненіи для потомства памяти происшествій, ознаменовавшихъ появленіе ихъ въ мірѣ и первое время ихъ существованія. Щастливы они, если современники, болѣе ихъ просвѣщенные, замѣтятъ сіи происшествія и внесутъ въ свои лѣтописи: въ противномъ случаѣ онѣ, или совершенно теряются для Исторіи, или же, сбереженныя преданіемъ, представляются въ столь искаженномъ видѣ, что Критика, послѣ тщетныхъ усилій — извлечь изъ нихъ истину — должна наконецъ отказаться отъ труда своего и признать ихъ баснословными. Преданія — и самый древній, и самый недостовѣрный источникъ Исторіи.

Народы любятъ освящать свое младенчество сверхъестественными происшествія-

ми, божественными посредничествами, или даже одними лишь воспоминаніями о доблести и славѣ предковъ, которыми какъ бы возвеличивается судьба отечества. Притомъ же у младенчествующихъ народовъ преданія почти всегда облекаются въ поэтическія формы: Поэзія — едва ли не первое искусство всякаго народа. Индія не имѣетъ никакой Исторіи, кромѣ поэмъ. Греція поставляетъ Гомера главою своихъ историковъ. Германцы во время Тацита воспѣвали еще Арминія. Барды Гальскіе — довольно извѣстны. Такимъ же образомъ и пѣсни Сѣвера передавались потомству въ Поэзіи Скальдовъ.

Нужно ли въ наше время говорить о томъ, сколь недостовѣрна Исторія, основанная на подобныхъ преданіяхъ поэтическихъ?

Слѣдуетъ теперь разсмотрѣть степень важности и достовѣрности извѣстій о первыхъ временахъ существованія какого-нибудь народа, встрѣчающихся въ *лѣтописяхъ другихъ государствъ*, или современныхъ его младенчеству, или только близкихъ къ первой эпохѣ его дѣятельности.

Народъ тогда только обращаетъ на себя вниманіе современниковъ, когда достигаетъ извѣстной степени могущества, и силою оружія или другимъ какимъ-либо сло-

собомъ даетъ знать о своемъ существованіи; но и въ семъ случаѣ просвѣщенные свидѣтели, ему сопредѣльные, повѣствуютъ большею частію только о тѣхъ происшествіяхъ, кои имѣли на нихъ посредственное или непосредственное вліяніе. Что же касается до происхожденія и первыхъ временъ бывшія сего народа, лѣтописатели или узнаютъ о семъ изъ его же преданій, или сами составляютъ нелѣпыя понятія, сообразно различнымъ видамъ своимъ и отношеніямъ. Примѣромъ перваго рода могутъ служить повѣствованія Геродота о дѣлахъ Скиѳовъ, случившихся за 1000 лѣтъ до нашествія на ихъ землю Дарія: сколько ученыхъ ломали голову надъ сими повѣствованіями, между тѣмъ какъ онѣ заимствованы единственно изъ преданій, собранныхъ Греческимъ Историкомъ во время своего путешествія (1)! Примѣръ втораго рода находимъ у Іорнанда, который, ненавидя Гуновъ за порабощеніе его единоземцевъ, разсказываетъ нелѣпую басню о происхожденіи сего народа отъ волшебницъ, выгнанныхъ изъ стана Готѳскаго Царя Филимера, и отъ какихъ-то Фауновъ (2). Можно прибрать тысячу подобныхъ примѣровъ, служащихъ подтвержденіемъ неважности и недостовѣрности внѣшнихъ несовременныхъ извѣстій о происхожденіи и

первыхъ дѣяніяхъ какого-либо народа; но положеніе сіе столь очевидно, что, здѣсь по крайней мѣрѣ, не требуетъ оно частныхъ доказательствъ.

И такъ: если Исторія, основанная на преданіяхъ искаженныхъ и украшенныхъ поэтическими вымыслами не достовѣрна, и если чужеземные позднѣйшіе писатели или заимствуютъ свои извѣстія изъ сихъ же преданій, или, соображаясь съ понятіями своего времени — вымышляютъ ихъ; то *истинная Исторія всякаго народа невозможна до письменныхъ, домашнихъ, современныхъ происшествіямъ памятниковъ* (3). Даже и сіи послѣдніе сколько труда потребуютъ отъ Критики, прежде нежели сдѣлаются достойными занять мѣсто на священныхъ скрижаляхъ Исторіи! Человѣку всегда свойственно заблуждаться; но, кромѣ непроизвольныхъ погрѣшностей, какъ часто современники умышленно измѣняютъ истину событій! Страсти всегда управляли и управляютъ людьми: печать ихъ лежитъ на всѣхъ произведеніяхъ рукъ и ума человѣческаго.

Послѣ сихъ соображеній, естественно рождается вопросъ: *имѣетъ ли отечественная наша Исторія баснословный періодъ? Или всѣ происшествія, сообщаемыя нашими*

лѣтописямъ и иностраннымъ писателямъ, истинны и достовѣрны? — Въ предлежащемъ разсужденіи займемся изслѣдованіемъ сего вопроса. Очевидно, что для сего должно разсмотрѣть: I) Когда являются у насъ отечественные письменные памятники; откуда могли быть заимствованы извѣстія, ими сообщаемыя, и сколь велика степень ихъ достовѣрности? и II) Что говорятъ о первыхъ временахъ жизни Русскаго народа иностранные современные или немного позднѣйшіе писатели? И такъ разсужденіе наше естественно дѣлится на двѣ части.

А) Отечественные источники древнѣйшей Русской Исторіи.

Главнѣйшимъ источникомъ древней Русской Исторіи почитаются отечественныя лѣтописи. Весьма трудно опредѣлить степень ихъ достовѣрности имѣмъ болѣе, что мнѣнія о семъ предметѣ Историковъ и ученыхъ Критиковъ чрезвычайно различны. „Мы должны“ говоритъ Шлецеръ „отказаться отъ надежды имѣть *настоящіе* подлинники по крайней мѣрѣ за 1200 годъ; у насъ ничего нѣтъ болѣе, кромѣ *списковъ*.... На первый случай“ продолжаетъ онъ „не льзя еще найти никакой системы, никакой правильности въ вещахъ, называемыхъ *лѣтописями* (4). И

дѣйствительно, одни безъ разбора пользуются и древними, и новѣйшими списками; другіе вѣрятъ больше первымъ; есть наконецъ и такіе, кои отдаютъ преимущество позднѣйшимъ (5). Чтобы согласить сіи противорѣчія и, сколько можно, приблизиться къ справедливому сужденію о достоинствѣ, о степени важности и достовѣрности отечественныхъ нашихъ лѣтописей, должно рѣшить предварительно два вопроса: a) когда сочинены сіи лѣтописи? и b) откуда могли быть заимствованы извѣстія, ими сообщаемыя? По общепринятому мнѣнію начало нашихъ лѣтописей относится къ XI ст., и первымъ лѣтописателемъ почитается Несторъ. Прежде всего разсмотримъ показанія, на коихъ основывается сіе мнѣніе.

I) Въ заглавіи Патерика Печерскаго Пр. Несторъ, пришедшій въ монастырь къ Ѳеодосію около 1078 года, названъ лѣтописцемъ Россійскимъ. Но:

a) Въ предисловіи къ Патерику сказано, что подлинникъ попортился во время военныхъ смятеній; а за опечатки обязаны мы Симону, Епископу Владимірскому и Суздальскому, жившему въ XII столѣтіи и выписавшему изъ него достопамятнѣйшее. Ѳ. Несторъ, которому приписывается сіе

сочиненіе, говорится въ немъ уже въ третьемъ лицѣ (6).

b) Дѣйствительно былъ Печерскій лѣтописецъ Несторъ: слѣдуетъ ли изъ сего, что сборники, дошедшіе до насъ въ позднѣйшихъ и разногласныхъ спискахъ, принадлежатъ ему? Вѣренъ ли силлогизмъ: Былъ въ XI сп. лѣтописецъ Несторъ, о коемъ нѣтъ современныхъ извѣстій и коего сочиненій мы незнаемъ;

Есть лѣтописи, составленныя неизвѣстно кѣмъ, гдѣ и когда;

Слѣд.: онѣ составлены Несторомъ, въ Кіевѣ, въ XI столѣтіи.

Таковое заключеніе дѣйствительно не заслуживаетъ вниманія. Но защитники мнѣнія, что лѣтописи наши писаны были Несторомъ и въ XI сп., представляютъ другія доказательства. Посмотримъ, устоятъ ли сіи доказательства противъ справедливыхъ сомнѣній Критики.

II) Имя Нестора упомянуто въ заглавіи нѣкоторыхъ списковъ. Въ Раскольничей и въ Голицынской сказано: Повѣсть временныхъ дѣй Нестора черноризца Феодосіева Печерскаго монастыря (7). Во первыхъ: если бы дошедшіе до насъ списки были почерпнуты изъ Временника Несторова; имя его находилось бы *на всѣхъ* или хотя *на многихъ*, а не на

двухъ или трехъ (8), и то не первокласныхъ спискахъ. Во вторыхъ: позднѣйшій сборщикъ, зная о древнемъ лѣтописцѣ Преподобномъ Несторѣ, могъ поставить сіе имя въ заглавіе своего сборника, дабы тѣмъ придать ему болѣе важности въ глазахъ современниковъ (9).

Третье Доказательство составляютъ тѣ мѣста въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ, гдѣ повѣствователь (кто бы онъ ни былъ) говоритъ о себѣ. Таковыхъ мѣстъ много; но главнѣйшихъ, по замѣчанію Шлецера и Карамзина, два. Изслѣдуемъ, не подлежатъ ли сіи мѣста какимъ нибудь сомнѣніямъ, и достаточно ли доказывается ими древность нашихъ лѣтописей.

a) Подъ 1051 годомъ лѣтописецъ, повѣствуя о началѣ монастыря Печерскаго, между прочимъ говоритъ: »Ѳеодосіевижъ живущу въ монастырѣ, и правящу добродѣтельное житіе и чернецкое правило, и принимающу всякаго, приходящаго къ нему; къ немужъ и *азъ* пріидохъ худый, и пріятъ *мя* лѣтъ *мн* сущу семнадцати отъ рожденія *моего*« (10).

b) Подъ 1090 г., разсказывая объ открытіи и перенесеніи мощей Св. Ѳеодосія, лѣтописецъ самъ являетъся дѣйствующимъ лицомъ въ семъ дѣлѣ: »и приспѣвшу празднику Успенья Богородицы тремя деньми, повелѣ Игу-

мень рушении, гдѣ лежашъ мощи отца нашего Ѳеодосія; его же повелѣнію *бых аз* первое самовидѣцъ, еже и скажу; не слухомъ бо слышахъ, но самъ о семъ начальникъ. Пришедшу Игумену *ко мнѣ* и рекшу *ми*, и пр. (11).

По многимъ признакамъ мѣста сіи можно щипашь вспавками изъ какихъ нибудь монасшырскихъ записокъ, сосшавленныхъ первоначально, можешъ бышь, и дѣйсшвишельно Преподобнымъ Несшоромъ и въ XI сполѣшіи (12). Вошъ причины, заспавляющія насъ шакъ думашь:

a) Первое изъ сихъ повѣсшвованій находишся не во всѣхъ спискахъ (13), и неуваженіе многихъ сборщиковъ доказываешъ, чшо они знали испочникъ онаго и не хошѣли повшорящь не у мѣсша.

b) Оба сіи извѣсшія не имѣюшъ никакой связи ни съ предъидущими, ни съ послѣдующими сказаніями лѣшописей. Собышіе, предшесшвующее первому повѣсшвованію, есшь именно шакое, кошорое могло бышь заимсшвовано изъ церковныхъ или монасшырскихъ записокъ (14), чему, какъ намъ кажешся, служишъ доказашельсшвомъ и окончаніе онаго: »Сеже написахъ и положихъ въ кое лѣшо почалъ быши монасшырь и чшо ради зовеш-

ля Печерскій, а о Ѳеодосіевомъ жизни паки скажемъ (15).

Извѣстія, между коими находится второе, повѣствованіе, принадлежатъ очевидно къ тому же разряду (16). Притомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ оно поставлено кратко въ видѣ извлеченія, а въ другихъ — со многими прибавленіями, заимствованными повидимому изъ того же источника, коимъ пользовались первые сборщики при повѣствованіи о дѣлахъ церковныхъ (17).

Есть еще нѣсколько мѣстъ не столь важныхъ, но служащихъ также доказательствомъ подлинности и древности нашихъ лѣтописей, по мнѣнію ихъ защитниковъ. Видя непрочность главнѣйшихъ доводовъ, почитаемъ за излишнее входить въ дальнѣйшія подробности; замѣтимъ только, что событія, описываемыя въ сихъ мѣстахъ, относятся большею частію или прямо къ лицу, или къ мѣсту жительства повѣствователя (18), или же принадлежатъ къ происшествіямъ церковнымъ, и, при безпристрастномъ наблюденіи, представляются извлеченіями изъ какихъ нибудь записокъ монастырскихъ, вставленными и не вставленными позднѣйшимъ сборщикомъ нашихъ лѣтописей. Первое лице и настоящее время, при неловкости ком-

диляторовъ и совершенномъ варварствѣ переписчиковъ, ничего не доказывающемъ — и странно видѣть, какъ величайшіе знатоки исторической Критики основали мнѣніе свое на столь ничтожныхъ доказаніяхъ. Лучше допустить вѣроятное, нежели слѣпо вѣрить невозможному: и сіе да будетъ служить переходомъ къ изложенію противнаго мнѣнія о времени и образѣ составленія дошедшихъ до насъ лѣтописей — мнѣнія, по коему онѣ суть: сборники XIII или даже XIV столѣтія, коихъ источники большею частію намъ неизвѣстны; домашніе, древнѣйшіе (только не лѣтописи XI столѣтія) предполагаются (19), а о внѣшнихъ современныхъ и древнихъ не сдѣлано еще надлежащаго розысканія. Изложимъ вкратцѣ доказательства сего мнѣнія.

1) Мы не имѣемъ списковъ древнѣе XIV столѣтія (20), и сіи поздніе останки старины во многомъ разногласны. „Ни одинъ списокъ" говоритъ Еверсъ „сколько мы ихъ досель знаемъ, не имѣетъ канонической важности, вѣроятно никогда и не найдется такого — и нестеръ Несторъ долженъ быть возстановленъ посредствомъ критическаго сравненія. Даже и то не извѣстно, вся ли Несторова лѣтопись помѣщена въ томъ сочиненіи, которое пе-

перь носитъ его имя и не сокращено ли оно ближайшимъ его продолжателемъ, Сильвестромъ, или третій продолжатель не преобразовалъ ли всего по своему произволу. Ибо нѣтъ ни одного списка, сколько мнѣ извѣстно, безъ продолжателя до 1203 года. Возстановленіе истиннаго Нестора по сему случаю остается по крайней мѣрѣ сомнительнымъ, если нѣтъ надежды открыть какую нибудь древнѣйшую рукопись, которая бы, являя всѣ признаки подлинности, заключала его одного, и потому могла бы почитаться вѣрнымъ спискомъ« (21). Замѣчаніе прекрасное и справедливое! Надобно только исключить изъ него Нестора и его продолжателей, коихъ имена — вмѣстѣ съ повѣствованіями въ первомъ лицѣ и настоящемъ времени, могли, повторимъ вышесказанное, быть заимствованы изъ церковныхъ записокъ. Не знаю, много ли пользы принесетъ открытіе (если только оно возможно) подлинника Несторова. Вѣроятно, оно опровергнетъ только высокое мнѣніе наше о своихъ лѣтописяхъ. Ибо

2) Могъ ли Несторъ, монахъ XI столѣтія, написать что нибудь, хотя нѣсколько похожее на дошедшіе до насъ сборники? Принявъ въ соображеніе тогдашнее состояніе земель Славянскихъ, естественно спро-

сишь со Шлецеромъ: «какимъ образомъ человѣкъ сей образовался на Днѣпрѣ (22)?» Здѣсь, не оскорбляя памяти величайшаго знатока исторической Критики, оказавшаго своими изслѣдованіями незабвенныя услуги Россійской Исторіи, осмѣлимся замѣтишь, что онъ съ излишнею довѣренностію и—хотя похвальнымъ, но—не всегда благопріятнымъ для изслѣдованій энтузіазмомъ, смотрѣлъ на нашилѣтописи. Вотъ почему указанія и разсужденія, кои, по его мнѣнію, служатъ достаточнымъ отвѣтомъ на вышеприведенный вопросъ, при хладнокровномъ наблюденіи, представляются неудовлетворительными. a) Указанія заимствуетъ онъ изъ лѣтописей, степень достовѣрности коихъ предварительно имъ критически не опредѣлена. b) Предположеніе о Византійскихъ Историческихъ книгахъ, зашедшихъ будто бы въ Русь, по случаю крещенія, какъ и всякое предположеніе — не доказательство. Книги (до изобрѣтенія печатанія) были чрезвычайно рѣдки, и Греки не имѣли надобности привозить ихъ къ народу безграмотному. Напротивъ сходство въ изложеніи, замѣченное Шлецеромъ, между Византійскими дѣописателями и дошедшими до насъ сборниками — доказываетъ позднѣйшее составленіе сихъ послѣднихъ (23).

Въ самомъ дѣлѣ не прошло еще ста лѣтъ отъ введенія Христіанской Вѣры, когда монахи и другіе духовные (въ небольшомъ числѣ) составляли, такъ сказать, еще первое поколѣніе грамотныхъ (24) — и уже является систематическое (25) сочиненіе: Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, и кто въ ней почалъ первое княжити! Или это несправедливо, или — Русскія лѣтописи XI ст. въ такомъ видѣ, какъ мы оныя имѣемъ, дѣлаютъ исключеніе изъ всеобщаго хода образованности народовъ — явленіе безпримѣрное въ Исторіи и особливо въ Исторіи нашего Сѣвера (26)! Причины этой безпримѣрности никѣмъ еще не изслѣдованы: — и мы не имѣемъ повода безотчетно принимать произвольныя показанія древности временниковъ отечественныхъ. Уже сихъ замѣчаній достаточно для уменьшенія вѣры въ сію древность; но что̀ заключимъ мы, если въ дошедшихъ до насъ сборникахъ:

3) При повѣствованіи о древнѣйшихъ событіяхъ находятся современныя указанія и извѣстія, кои не могли быть сдѣланы и сообщены лѣтописцомъ XI вѣка (27).

4) Встрѣчается множество словъ и понятій, чуждыхъ сему вѣку; напр: Гость, Вира, Нѣмецъ, о коихъ мы знаемъ откуда,

какимъ путемъ и когда зашли онѣ въ наше отечество (28).

5) Такъ много неумѣстныхъ вставокъ, что сборники сіи представляются компиляціями изъ разнороднѣйшихъ частей, перемѣшанныхъ съ нелѣпѣйшими баснями и выдумками.

6) Невѣрно лѣтосчисленіе.

7) Однѣ и тѣ же событія описаны двумя, иногда и тремя различными образами (29).

Теперь обратимся ко второму вопросу: Откуда въ дошедшихъ до насъ сборникахъ могли быть заимствованы извѣстія, ими сообщаемыя?

Если и допустимъ невѣроятное мнѣніе о древности сихъ сборниковъ; то все отъ основанія Государства до перваго лѣтописца прошекло слишкомъ два вѣка. Письменныхъ памятниковъ у народа безграмотнаго предполагать не возможно: слѣдовательно до конца XI сп. всѣ повѣствованія лѣтописей основаны на преданіяхъ, уже искаженныхъ въ устахъ четырехъ или болѣе поколѣній, на поэтическихъ (часто самыхъ нелѣпыхъ) вымыслахъ, свойственныхъ всѣмъ младенчествующимъ народамъ. Если же принять, что сборники сіи (какъ и вѣроятно и справедливо) составлены не ранѣе XIII или даже XIV вѣка, и, кромѣ предполагаемыхъ записокъ XII сп., не имѣли другихъ домашнихъ письменныхъ

памятниковъ; — но должно допустишь преданія, еще болѣе искаженныя, и вымыслы, еще болѣе нелѣпые, коими компиляторы спарались замѣнишь недостающее положительныхъ свѣдѣній. Въ томъ и другомъ случаѣ степень достовѣрности отечественныхъ нашихъ памятниковъ не велика (30)! И если бы допросишь ихъ со всею строгостію исторической Критики, они вѣрно признались бы — что *нѣтъ у нихъ вѣрныхъ извѣстій о прошедшемъ (Кадлубекъ)*; *что отъ нужды воспользовались одною только оставшеюся молвою (Длугошъ)*, — *баснословными разсказами стариковъ (Козьма)*, — *пѣснями бродягъ-болтуновъ и баснями простаго народа (Канц. Белы)* (31).

Такъ! и мы должны признаться, что въ лѣтописяхъ нашихъ много баснословнаго; должны, хотя съ прискорбіемъ, согласишься, что *древняя Исторія наша недостовѣрна.* Но прежде, нежели произнесемъ приговоръ сей, посмотримъ, не утѣшатъ ли насъ лѣтописи современниковъ и не найдемъ ли въ нихъ извѣстій, могущихъ служишь пополненіемъ отечественныхъ нашихъ памятниковъ — или по крайней мѣрѣ — объясненіемъ позднихъ ихъ сказаній. Это составишь вторую часть разсужденія.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Примѣчанія.

1. *Нест. Шлец.* Рус. переводъ. Ч. I. Введ. Отдѣл. II. стр. НВ.

2. *Ист. Гос. Рос.* изд. 2. Томъ I. прим. 35.

3. *Еверс. Предв. крит. изслѣд.* Рус. пер. стр. 90.

4. *Шлецеръ. Нест.* Предувѣд. стр. XIII и XIV.

5. *Шлецеръ* во многихъ мѣстахъ своего *Нестора* указываетъ на такія извѣстія въ сочиненіяхъ Татищева, Щербатова, Ломоносова, Елагина, Емина и др., кои заимствованы ими безъ всякой критики изъ Спѣсенныхъ книгъ, между тѣмъ какъ въ иныхъ случаяхъ пользовались они древнѣйшими списками. Самъ Шлецеръ отдавалъ преимущество симъ послѣднимъ, именуя Спѣсенныя книги чудовищами, кои нанесли много вреда Русской Исторіи (*Шлец. Нес.* Введ. Отд. IV. ЧВ. и Отд. V. РДД). Карамзинъ принималъ его мнѣніе, но часто вѣрилъ и позднѣйшимъ спискамъ. Баронъ Розенкампфъ, въ сочиненіи: о Кормчей книгѣ, болѣе, кажется, уважаетъ Спѣсенныя книги и Лѣтопись по Ник. списку, называя мнѣніе Шлецера несправедливымъ. Вотъ собственныя слова его: „Полагаемъ, напримѣръ, въ XVI или въ XVII столѣт., что два переписчика имѣли каждый предъ собою древнѣйшіе (тогда еще существовавшіе списки); полагаемъ, что одинъ не пропускалъ ничего изъ церковныхъ извѣстій, однакожъ употребилъ слогъ и языкъ своего времени; между тѣмъ какъ другой позволялъ себѣ сокращать большую часть сихъ церковныхъ сказаній, не удаляясь впрочемъ ни отъ слога, ни отъ правописанія подлинниковъ. Вотъ, въ чемъ, по моему мнѣнію, состоитъ разнообразность между Кенигсбергс. и такъ называемымъ Ник. списками" (*О Кормчей*

книгъ соч. В. Розенкампфа. Прим. къ введ. стр. 4—5). Сіе положеніе (или лучше предположеніе) не опровергаетъ мнѣнія Шлецера, который въ позднѣйшихъ спискахъ находитъ даже умышленную поддѣлку духовныхъ переписчиковъ и сборщиковъ (Вв. Опд. III. IIE). Другіе писатели, сообразно видамъ своимъ, измѣняютъ мнѣніе о достоинствѣ лѣтописей; такъ напр. Евергъ (въ Предв. кр. изс. стр. 253 и слѣд.) защищаетъ Степенныя книги и Никон. лѣтопись противъ нападеній Шлецера, замѣчая справедливо нѣкоторыя противорѣчія въ сужденіяхъ сего послѣдняго; въ продолженіи же всего сочиненія приводитъ нѣсколько древнѣйшихъ списковъ. Тоже и другіе.

6. *Нест. Шлец.* Введ. Отд. I. стр. IV и VI. — *Карамзинъ (Ист. Гос. Рос.* Томъ I. Объ источ. Рос. Исторіи стр. XXVII.) говоритъ, что въ древнѣйшемъ рукописномъ Патерикѣ нѣтъ жизни Нестора, а Тимковскій доказалъ, что сіе сочиненіе несправедливо ему приписывается.

7. *Шлец. Нест.* Вступ. въ Рус. Истор. стр. 4.

8. *Ист. Гос. Рос.* Том. I. Объ источ. Рос. Ист. стр. XXVII. Сообщаемъ любопытное замѣчаніе, для улики: издатели списковъ Кенигсбергскаго (Тауберъ съ Барковымъ) и Лавреншіевскаго (К. Калайдовичъ) прибавили *отъ себя* имя Нестора, котораго *нѣтъ въ заглавіи подлинниковъ.*

9. Во времена невѣжества это очень обыкновенно. *Шлец. Нест.* Введ. Отд. III. IIS. II3.)

10. *Лът. по Кен. списку.* изд. 1767. стр. 112—113.

11. *Лът. по Кен. списку.* стр. 130—131.

12. Исторіографъ находитъ вѣроятнымъ существованіе церковныхъ записокъ, по коимъ, какъ

онъ предполагаетъ, Несторъ означалъ дни преставленія нѣкоторыхъ *древнихъ* Князей (*Ист.* Г. Р. Томъ I. Объ Исп. Рос. Ис. XXVIII). Предположеніе — не доказательство; и мы въ свою очередь имѣемъ право предполагать, что Несторомъ только и были составлены монастырскія записки, въ кои онъ вносилъ извѣстія о смерти *современныхъ* Князей и дѣшей ихъ, о чудесахъ, знаменіяхъ, происшествіяхъ церковныхъ или только касающихся до мѣста его жительства: такъ напр. о нашествіи Боняка на монастырь Печерскій (лѣт. по Кенигс. списку. стр. 144). Это мѣсто многими также принимается за доказательство, что лѣтописи, до насъ дошедшія, писаны въ XI стр. Несторомъ, въ Кіевѣ. Намъ иногда толкуютъ о какихъ-то лѣтописяхъ, яко бы X вѣка, и еще о какихъ-то письменныхъ памятникахъ, коими будто бы пользовался Преподобный Несторъ для составленія своей лѣтописи. Не знаемъ, на чемъ основаны такія мнѣнія. Ужъ не на договорахъ ли Олега и Игоря съ Греками, кои не могли сохранишься въ изустныхъ преданіяхъ! Даже для Шлецера, столь уважавшаго Рус. лѣтописи, договоры сіи представляли загадку, которую рѣшить казалось ему гораздо труднѣе — списка кораблей Гомеровыхъ. (*Нест.* Введ. отд. I. стр. 91.) Приблизившись, сколько можно, къ точному понятію о времени и образѣ составленія нашихъ лѣтописей, мы увидимъ, что должно думать о сихъ договорахъ и гдѣ искать ихъ источниковъ...

13. То есть: древнѣйшихъ или еще ненапечатанныхъ. Такъ заключаю изъ словъ Карамзина: „въ разныхъ спискахъ Нестора (Пушк. Кен.) находятся слова: къ немужъ (Ѳеодосію) и азъ пріидохъ“ и пр. (Объ Исп. Рос. Ист. XXVII.). Если бы сіи извѣстія были во всѣхъ спискахъ; то Исторіографъ упомянулъ бы объ этомъ, тѣмъ

болѣе, чшо сіи слова служашъ, по его мнѣнію, доказашельсшвомъ древносши нашихъ лѣшописей.

14. „Въ лѣшо 6559 (1051) посшави Ярославъ Иларіона Мишрополишомъ Русина въ Свяшѣй Софіи, собравъ Епископы.“ (Лѣш. по Кен. спис. 108). Вообще шакихъ собышій много въ семъ мѣсшѣ лѣшописи. Напр. подъ годами: 1037, 1039, 1044, 1045, 1050, слѣдуешъ вышеприведенное извѣсшіе и повѣсшвованіе о началѣ Печерскаго монасшыря, — а пошомъ, подъ 1052, 1053, 1054, опядь происшесшвія, по видимому, заимсшвованныя лѣшописцемъ (кшо бы онъ ни былъ) изъ церковныхъ записокъ, коихъ сущесшвованіе съ досшашочнымъ вѣроящіемъ предполагаешъ Испоріографъ, и первое начало коихъ — съ досшашочнымъ же вѣроящіемъ — можешъ бышь приписано Несшору. Не ошъ сего ли получилъ онъ исключишельное названіе лѣшописца Печерскаго?

15. Въ *лѣш. Нест. по Кен. списку*, послѣ словъ „паки скажемъ“ посшавлена сноска и внизу сшраницы 113 читаешся слѣдующее замѣчаніе: „жишіе Свяшыхъ Аншонія и Ѳеодосія Печерскихъ, шакже и Исакія Зашворника, кои Несшоръ въ семъ мѣсшѣ полагаешъ — просшранно описаны въ Печерскомъ Паперикѣ.“ Я не могъ справишься о продолженіи сего повѣсшвованія: ибо лѣшопись Несшора по древнѣйшему списку Мниха Лаврешія доведена (въ свод. изданіи Пушк. Троиц. и Кен.) шолько до 1019; *Нест. Шлец.*—до восшесшвія на пресшолъ В. К. Владиміра; въ Рус. лѣшописи по *Воск. списку* (изд. 1793) подъ 1051 нѣшъ сего извѣсшія — даже не упомянушо о Мишрополишѣ Иларіонѣ. Въ *Соф. врем.* (изд. Г. Спроева) подъ 1051 сказано шолько: „въ лѣшо 6559 посшави Ярославъ Ларіона Мишрополиша, Русина Свяшѣй Софіи въ Кіевѣ, собравъ Епископы.“ (Том. I. сш. 155) — ни слова о началѣ Печерскаго монасшыря.

Въ *Рус. лът. по Ник. списку*, вмѣсто словъ: паки скажемъ написано — „инде скажемъ.“ Далѣе въ сей послѣдней не находимъ ничего о жизни Св. Ѳеодосія до 1074 г., подъ коимъ сказано: преставися Ѳеодосій, Игуменъ Печерскій, и пр. и далѣе: „рцемъ же здѣ и успеніе его мало сицѣ.“ Часпицею *же*, сочинитель, кажется, намекаетъ на *инде*; но успеніе не жизнь; притомъ же послѣ кончины Ѳеодосія повѣствуется о дѣлахъ многихъ другихъ иноковъ. *Соф. Врем.*, не говоря ни слова о жизни, повторяетъ слова: „скажемъ же и успеніе его мало“ (стр. 170). Въ *Рус. лът. по Воск. списку* (стр. 206) также находится: „скажемъ же мало о оуспѣніи его.“ Въ двухъ послѣднихъ спискахъ извѣстія сіи сокращены прошивъ *Никоновской*. Въ *лѣтописи по Кенигс. списку* нѣтъ повѣствованія объ успеніи (если только оно не выпущено издателями). Однѣ уже сіи разногласія дѣлаютъ въ лѣтописяхъ и жизнь и успеніе Св. Ѳеодосія — весьма замѣчательнымъ. Упомянутые списки новы; но по вышеприведеннымъ словамъ Карамзина (выше, прим. 13) можно заключить, что и въ древнѣйшихъ найдутся подобныя противорѣчія касательно сихъ извѣстій.

16. Въ лѣто 6596 (1088) священа бысть церковь Св. Михаила, монастыря Всеволожа, и проч. Въ лѣто 6597, священа бысть церковь Печерск. Святыя Богородицы монастыря Ѳеодосіева, и проч. Въ сіе же лѣто преставись Іоаннъ Митрополитъ, и проч. Въ сіе же лѣто иде Янька, дщи Всеволожа въ Греки и приведе Митрополита Іоанна, скопческа чину, и проч. Въ сіе же лѣто священа бысть церковь С. Михаила Переяславская, и проч. Въ лѣто 6599 (1090) — вышеупомянутое извѣстіе о перенесеніи мощей; далѣе: въ сіе же лѣто бысть знаменіе въ солнцѣ, и проч. Въ сіе же время и земля спукну, яко мнози слышаша. Въ сія же времена знаменіе бысть въ небеси, яко кругъ бысть по-

средѣ неба превеликъ. Въ се же лѣто водро бяше, яко изгараша земля, и проч. — и многи знаменія бываху по мѣстамъ, и проч. Въ сія же времена многи человѣцы умираху различными недугы (Лѣт. по Кенигс. спис. стр. 130 — 133). Подобныя извѣстія дѣйствительно могли быть записываемы современнымъ монахомъ; но идея о сочиненіи сколько нибудь систематическомъ, сообщающемъ событія прежнихъ вѣковъ, несовмѣстна съ понятіемъ, какое имѣемъ мы о степени умственнаго образованія соотечественниковъ нашихъ въ XI вѣкѣ. Лучше допустить возможное, нежели слѣпо вѣрить невѣроятному.

17. Такъ на пр. *Врем. Соф.*, подробно разсказывающій объ убіеніи въ Кіевѣ Варяга христіанина съ сыномъ его, о предложеніи Владиміру различными народами вѣроисповѣданій своихъ, приводящій даже бесѣду сего Князя съ Греческимъ Философомъ (*Соф. вр.* стр. 57—76) — подъ 1091 говоритъ только: „перенесенъ бысть Ѳеодосій изъ печеры въ монастырь, и положенъ бысть въ церкви своей сему въ притворѣ на десной сторонѣ, идѣ же и нынѣ лежитъ. Августа въ Д день.“ Потомъ приводитъ имена Епископовъ, переносившихъ священные останки Преподобнаго. Какъ бы, кажется, не упомянуть при семъ случаѣ, что Несторъ, первый лѣтописецъ Русскій (а лѣтописцы были у насъ всегда въ уваженіи) участвовалъ въ семъ дѣлѣ — и еще въ открытіи мощей? Напротивъ *Лет. по Никон. списку*, прибавляя нѣкоторыя подробности событія (стр. 193), разсказываетъ еще о пророчествѣ Ѳеодосія и заключаетъ похвалою сему Святому. Ясно, что сборщикъ перваго списка не уважалъ извѣстіемъ, а сборщикъ втораго или пользовался другимъ источникомъ, или сдѣлалъ въ семъ мѣстѣ выписку полнѣе, нежели каковая находится въ древнѣйшихъ спискахъ.

18. Такъ на пр. нашествіе Бояка на монастырь Печерскій подъ 1096 и бесѣда какого-то инока съ ослѣпленнымъ Княземъ Василькомъ подъ 1097 г. Сіи событія легко подходятъ подъ категорію вышеупомянутыхъ. Первое прямо касалось до монастыря; во второмъ инокъ былъ самъ дѣйствующимъ лицомъ. Только прибавленіе, находящееся при первомъ повѣствованіи, отъ словъ: „сеже хочу сказати, яже прежде сихъ 4 лѣтъ" и пр. — до словъ: „но мы на прежнее возвратимся" (по Кенигс. 145 — 146; по Ник. часть II. 15 — 16) принадлежитъ ко времени составленія лѣтописей, о чемъ будетъ сказано ниже (прим. 27).

19. Какое бы ни было мнѣніе о древности нашихъ лѣтописей, существованіе монастырскихъ записокъ XII даже XI вѣка — вѣроятно. Это не уничтожаетъ понятія о недостовѣрности древней нашей Исторіи. Что значитъ лѣтопись, составленная изъ записокъ, въ коихъ сообщались извѣстія о смерти современныхъ Князей, Митрополитовъ, о знаменіяхъ, чудесахъ и церковныхъ происшествіяхъ? — Ясно, что воображенію позднѣйшихъ сборщиковъ оставалось еще много работы! Записокъ правителей областей, кои Г. Строевъ (Соф. вр. Пред. X) находитъ вѣроятными — прежде XII ст. предположить не можемъ, да и тутъ еще не видимъ ясныхъ слѣдовъ оныхъ.

20. Древнѣйшій списокъ, такъ называемой Несторовой лѣтописи — есть Лаврентьевскій, списанный въ 1377, для В. К. Дмитрія Константиновича Суздальскаго.

21. Еверсъ *Пред. Крит. изсл.* стр. 249.

Какъ искажены лѣтописи наши переписчиками, объ этомъ много говоритъ Шлецеръ (*Нест.* Вв. Ст. III §§ 14 и 20, также въ разныхъ мѣстахъ при сличеніи текста).

22. Шлец. *Несторъ*, Введ. Отд. I. § 4.

23. Притомъ же въ другомъ мѣстѣ Шлецеръ замѣчаетъ сходство нашихъ лѣтописей съ Франкскими и Нѣмецкими, и еще въ другомъ съ Англо-Саксонскими (*Шлец. Нест.* Вступ. въ Рус. Исп. стр. 5 и 259). Если это сходство случайное — оно ничего не доказываетъ; если нѣтъ, то допускаетъ предположеніе, что позднѣйшіе сборщики сихъ временниковъ — пользовались различными источниками. Русская Правда и мнимые договоры Олега и Игоря съ Греками дѣйствительно указываютъ на источники заимствованія и подражанія — только не на Византійскіе!

24. И только что грамотныхъ: объ учености не льзя и думать. Богослужебныя книги составляли единственный предметъ занятій для духовныхъ даже и не въ XI вѣкѣ.

25. Дошедшіе до насъ сборники не суть просто записки происшествій; но въ нихъ, и особливо сначала, замѣчается какой-то порядокъ, — родъ системы (*Шл. Нест.* Отд. I. стр. К и КА).

26. Шлецеръ чувствовалъ это, даже замѣтилъ въ своемъ сочиненіи (Вв. Отд. II стр. НЗ); но при всемъ томъ остался при своей увѣренности и находилъ причины — если не тому, что лѣтописи являются у насъ такъ рано, то по крайней мѣрѣ — тому, отъ чего онѣ у другихъ Славянскихъ народовъ долго не являлись (Вв. Отд. III ОЗ—ОИ). Не смѣю судить о достоинствѣ сихъ причинъ. Шлецеръ оказалъ намъ великую услугу, обративъ ученое вниманіе на наши временники; но высшая критика сихъ временниковъ начинается только въ наше время.

27. Такъ напр. по многихъ же временехъ сѣли суть Словене по Дунаеви, гдѣ (нынѣ) есть

Угорская земля и *Болгарская* (*Рос. лѣт.* по Кен. спис. спр. 6).

Тамъ же исчисляются народы, кои въ XI вѣкѣ не могли быть извѣстны монаху Кіевскому. Самъ Шлецеръ (Введ. въ Рус. Ист. спр. 84) удивляется географическимъ его познаніямъ.

Подъ 1096. Разсказъ какого-то Новгородца: „послахъ оброка моего въ Печеру“ и пр. „оттуда иде въ Югру; Югра же сушь языкъ нѣмъ и сосѣдятъ со Самоядью“ и проч. (по Кенигс. спр. 145—146). Никоимъ образомъ не можно даже предположишь, не только доказашь, чтобы въ XI ст. шакъ далеко простирались открытія Новгородцевъ. Подобныхъ извѣстій и указаній болѣе, нежели мѣстъ, коими доказывается древность лѣтописей. Это позднѣйшія вставки, возразятъ намъ; надобно очистишь отъ нихъ Нестора. Отвѣчаю: если исключишь изъ дошедшихъ до насъ сборниковъ все, чего не могъ написашь Несторъ въ XI ст.; то едва ли не останутся однѣ лишь вышеупомянутыя, только что вѣроятныя — монастырскія записки.

28. Гость (Gast), вира (Wehrgeld) зашли чрезъ Новгородъ, при сообщеніи съ Ганзейскими городами; Нѣмецъ — отъ Славянъ Балтійскихъ. Что сказашь шакже: о погостяхъ, даняхъ, оброкахъ, ловищахъ и перевѣсищахъ, установленныхъ будто бы Ольгою? (*Рос. лът.* по Кен. спис. подъ 947 годомъ!).

29. *Соф. врем.* изд. Спр. Предис. спр. IX. Такое обиліе примѣчается особенно въ XIV и XV вѣкахъ, и, по нашему мнѣнію, служитъ шакже доказашельствомъ позднѣйшаго составленія дошедшихъ до насъ сборниковъ. О невѣрности лѣтосчисленія говоритъ Шлецеръ (*Нест. Введ.* Отд. I. спр. KA).

30. „Тогда только я въ чемъ кому повѣрю, когда пойму, что онъ разсказываемое имъ могъ знать.“ (*Шлец. Нес.* Вв. Отд. II. стр. НВ).

31. *Нест.* Вв. Отд. II. стр. ИЗ. Сіи слова приводитъ незабвенный изслѣдователь нашихъ лѣтописей, вѣроятно для доказательства, что Несторъ есть одинъ только настоящій, въ своемъ родѣ полный и справедливый (съ небольшими выключеніями) лѣтописатель“ — (верхняго, т. е. дальняго Сѣвера въ XI. ст.) (*Шл. Нес.* Вв. Отд. II: МЗ). Если предоставить Нестору составленіе вышеупомянутыхъ, предполагаемыхъ, монастырскихъ записокъ: то онъ дѣйствительно будетъ—настоящій, въ своемъ родѣ полный и справедливый. Только не знаю, можно ли будетъ тогда назвать его лѣтописцемъ — въ томъ смыслѣ, въ какомъ донынѣ мы его почитаемъ.

IV. СМѢСЬ.

1. Ученыя извѣстія.

a. О новомъ открытомъ Проф. Майеромъ въ Боннѣ, нервномъ узелкѣ, находящемся у человѣка и у млекопитающихъ въ самомъ мѣстѣ раздѣленія общей головной артеріи на внутреннюю и наружную (Ganglion intercaroticum).

Сообщ. Пр. Эйнбродтомъ.

Кромѣ извѣстныхъ уже двухъ или трехъ узелковъ шейной части сочувственнаго нерва (ganglion cervicale superius, medium et inferius), нѣкоторые Анатомы открыли и описали еще небольшіе узелки, кои болѣе или менѣе тѣсно соединены съ вѣтвями шейной части сочувственнаго нерва. Кромѣ узла, открытаго Арнольдомъ при выхожденіи тройничьей вѣтви нижней пары и названнаго имъ ушнымъ (ganglion oticum), (каковое названіе Г. Майеръ почитаетъ несправедливымъ; ибо сей узелъ должно почитать отдѣленіемъ сочувственнаго нерва, какъ сіе имъ уже прежде подтверждено многими доказательствами); кромѣ узловъ основнонебнаго (ganglion sphenopalatinum) и пещеристаго (ganglion caroticum s. cavernosum), кои принадлежатъ къ отдѣленіямъ того же рода, Нейбауеръ, Андерихъ и Скарпа нашли еще нѣсколько шейныхъ узелковъ. Нейбауеръ описываетъ узелокъ, прилежащій къ внѣш-

ней и задней сторонѣ наружной головной арперіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ оной происходятъ арперіи затылочная и внутренняя челюстная. Кажется, однакожъ, что сей узелъ не всегда постоянно примѣчается. Андершъ упоминаетъ о мягкомъ узелкѣ (ganglion molle), находящемся на наружной сторонѣ глубокой височной арперіи, и подробно описывая нѣжность онаго, говоритъ: ganglion nitidissimum, quod sex lineas largum et admodum tumidum est, valde albicans, oculi vitrei humoris adinstar pellucidum atque striis subrubris secundum longitudinem variegatum, quae per ejus membranam pulchre transpareant. (v. Andersch Tractat. anat. phys. de nervis P. I. pag. 119). Мнѣ неизвѣстно, подтверждено ли сіе открытіе кѣмъ-либо другимъ. Два мягкіе нерва въ семъ мѣстѣ нѣсколько отолстѣваютъ, но въ весьма рѣдкихъ случаяхъ отолстѣніе сіе имѣетъ величину и устроеніе, описанное Андершомъ.

Однакожъ Скарпа также утверждаетъ, что въ томъ мѣстѣ, о коемъ упоминаетъ Андершъ, находится нервное отолстѣніе, (ganglion ferme in omnibus humanis subjectis reperiundum, in quod unus pluresve nervi molles, arteriam temporalem profundam comitantes intumescunt, v. Tab. neurol. № 148.). Сіи узлы однакожъ не всегда одинаковымъ образомъ бываютъ развиты, иногда и вовсе не примѣчаются. Къ сему же классу я долженъ отнести небольшой узелокъ, примѣченный мною на нервной нити, которая, происходя изъ верхней части шейнаго узла, идетъ къ щитообразной железѣ; но не достигнувъ оной отолстѣваетъ, и соединяется съ верхнею арперіею сей желѣзы. О

семъ узелкѣ; сколько мнѣ извѣстно, никто еще не упоминалъ.

Всѣ сіи отолстѣнія лежатъ, такъ сказать, по ходу вѣтвей шейной части сочувствіеннаго нерва; а посему иногда онѣ примѣчаются, а иногда ихъ вовсе недостаетъ. Онѣ также всегда очень малы и мягки. Подобные измѣняющіеся узелки замѣчаемъ мы и въ другихъ мѣстахъ по ходу вѣтвей сочувствіеннаго нерва; такъ напр. я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ трупахъ нервъ большей и малой утробной (n. splanchnicus) составляли нервную нить, во многихъ мѣстахъ отолстѣнія имѣющую.

Важнѣйшій и, сколько мнѣ извѣстно, по сіе время, никѣмъ еще неописанный узелъ, имѣющій болѣе ровную величину и очертаніе, находится постоянно на внутренней сторонѣ угла, образуемаго наружною и внутреннею головною артеріею въ самомъ мѣстѣ ихъ происхожденія изъ ствола общей головной артеріи. Онъ имѣетъ величину сорочинскаго пшена, продолговатъ, цвѣту краснова-таго, снабженъ многими сосудами и при осязаніи нѣсколько твердъ. По своему устроенію и плотности сей узелъ совершенно сходствуетъ съ верхнимъ шейнымъ. Посредствомъ небольшой связки онъ прикрѣпляется къ углу обѣихъ вышеозначенныхъ артерій; посредствомъ же одной или двухъ вѣтвей соединяется съ сплетеніемъ, образуемымъ около головныхъ артерій мягкими нервами, происходящими изъ верхняго шейнаго узла. Весьма важно однакожъ соединеніе сего узла съ тонкою вѣтвію нерва языкоглоточнаго (nervus

glossopharyngeus), которая, удѣляющая вѣточки къ сплетенію мягкихъ нервовъ наружной головной артеріи, наконецъ вся оканчивается въ семъ узелкѣ. Сія самая вѣтвь языкоглоточнаго нерва соединяется иногда на пути своемъ съ вѣтвію нерва скитающагося (n. vagus). По моимъ наблюденіямъ, узелъ сей у человѣка всегда явственно бываетъ развитъ. Дабы въ скоромъ удостовѣриться въ присутствіи сего узла у человѣка, не нужно прежде приготовлять весьма тонкихъ вѣтвей языкоглоточнаго и сосѣднихъ нервовъ; достаточно будетъ, вырѣзавши общій стволъ головной артеріи съ частію внутренней и наружной, найти и очистить сей узелъ въ самомъ углу раздѣленія на внутренней поверхности сихъ артерій.

Я замѣтилъ въ первый разъ сей узелъ, занимаясь изысканіемъ шейныхъ нервовъ лошади, гдѣ онъ также положеніе свое имѣетъ при самомъ раздѣленіи общей головной артеріи на вѣтви. У лошади сей узелъ имѣетъ болѣе круглый видъ, красноватъ и довольно твердъ; соединяющаяся съ нимъ вѣтвь языкоглоточнаго нерва нарочито толста и длинна. У шелягъ узелъ сей, находясь въ томъ же мѣстѣ, цвѣтъ имѣетъ бѣловатый и тѣснѣе соединенъ съ сплетеніемъ мягкихъ нервовъ, чѣмъ у человѣка.

Изъ вышеприведеннаго явствуетъ, что при самомъ раздѣленіи общей головной артеріи примѣчается постоянный узелъ, образуемый изъ сочувственнаго нерва, соединеннаго съ языкоглоточнымъ и отчасти съ скитающимся. Сей узелъ,

какъ по своей формѣ и устроенію, такъ и по положенію, при углѣ раздѣленія артеріи, весьма сходствуетъ съ узлами употребнаго сплетенія; и вѣроятно имѣетъ одинаковое съ ними, но по сіе время еще несовершенно дознанное назначеніе.

---

b. Г. Академикъ *Купферъ* увѣдомляетъ Д. *Брюстера*, что изъ наблюденій, производимыхъ въ продолженіе 1831 года, открылъ онъ въ стальныхъ брускахъ уменьшеніе магнитной силы какъ онъ тепла, такъ и отъ холода; т. е. когда намагниченный брусокъ бываетъ подвергнутъ температурѣ выше той, въ которой онъ находился послѣ намагниченія; тогда уничтожающаяся при семъ часть его силы по охлажденіи уже не возстановляется. Сверхъ того Г. *Купферъ* прибавляетъ, что онъ нашелъ, по его мнѣнію, вѣрный способъ составлять магнитные цилиндры постоянной силы, и потому весьма способные для измѣренія земной магнитности: для сего надобно нѣсколько разъ погружать ихъ въ кипящую воду и столько же разъ охлаждать до 20° или 25° по Р. ниже нуля. Наконецъ Г. *Купферъ* извѣщаетъ, что онъ увѣрился въ сушочной перемѣнѣ наклоненія, и такжe въ перемѣнѣ напряженія земной магнитности посредствомъ наблюденій надъ весьма длинною магнитною стрѣлкою, полагаемою на острее ножа. Опыты сіи показали, что *въ 11 часовъ утра наклоненіе бываетъ нѣсколько больше, нежели въ 11 часовъ вечера, и напротивъ, напряженіе земной магнитности увеличивается къ вечеру.*

. . . с. Въ сѣняхъ зданія, занимаемаго Королевскимъ Лондонскимъ Обществомъ Наукъ, устроенъ водяный баромегпръ Г. *Даніелемъ*. Хотя и прежде еще *Отто Герике* и *Маріоттъ* дѣлали наблюденія надъ такимъ баромегпромъ, но, по несовершенству его спроенія, наблюденія сіи не могли быть полезными. Затрудненія, непреодолимыя для того времени, уничтожены наконецъ спараніями Г. *Даніеля*. Спроеніе его баромегпра одобрено Метеорологическимъ комитетомъ Общества Наукъ и подробно изложено въ запискѣ, поданной въ сіе Общество Іюня 21 дня, 1832 года. Баромегпръ утвержденъ внутри круглой лѣстницы изъ сѣней въ комнаты Общества; трубка его сдѣлана на стекляной фабрикѣ *Пеллата*. Она имѣетъ длины 40 футовъ и *одинъ* дюймъ въ діамегпрѣ при нижнемъ концѣ; прочность ея *калибра* весьма удовлетворительна: ибо діамегпръ онаго конца только 0,2 дюйма больше діамегпра верхняго. Небольшой термомегпръ съ дѣленіемъ на плашинѣ вставленъ въ верхнюю часть трубки, которая оканчивается тонкою трубочкой съ маленькимъ краномъ. Нижній конецъ трубки опущенъ въ мѣдный паровой котелокъ длиною въ 18, шириною въ 11 и глубиною въ 10 дюймовъ; сосудъ сей можетъ запираться краномъ, и на днѣ его находится впадина, въ которую вставляется трубка, когда надобно бываетъ выпустить изъ него воду, оставляя оную въ самой трубкѣ. Но для наполненія трубки перегнанною водою, наливаютъ ею котелокъ, который разогрѣвается потомъ на особенной кирпичной печкѣ; когда вода закипитъ, тогда от-

крываютъ кранъ, и вода поднимается въ трубку, будучи давима парами, собирающимися въ верхней части котелка. По наполненіи, трубка запаевается вверху *герметически*; потомъ съ надлежащею вѣрностью присоединяется къ ней лѣствица дѣленій, и вода въ котелкѣ заливается *бобровою струею*, которая преграждаетъ доступъ воздуха. — Изъ наблюденій, производимыхъ посредствомъ сего баромегра отъ Октября 1830 по Мартъ 1832 года, получены весьма важныя заключенія. Когда атмосфера колеблется вѣтромъ, тогда въ сполбѣ воды замѣчается непрерывное движеніе, подобное дыханію животнаго; слѣд. въ водяномъ баромегрѣ можно замѣчать тѣ перемѣны, которыя во ртутномъ совершенно не примѣтны. Возвышенія и пониженія воды усматриваются часомъ прежде подобныхъ перемѣнъ во ртути. Водяной баромегръ вполнѣ доказываетъ совершенное тожество силы паровъ, опредѣляемой вычисленіемъ и наблюденіемъ при температурѣ отъ 58° до 74° Фар. Изъ сего видно, что посредствомъ Даніелева снаряда можно будетъ получить точнѣйшія свѣденія о приливахъ и отливахъ земной атмосферы, производимыхъ притяженіемъ луны.

---

8. *Метеорологическія наблюденія.*

Выписка изъ журнала метеорологическихъ наблюденій съ 1 *Января по* 1 *Іюня* (ст. стил.) *сего года.*

Январь. Высшее состояніе баромегра, приведенное къ *нулю* температуры: 729,6 миллиметра 7 числа въ 2 ч. пополудни, при 5°,5 по

Реом. 100° по Сос. гигромешру, при умѣренномъ С. З. вѣтрѣ и облачномъ небѣ. *Высшее* состояніе онаго: 752,2 мил. 10 числа въ 10 ч. пополудни при — 23°,3 по Реом., 71° по Гигр., при ясномъ небѣ и совершенномъ безвѣтріи. Среднее изъ обоихъ состояній: 740,9 мил.; разность оныхъ: 22,6 мил.

Низшая температура: — 26°,1 по Р. 10 числа въ 8 часовъ утра при ясномъ небѣ и безвѣтріи; *высшая*: + 1°,6 Р. 31 числа также въ 8 часовъ утра; — средняя изъ обѣихъ температуръ: — 12°,25; *разность оныхъ*: 27°,7.

Среднія показанія: баромешра 741,42 мил.; шермомешра 9°,3; гигромешра 86°.

Направленіе вѣтра: Сѣверный замѣченъ былъ 6 разъ; С. В. — 5 разъ, С. З. — 11 р., В. — 3 р., Ю. — 1 р., Ю. В.— 8 р., Ю. З. — 9 р., З. — 5 раза. Сила вѣтра по большой части умѣренная; буря онъ восшока единожды 20 числа въ 2 часа пополудни; совершенное безвѣтріе — 17 разъ, припомъ 3, 5, 10, 18, 19 числъ по цѣлымъ сушкамъ.

Атмосфера: совершенно ясныхъ дней было *четыре*: 5, 10, 11 и 18 чиселъ; шуманъ замѣченъ 4 раза; снѣгъ шелъ 15 разъ, припомъ 2 и 25 чиселъ по цѣлымъ днямъ.

Февраль. *Низшее* состояніе баромешра: 734,1 мил. 1 числа въ 8 ч. утра при + 0°,7 по Р., 100° по Гигр., при облачномъ небѣ и совершенномъ безвѣтріи.

Высшее состояніе онаго: 766,1 мил. 11 числа въ 8ч утра при — 6°,5 по Р., 87° по Гигр., при безвѣтріи и снѣгѣ. Среднее изъ обоихъ состояній: 750,1 мил.; разность 32 мил.

Нисшая шемпература: — 14°,2 по Р. въ 8 ч. утра 10 числа при ясномъ небѣ и безвѣтріи; *высшая:* + 2°,4 въ 2 ч. пополудни 1 числа при слабомъ Ю. З. вѣтрѣ и облачномъ небѣ. Средняя изъ обѣихъ шем. — 5°,9; разность оныхъ: 16°,6.

Среднія показанія: баромешра 744,26 мил.; шермомешра 4°,3, гигромешра 73°.

Направленіе вѣтра: Сѣверный 6 разъ, и 2 числа во весь день; С. В. — ни одного раза; С. З. — тоже; В. — 6, и 6 числа во весь день; Ю. В. — 12 разъ и 7, 8 и 12 чис. по цѣлымъ днямъ; Ю. З. — 12 разъ, и 18, 19, 20, 21 по цѣлымъ днямъ; Ю. — ни одного раза; З. — 21 разъ, и 13, 15, 23, 25, 26 по цѣлымъ днямъ. Сила вѣтра по большей часши слабая; бурь не было; безвѣтріе — 19 разъ, и 9, 10, 11 чис. по цѣлымъ днямъ.

Атмосфера: совершенно ясные дни были 8, 10, 12, 13 чиселъ; шуманъ замѣченъ 7 разъ; снѣгъ шелъ 11 разъ, и никогда по цѣлымъ днямъ.

Маршъ. *Нисшее* спояніе баромешра: 738,4 мил. въ 8 ч. утра 17 числа при — 5°,9 по Р. и 49° по Гигромешру, при шихомъ западномъ вѣтрѣ и снѣгѣ.

Высшее спояніе онаго: 757,7 мил. 12 числа въ 2 ч. пополудни при + 2° по Р. и 54° по Гигромешру, при слабомъ Юговосшочномъ вѣтрѣ и разсѣянныхъ облакахъ. Среднее изъ обоихъ спояній: 748,05 мил., разность оныхъ 19,3 мил.

Нисшая шемпература: — 12° въ 8 ч. утра 5 числа при шуманѣ и безвѣтріи; *высшая:* + 5°,7 въ 2 ч. пополудни 22 числа при посредспвенномъ

Юговосточномъ вѣтрѣ и облачномъ небѣ. Средняя изъ обѣихъ температуръ: — 2°,15; разность ихъ: 17°,5.

Среднія показанія: барометра 745,73 мил.; термометра — 2°,6; гигрометра 62°.

Направленіе вѣтра: Сѣверный 6 разъ, и 27 числа весь день, С. В. — 7 разъ, и 24 ч. во весь день; С. З. — 6 разъ, и 16 числа во весь день; В. — 2 раза; Ю. В. — 18 разъ; Ю. З. — 8 разъ; Ю. — 2 раза; З. — 6 разъ, и 17 чис. во весь день; сила вѣтра посредственная; бурь не было; безвѣтріе — 27 разъ, и 5 ч. во весь день.

Атмосфера: совершенно ясный день былъ только 9 числа; туманъ замѣченъ 5 разъ; снѣгъ шелъ 3 раза, и дождь единожды.

Апрѣль. *Высшее* стояніе барометра: 735,3 м. въ 8 ч. утра 15 числа при + 6° по Р. и 69° по Гигрометру, при умѣренномъ Западномъ вѣтрѣ и облачномъ небѣ. *Высшее* стояніе онаго: 753 м. въ 10 ч. вечера 7 числа при + 5°,7 по Р. и 74° по Гигрометру, при довольно крѣпкомъ Юговосточномъ вѣтрѣ и ясномъ небѣ. Среднее изъ обоихъ стояній 744,15 мил.; разность 17,7 мил.

Высшая температура: — 0°,9 въ 8 ч. утра 1 числа при довольно крѣпкомъ Восточномъ вѣтрѣ и силѣ; *высшая:* + 19° въ 2 ч. пополудни 22 и 24 чиселъ при Юговосточномъ вѣтрѣ и разсѣянныхъ облакахъ. Средняя изъ обѣихъ температуръ: + 9°,05; разность 19°,9.

Среднія показанія: барометра 746,35 мил.; термометра + 7°,8; гигрометра 69°.

Направленіе вѣтра: Сѣверный 3 раза; С. З. — 6 разъ, и 25, 26 чиселъ по цѣлымъ днямъ; С. В. — 1 разъ; В. — 12 разъ, и 27 числа во весь день; Ю. В. — 27 разъ, и 5, 6, 7, 8, 9, 11, 23 чиселъ по цѣлымъ днямъ; Ю. — 10 разъ, и 14 числа во весь день; Ю. З. — 3 раза; З. — 9 разъ, и 30 ч. вовесь день. Сила вѣтра умѣренная; безвѣтріе — 9 разъ.

Атмосфера: совершенно ясные дни были 7, 8, 9, 10 чиселъ; снѣгъ шелъ 3 раза, и послѣдній выпалъ 27 чиселъ утромъ и вечеромъ; дождь шелъ 12 разъ; гроза была 24 числа въ 6 ч. пополудни.

Май. *Высшее* стояніе барометра: 729,5 мил въ 8 ч. утра 30 числа при + 10°,2 по Р. и 100° по Гигром., при дождѣ съ бурею отъ запада. *Высшее* стояніе онаго: 749,4 мил. въ 2 ч. пополудни 5 числа при + 18°,8 по Р. и 73° по Гигрометру, при довольно крѣпкомъ Западномъ вѣтрѣ и разсѣянныхъ облакахъ. Среднее изъ обоихъ стояній 739,45 мил.; разность оныхъ 19,9 мил.

Низшая температура: + 3°,6 въ 10 ч. пополудни 9 числа при крѣпкомъ Западномъ вѣтрѣ и облачномъ небѣ; *высшая:* + 21° въ 2 ч. пополудни 7 числа при тихомъ Западномъ вѣтрѣ и ясномъ небѣ. Средняя изъ обѣихъ температуръ: + 12°,3; разность оныхъ: 17°,4.

Среднія показанія: барометра 742,41 мил.; термометра + 11°,3; гигрометра 87°.

Направленіе вѣтра: Сѣверный одинъ разъ; С. В. — 2 раза; С. З. — 7 разъ; З. — 31 разъ,

и 6, 7, 8, 12, 13, 16, 30 и 31 по цѣлымъ днямъ; Ю. З. — 20 разъ, и 15, 17, 29 по цѣлымъ днямъ; Ю. — 2 раза; Ю. В. — 3 раза, т. е. во весь день 22 числа. Сила вѣтра по большой части весьма большая; буря 2 раза; безвѣтріе — 17 разъ, и 24, 27, 28 чиселъ по цѣлымъ днямъ.

Атмосфера: совершенно ясные дни были только 6 и 28 чиселъ; дождь шелъ 15 разъ, и вечеромъ 24 ч. весьма сильный; въ 5 часовъ пополудни 12 ч. была гроза.

Іюнь. *Высшее* стояніе барометра: 734,7 мил. въ 10 часовъ пополудни 1 числа при + 13°,7 по Р. и 100° по Гигрометру, при безвѣтріи и тучами покрытомъ небѣ. *Высшее* стояніе онаго: 750 мил. въ 8 ч. утра 16 числа при + 15° по Р. и 84° по Гигрометру, при безвѣтріи и совершенно ясномъ небѣ. Среднее изъ обоихъ стояній 742,35 мил.; разность оныхъ 15,3 мил.

Высшая температура: + 12° въ 10 ч. пополудни 2 числа при безвѣтріи и совершенно ясномъ небѣ; *высшая:* + 28°,7 въ 2 ч. пополудни при безвѣтріи и разсѣянныхъ облакахъ. Средняя изъ обѣихъ температуръ: + 20°,35; разность оныхъ 16°,7.

Среднія показанія: барометра 745,95 мил.; термометра 18°,9; гигрометра 79°.

Направленіе вѣтра: Сѣверный 12 разъ, и 10, 13, 14 чиселъ по цѣлымъ днямъ; С. В. — 5 разъ; С. З. — 6 разъ; В. — 6 разъ, и 20 ч. во весь день; Ю. В. — 4 раза; Ю. — 2 раза;

Ю. З. — 2 раза; З. — 1 разъ. Сила вѣтра по большой части умѣренная; буря — 2 раза въ половинѣ 7 часа 1 числа и въ 2 ч. пополудни 26 числа; безвѣтріе — 38 разъ, и 2, 5, 7, 22, 25 чиселъ по цѣлымъ днямъ.

Атмосфера: совершенно ясные дни были 12, 13, 15, 18, 20, 21, 22, 23 чис.; туманъ замѣченъ 2 раза; дождь шелъ 5 разъ; гроза была 4 раза; градъ величиною въ орѣхъ падалъ 28 числа въ 5 ч. пополудни въ бурю отъ Ю. З., которая продолжалась 5 минутъ, при высотѣ барометра 738,6 мил. и при + 15°.

---

9. *Библіографія.*

Съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей нашихъ о выходѣ въ свѣтъ первой книжки новаго ученаго журнала: *Дерптскія Лѣтописи.* Предметъ оныхъ Словесность, Спасительныя и Искусства, особенно въ отношеніи къ Россіи; а цѣль — сообщать иностранцамъ и Остзейскимъ сообщественникамъ свѣдѣнія о Россіи. Первая книжка совершенно соотвѣтствуетъ сему назначенію. Въ ней достойны внимательнаго чтенія: ученое воззрѣніе Профессора *Блума* на Россію; свѣжія извѣстія Др. *Зейдлитца* о Константинополѣ въ Медицинскомъ отношеніи, и Пр. *Ратке* о Крымѣ, по части Естественной Исторіи; свѣдѣнія Пр. *Струве* о новѣйшихъ Астрономическихъ и Геодезическихъ работахъ въ Россіи; разборъ стихотворенія Пушкина: *Борисъ Годуновъ*, написанный Барономъ Розеномъ; пись-

мо Армянскаго *Католикоса Іоанна* о памятникахъ Армянской письменности. Оспаемся желать успѣшнаго продолженія столь полезныхъ ученыхъ трудовъ.

Выписываемъ извѣстія Пр. Струве и письмо Католикоса.

„Одно изъ нашихъ измѣреній, Топографическое, производимое подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Шуберта, объемлетъ пространство между Петербургомъ, Прусскими и Австрійскими границами и Москвою, какъ срединою Имперіи, простираясь къ обоимъ берегамъ Финскаго залива; въ скоромъ же времени простянется на Югъ до Дуная. Другое, подъ начальствомъ Адмирала Грейга, продолжается по берегамъ Чернаго моря.

Измѣреніе градусовъ меридіана ведетъ сѣть треугольниковъ по Финскому заливу чрезъ Остзейскія Губерніи на югъ; и въ нѣсколько годовъ соединитъ Торнео съ измѣреніемъ Сѣвернымъ. Генералъ-Маіоръ Теннеръ, лѣтъ за 20 начавшій геодезическія работы въ Лифлѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ уже занимался вмѣстѣ съ знаменитымъ Кенигсбергскимъ Астрономомъ Бесселемъ, для соединенія Русскихъ измѣреній съ Прусскими, чѣмъ и сомкнется восточная часть сѣти Европейскихъ треугольниковъ, начинающихся отъ Балеарскихъ острововъ.

Второе соединеніе Географическихъ работъ въ Россіи съ работами сосѣдственныхъ Государствъ нынѣ приводится въ исполненіе. Хронометрическая Экспедиція, съ 40 хронометрами, отправилась на пароходѣ „Геркулесъ“ для опредѣленія долготы важнѣйшихъ въ мореплаваніи пунк-

шовъ на Балтійскомъ морѣ. Сія Экспедиція окажетъ важныя услуги *Географіи.*

Послѣдніе славные походы въ Европейской и Азіатской Турціи представили другой, не менѣе важный, поводъ къ возможной Географической точности со стороны южныхъ границъ Имперіи. Офицеры Главнаго Штаба, въ продолженіе войны, занимались Астрономическимъ опредѣленіемъ главнѣйшихъ пунктовъ, чрезъ кои проходили войска, въ обѣихъ частяхъ свѣта. Полковникъ Бырдинъ, въ 1828 и 1829 годахъ, въ Азіи, опредѣлилъ географическое положеніе восьми мѣстъ, въ томъ числѣ Карса, Ахалциха, Эрзерума. Въ послѣднемъ мѣстѣ удалось ему, при опредѣленіи долготы, совершенное наблюденіе покрытія α Тельца (Альдебарана) 25 Іюля 1829, и сверхъ того онъ произвелъ цѣлый рядъ наблюденій надъ прохожденіемъ луны чрезъ меридіанъ. Послѣдній способъ показалъ долготы Карса и Гумри. Географическія широты мѣстъ опредѣлены частію посредствомъ Мюнхенскаго шеодолита, частію секстантомъ, нѣкоторыя же пассажнымъ снарядомъ въ первомъ вертикалѣ, по способу Бесселя. Въ Европейской Турціи опредѣлено астрономически 75 мѣстъ, преимущественно лежащихъ по обѣимъ сторонамъ Дуная, отъ Бѣлграда до устья сей рѣки, а отсюда на Сѣверъ до границъ Россіи, и на Югъ, вдоль по берегу Чернаго моря, до Адріанополя. Въ числѣ многихъ наблюдателей съ большимъ успѣхомъ занимается Капитанъ Вронченко. Для опредѣленія долг. 17 пунктовъ употребленъ былъ способъ кульминацій, н. п. въ Яссахъ, Измаилѣ, Журжѣ, Базарджикѣ, Проводахъ, Гирсовѣ, Кистенджѣ, Фокшанахъ и проч. Въ 6 пунктахъ дѣ-

ланы наблюденія покрытія звѣздъ. Сіи пункты и между собою, и съ прочими соединены хронометрическою повѣркою, которая произведена была въ нѣсколько приемовъ на сушѣ и на водѣ. Всѣ широты мѣстъ измѣрялись помощію Мюнхенскаго теодолита. Основныя точки наблюдателя простыми тригонометрическими исчисленіями связывались съ верхами церквей, минаретовъ и другихъ замѣтныхъ пунктовъ.

Достойны также вниманія астрономическія наблюденія Г. *Фусса*, сдѣланныя имъ во время путешествія его въ Китай, коими опредѣлены многія мѣста, равно и труды *Ѳедорова*, путешествующаго по Западной Сибири. Путешествіе послѣдняго, начатое въ истекшемъ году, продолжится до 1835 года. Цѣль его опредѣлить 12 главныхъ и 36 второстепенныхъ пунктовъ, лежащихъ между Ураломъ и Енисеемъ, подъ 50° и 60° широты."

Почтенный Профессоръ обѣщается въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ сообщить подробное извѣстіе о всѣхъ Астрономо-Геодезическихъ трудахъ, предпринятыхъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ и доселѣ продолжающихся, для усовершенствованія Географіи Россійской.

Письмо Католикоса Іоанна содержитъ отвѣтъ Профессору Клоссіусу, который желалъ узнать, не находятся ли въ Эчміадзинскомъ монастырѣ Армянскіе переводы потерянныхъ Греческихъ сочиненій, равно какъ нѣкоторые изъ таковыхъ переводовъ найдены въ Армянскомъ же монастырѣ Св. Лазаря, въ Венеціи.

„Соболѣзную," пишетъ Іоаннъ: „что я не могу вполнѣ удовлетворить похвальному любопытству вашему, по причинѣ многочисленныхъ бѣдствій, перезавшихъ отечество мое въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. По перенесеніи Патріаршаго и Царскаго престола Арменіи въ Киликію (1113 г. по Р. Х.), писатели наши, библіотеки, великолѣпные монастыри гибли отъ перемѣннаго владычества завоевателей: Грековъ, Монголовъ, Татаръ, Персовъ, Османовъ, Грузинцевъ. Болѣе десяти тысячъ рукописей нашихъ пропало въ Баальбекѣ, что въ Сиріи, когда Турки сожгли сей городъ. Въ 1188 и 1197 годахъ ужасныя опустошенія претерпѣла Арменія отъ Греческихъ Императоровъ. Въ 1380 году, Тамерланъ, двадцать лѣтъ разорявшій ее, всѣ книги наши переслалъ въ городъ Самаркандъ, повелѣвъ держать ихъ въ башнѣ, гдѣ, *говорятъ*, до сей поры онѣ храняться. Послѣ Тамерлана многіе изъ Персидскихъ Государей наносили язвы отчизнѣ моей: Скандаръ въ теченіе сорока, Шахъ Тамаспъ пятидесяти, Шахъ Аббасъ тридцати, Надиръ Шахъ двадцати лѣтъ. Таковыми безпрестанными завоеваніями и пораженіями народъ Армянскій и Словесность до того были истреблены, что изъ многихъ тысячъ книгъ едва одну тысячу наслѣдовали мы отъ нашихъ предковъ.

Съ тѣхъ только поръ, какъ отечество мое отдыхаетъ подъ благотворнымъ скипетромъ Россійскихъ Императоровъ, Армяне начали собирать памятники своей письменности.

Въ Россіи нашихъ монастырей только 2: въ Нахичеванѣ и въ Крыму; ни въ томъ, ни въ дру-

гомъ нѣтъ библіотекъ. Въ Арменіи же находится болѣе 100 монастырей, изъ коихъ едва 10 обитаемыхъ; прочіе опустошены и представляютъ одни развалины.

Армянскія школы учреждены въ Москвѣ, Астрахани, Кизлярѣ, Нахичеванѣ, Кишеневѣ, Крыму, Тифлисѣ, Эриванѣ, Ахалцихѣ и въ Эчміадзинѣ.

На Армянскомъ языкѣ обучаютъ только Катихизису, Грамматикѣ, Риторикѣ; прочія же Математическія и Естественныя науки преподаются по-Русски.

Въ библіотекѣ Инспишуша Лазаревыхъ, въ Москвѣ, можно найти нѣсколько Армянскихъ книгъ и рукописей."

Въ дополненіе къ сему извѣстію Католикоса, по собраніи свѣдѣній на мѣстѣ, въ Лазаревскомъ Инспишушѣ, сообщаемъ слѣдующее: Въ библіотекѣ Инспишуша Гг. Лазаревыхъ — Армянскихъ книгъ 199, рукописей 65. Изъ книгъ замѣчательнѣйшія: 1) *Моисея Хоренскаго* — Исторія Арменіи, 2) *Агаѳангела* — жиніе Григорія Просвѣтителя и Царя Тридата, 3) изъясненіе Евангелія Іоаннова *Іоанномъ Златоустомъ*.

Изъ рукописей любопытнѣйшія:

1) Два Евангелія: одно на пергаминѣ, въ большую 8, 1391 года; другое, писанное въ 1483 году, харашейное. Въ первомъ письмо скорописное, называемое по-Армянски церакиркъ, другое печатнымъ почеркомъ, по-Арм. дбакиръ.

2) Законы Армянскихъ Царей, на бумагѣ, въ бол. 8. Письмо скорописное и печатное.

4) Словарь лѣкарственныхъ растеній.

5) Видѣніе Агаѳангела, переведенное съ Греческаго.

И такъ желательно знать содержаніе послѣдней рукописи; другихъ же памятниковъ письменности, ни переводовъ съ Греческаго, какъ предполагалъ Проф. Клоссіусъ, не находится, по изъясненнымъ Каѳоликосомъ Іоанномъ историческимъ причинамъ.

---

b. Основанія Физики, Михаила Павлова. Часть I. Москва, 1833, въ 8 д., 302 стр., съ чертежами.

c. Руководство къ опытной Физикѣ, Д. Перевощикова. Москва, 1833, въ 8 д., стр. 538, съ чертежами.

Два сочиненія, лучшія изъ всѣхъ извѣстныхъ сочиненій по части Физики, Русскихъ и иностранныхъ. Оба вполнѣ объемлютъ науку въ нынѣшнемъ ея состояніи, но только что и другое написано по особому плану и съ особой точки зрѣнія на предметъ. Обучающіеся Физикѣ теперь имѣютъ въ сихъ двухъ книгахъ вѣрное руководство: имъ не нужно прибѣгать къ иностраннымъ сочиненіямъ, и слишкомъ дорогимъ, и затрудняющимъ иныхъ по языку. Кромѣ приобрѣтенія для науки, въ той и другой книгѣ получаемъ новое приобрѣтеніе для отечественнаго языка; потому что обѣ написаны правильнымъ, чистымъ и изящнымъ слогомъ. Тогда только образуется языкъ каждаго народа, когда всѣ науки начинаютъ на немъ

говоришь. По важности сихъ сочиненій, выписываемъ изъ нихъ порядокъ предметовъ.

Въ введеніи Физики *Пр. Павлова* объясняется: предметъ Физики, опредѣленіе, средства, свѣдѣнія положительныя и теоріи, Физика Опытная и Умозрительная, содержаніе и планъ Физики.

За симъ слѣдуетъ Физика Общая, составляющая сію первую часть сочиненія. I. СВѢТЪ. A. свѣтъ въ явленіи. 1. Свѣтъ, какъ причина видимости. 2. Свѣтъ, какъ причина цвѣтности. 3. Свѣтъ, какъ причина тепла. B. Свѣтъ самъ въ себѣ. Здѣсь излагаются теоріи свѣта: a. Древнихъ, b. Декарта, c. Ньютона, d. Ломоносова, e. Окена. II. ТЯЖЕСТЬ. A. Тяжесть въ явленіи. B. Тяжесть сама въ себѣ. III. ВЕЩЕСТВО. A. Общія свойства тѣлъ, зависящія отъ силы расширительной. 1. Проницаемость. 2. Дѣлимость. B. Свойства тѣлъ, зависящія отъ силы сжимательной. 1. Непроницаемость. 2. Соединимость. B. Вещество само въ себѣ. — Изложеніе теорій: a) Древнихъ, b) Лейбница, c) Атомическихъ новѣйшихъ, d) Каншова Динамическая, e) Окена и f) теорія самого сочинителя, вмѣстѣ съ теоріею свѣта и тяжести.

Расположеніе предметовъ въ Физикѣ *Пр. Перевощикова* слѣдующее: Введеніе представляетъ два разсужденія: 1. о тѣлахъ вообще и 2. о законахъ движенія и равновѣсія. За симъ вся Физика заключается въ XIII главахъ: I. Всеобщее тягощѣніе. II. Явленія тяжести въ тѣлахъ жидкихъ текучихъ. III. Явленія тяжести въ тѣлахъ

воздухообразныхъ. IV. Явленія притяженія на безконечномалыхъ разстояніяхъ. V. О звукѣ. VI. О теплѣ. VII. Гигрометрія. VIII. О плотности тѣлъ. IX. Явленія тепла на землѣ и въ атмосферѣ. X. О свѣтѣ. XI. Объ электричествѣ. XII. О магнитности. XIII. Объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ въ атмосферѣ и на землѣ.

По объясненіи явленій *Физическихъ*, или такихъ, въ коихъ естественныя тѣла не измѣняются, въ прибавленіи показаны свойства простыхъ и нѣкоторыхъ сложныхъ веществъ, равно и явленія *Химическія*, обнаруживающіяся отъ взаимнаго дѣйствія сихъ веществъ, притомъ съ ихъ измѣненіемъ.

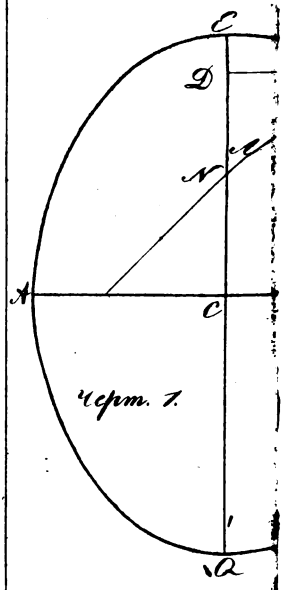
И. Д.

Напечатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Іюля 19 дня 1833 года. *Секретарь Совѣта Ордин. Проф. Николай Надеждинъ.*

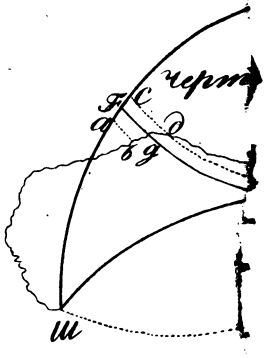
Москва. Въ Университетской Типографіи.

Поправка опечатки.

Въ 1 й книжкѣ Ученыхъ Записокъ, на 87 й, строкѣ 11 й сверху, напечатано: *и. деніемъ* вмѣсто *охраненіемъ*.



Черт. 1.



87 й,
денie

IV. СМѢСЬ.

1. Извѣстія о любопытныхъ явленіяхъ Физическихъ, объ ученыхъ путешествіяхъ и предпріятіяхъ Наукахъ.

2. Увѣдомленія о засѣданіяхъ Ученыхъ Обществъ.

Для объясненія нѣкоторыхъ предметовъ, при Ученыхъ Запискахъ будутъ прилагаемы чертежи, изображенія изъ трехъ царствъ природы и снимки съ памятниковъ древняго и новаго искусства.

Ежемѣсячно будетъ выходить одна книжка изъ семи или восьми печатныхъ листовъ. Четыре книжки будутъ составлять часть, а три части, каждая въ двѣнадцать или болѣе печатныхъ листовъ, составятъ годовое изданіе.

Университетъ, имѣя въ виду единственно пользу отечественниковъ, назначаетъ за годовое изданіе Ученыхъ Записокъ самую умѣренную цѣну: здѣсь въ Москвѣ, двадцать рублей; съ пересылкою въ другіе города, двадцать пять рублей, а для Учебныхъ заведеній всѣхъ Русскихъ Университетовъ, пятнадцать рублей ассигнаціями, съ пересылкою 20 р. асс.

Подписка на сіе изданіе принимается въ Москвѣ у Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, А. С. Ширяева, въ Университетской книжной лавкѣ, а въ С.-Петербургѣ у А. Ф. Смирдина, въ Почтампахъ и во всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ.

Члены Московскаго Университета, движимые усерднѣйшимъ желаніемъ распространенія свѣдѣній, приложатъ возможное стараніе о доставленіи любознательнымъ соотечественникамъ полезнаго чтенія. Русскіе Ученые и Писатели, непринадлежащіе къ сословію Московскаго Университета, если пожелаютъ участвовать въ семъ изданіи, благоволятъ относиться въ Университетъ, къ Редакторамъ Ученыхъ Записокъ, Профессорамъ Давыдову и Перевощикову. Сочиненія, входящія въ составъ изданія по представленному начертанію, будутъ помѣщаемы въ Ученыхъ Запискахъ съ благодарностію.

Стр.

III. КРИТИКА.

A. Механика.

5. Продолженіе Опыта объяснительныхъ примѣчаній на Аналитическую Механику Лагранжа. — *Пр. Перевощикова* . . 254

B. Россійская Исторія.

6. О баснословномъ времени въ Россійской Исторіи. — *Изъ лекцій Пр. Каченовскаго* . . . 273

IV. СМѢСЬ.

7. Ученыя извѣстія:

a. О вновь открытомъ нервномъ узелкѣ. — Сообщ. *Пр. Эйнбродтомъ* 299

b. Наблюденія Купфера надъ земною магнитностью . . . 303

c. Водяной барометръ Даніеля . 304

8. Метеорологическія наблюденія 305

9. Библіографія:

a. Дерптскія лѣтописи, (Dorpater Jahrbücher Erst. Band. erst. Hft.) 311

b. Основанія Физики. — *Михаила Павлова* . . . 317

c. Руководство къ опытной Физикѣ. — *Д. Перевощикова* . —

Отъ Комитета редакціи Ученыхъ Записокъ.

Гг. иногородные подписчики на Ученыя Записки для учебныхъ заведеній всѣхъ Русскихъ Университетовъ, не приславшіе за пересылку по 5 р. асс., благоволятъ выслать сіи деньги на имя Комиссіонера *Университета А. С.* Ширяева.

№ 0/959
Магазин № 2

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

CANCELLED

3 2044 092 683 341